

ВСТРЕЧА

Колонка редактора

Ежеквартальный
студенческий православный
журнал Московской
Духовной Академии
и Семинарии.
Издается по благословению
преосвященного Евгения,
епископа Верейского,
Ректора МДА и С.
1997 · 2(5)

Попечитель журнала

Фонд единства
православных народов

Главный редактор:
Даниил Еремеев
Выпускающие редакторы:
Евгений Сиротенко,
Илья Шугаев
Редакционный совет:
Сергей Елисеев,
Сергей Ефимов,
Сергей Зрянин,
Дмитрий Моисеев,
Сергей Пантелеев,
Корректоры:
Д. Моисеев, Н. Колотовкин,
К. Дорофеева, Д. Морнев
Верстка: Е. Сиротенко, И. Шугаев,
А. Долгов, С. Войтенко
Набор: Н. Тарарецкая
Художник: С. Иванов
Фото: А. Максимов, С. Пантелеев

Адрес редакции:
141300, Московская обл.,
Сергиев Посад, Лавра,
МДА и С
факс: (095) 973-08-23
Адрес в Интернете:
<http://www.or.ru/vstrecha>

ЛР № 040173 от 15.12.1996
Подписано в печать 15.05.97
Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная № 1
Усл. печ. л. 8. Уч.-изд. л. 8,2
Зак. 714
Оригинал-макет изготовлен редакцией
журнала "Встреча"
Отпечатано в типографии
издательства "Дом печати"
432601, Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Содержание

- Сделать студенческое познание плодотворным интервью с проф. М.С. Ивановым.....2
- Летопись.....5
- Радуйся, многия в разуме просвещающая Евгений Сиротенко.....12
- Церковь святых или Церковь кающихся?.....14
- Воспоминания об Академии С.Н. Постников.....16
- Опасно увлечение внешним, если оно не продиктовано потребностью духа интервью с иеродиаконном Лазарем (Гнативом).....24
- Мысли вслух.....27
- Святитель трех частей света Олег Каплун.....29
- Трактат Бозуия "Против Евтихия и Нестория" Сергей Ефимов.....32
- Господь принимает и Сам освящает в чистоте сердца приносимые творения наших рук Анна Зданович.....38
- Хочется пастырей видеть героями интервью с Ниной Карташевой.....40
- А сегодня мы будем рисовать? Илья Шугаев.....46
- Синайский монастырь.....53
- Обзор прессы Сергей Зрянин.....56
- Православие в Западном Китае священник Дионисий Поздняев.....60

При перепечатке ссылка на "Встречу" обязательна

Редакция благодарит сотрудников Канцелярии, ЦАКа МДА, Учебного комитета при Священном Синоде РПЦ, за неоценимую помощь в подготовке настоящего номера журнала.

На 3-й стр. обложки: Икона Божией Матери "Прибавление ума" (ЦАК МДА)

На 4-й стр. обложки: Рака с мощами святителя Иннокентия (Вениаминова)

Реформа Духовных школ Русской Православной Церкви, которая, по всей видимости, начнет проводиться в 1998 году, станет одним из главных событий церковной жизни этого десятилетия. Такой вывод очевиден для тех, кто связывает судьбу Православия в нашем Отечестве с духовным преуспеванием и уровнем образования учащейся православной молодежи — будущих священнослужителей.

Между тем, можно наблюдать отсутствие серьезного, всестороннего обсуждения путей реализации реформы, ее концепции, на страницах церковной прессы и в самих учебных заведениях. Более того, приходится констатировать, что грядущая реформа отнюдь не занимает умы студентов Духовных Академий, то есть тех, кому через некоторое время предстоит стать непосредственными ее проводниками на практике. Является ли такое отношение проявлением простого равнодушия или следствием отсутствия информации о самой реформе, рассуждать здесь не достанет места. Хотелось бы лишь выразить озабоченность тем, что этот важный для нашей Церкви вопрос лишен общественного внимания. Ведь от того, какими будут эти преобразования, насколько успешно они будут проведены, во многом зависит дальнейшее развитие русской богословской науки и воцерковление нашего народа...

Размышляя так, мы решили объявить главной темой журнала на будущий, 1998 год, вопрос о реформе учебных заведений Русской Православной Церкви. В связи с этим редакция предполагает провести конкурс на лучшую работу, посвященную этой тематике и приглашает всех желающих принять в нем участие. Условия конкурса будут опубликованы в следующем номере журнала.

Мы искренне надеемся, что вынесенный нами на повестку дня вопрос вызовет интерес у авторов и читателей "Встречи".

Даниил Еремеев

Михаил Степанович Иванов — человек, не нуждающийся в рекомендации в кругах студентов и преподавателей Московских Духовных школ. Проректор по учебной работе — ключевая фигура в вопросах духовного образования, о реформе которого так много говорят в последнее время. Взоры общественности сейчас с надеждой обращены к Православной Церкви, и люди хотят видеть ее служителей образованными пастырями, способными ответить на те сложнейшие вопросы, перед которыми поставлено современное общество. Но и будущих пастырей сейчас волнует то, каков будет процесс их обучения, каким будет уровень их образования, какие направления нужно выбирать в качестве приоритетных? — Эти и многие другие вопросы мы адресуем сегодня доктору богословия, профессору МДА М. С. Иванову.

Сделать студенческое познание плодотворным...

— *Михаил Степанович, произошли ли какие-нибудь существенные изменения в учебном процессе с тех пор, как Вы сами были студентом?*

— Такие изменения, как я считаю, стали происходить в последнее десятилетие, по мере отхода нашего государства от атеистической идеологии и уменьшения государственного давления на Русскую Церковь и ее учебные заведения. В этот период в Московских Духовных школах началось преподавание новых учебных дисциплин, ввести которые в прежнее время было практически невозможно. На преподавательскую работу школы стали приглашать специалистов в различных областях знаний: философов, историков, филологов. Повысился уровень преподавания. В Духовные школы в этот период могли уже беспрепятственно поступать лица, имеющие высшее светское образование. Все это благотворно сказывалось на учебном процессе: стали возрождаться богословские дискуссии, совместные обсуждения вопросов учебного и научного характера, повысился интерес студентов к духовному наследию, к истории Церкви, к современной церковной жизни.

— *Как Вы считаете, в чем разница подхода к образованию с точки зрения студента и проректора по учебной работе?*

— Разный подход к образованию, с моей точки зрения, в значительной мере определяется задачами и целями, какие ставит перед студентом и проректором Духовных школ. Главное для студента — усвоить преподаваемые ему знания, причем так, чтобы они стали для него жизненным началом в его церковном служении и христианском свидетельстве. Поэтому студенческий подход к образованию носит в основном духовно-познавательный характер. Главная же проблема, с которой сталкивается проректор по учебной работе, это проблема качества духовного образования. Сделать студенческое познание плодотворным — вот одна из основных задач, стоящих перед тем, кто несет ответственность за учебный процесс. Поэтому проректор подходит к образованию с точки зрения его уровня,

методики преподавания, объема и характера преподаваемого материала. Правда, когда студент пытается определить качество образования, он рассматривает его с тех же позиций. Однако выводы, которые делает студент в таких случаях, хотя и должны быть принимаемы

во внимание и непременно учитываться в учебной работе, не всегда могут совпадать с выводами проректора, так как студент только получает образование, но не участвует в решении связанных с ним проблем.

— *Когда Вы стали заведующим Учебной частью и непосредственно столкнулись с проблемами, возникающими в ходе учебного процесса, чему Вы сочли нужным уделить особое внимание?*

— Многие трудности, с которыми мне пришлось столкнуться в работе, были порождены недостаточно высоким уровнем духовного образования, что объяснялось целым рядом объективных причин и, главным образом, царившей в то время в нашей стране идеологической монополией. Когда засилье чиновников, контролировавших все сферы церковной жизни, стало ослабевать, в Духовных школах начался поиск путей совершенствования богословского образования. Мною в это время овладело глубокое убеждение в том, что начинать этот поиск следует с тщательного и всестороннего изучения богатых традиций дореволюционных церковных учебных заведений. Меня как проректора, естественно, привлекали прежде всего уставы Духовных школ, знакомство с которыми до сих пор помогает мне в работе. Наряду с изучением традиций нужно было, как мне представлялось тогда, безотлагательно менять методику преподавания, которое нередко велось скучно и не вызвало живого интереса у студентов — это порождало у них равнодушие как к богословским проблемам, так и к проблемам современной церковной жизни. Сегодня мое внимание в первую очередь привлекают задачи, связанные с предстоящей реорганизацией системы духовного образования в Русской Православной Церкви.

— *В настоящее время много говорят о предстоящей реформе духовного образования, в чем Вы видите приоритетные направления в реорганизации Духовных школ?*

— Приоритеты в реорганизации Духовных учебных заведений в значительной мере определяет современная церковная и общественная жизнь России. Исключительную актуальность в этой жизни приобретают проблемы духовного образования и воспитания. Мы переживаем сейчас тяжелейший духовный кризис, вызванный десятилетиями атеистической пропаганды, а также усугубляемый современными духовными суррогатами, со всех концов хлынувшими в нашу страну. Духовным школам нужно срочно готовить миссионеров, катехизаторов, христианских педагогов и воспитателей. Что же касается пастырей и богословов, традиционно выпускаемых нашими Духовными школами, то и их обучение должно претерпеть существенные изменения. Ушло то время, когда священник оставался “на задворках” жизни и ограничивался одним лишь богослужением. Лицом к лицу он встречается сегодня с человеком, с его запросами, исканиями и проблемами.

Для богословия также наступили другие времена, и оно уже не может замыкаться в стенах двух-трех Духовных школ или же в рамках “Богословских Трудов” и “Журнала Московской Патриархии”.

Поэтому в новой концепции духовного образования приоритетными задачами должны стать: существенное повышение уровня образования и актуализация образования.

— *Сейчас ставится вопрос о введении специализации в высшем богословском образовании, о создании факультетов или учебных групп, занимающихся разработкой определенной темы. Каково Ваше отношение к этой идее?*

— Полагаю, что сегодня специализация крайне необходима ввиду острого дефицита преподавательских кадров и незначительного количества специалистов в различных областях богословской науки. Высказывая это мнение, я не забываю о полемике, которая велась в дореволюционных Духовных школах между сторонниками и противниками богословской специализации. Последние, как известно, опасались того, что узкая специализация нанесет ущерб общему богословскому образованию студентов. Как показывают теоретические разработки, связанные с современной реорганизацией системы духовного образования, эти опасения не остались без внимания. Они учтены в новой образовательной концепции, согласно которой общее духовное образование Семинарии претерпевает принципиальные изменения и становится фундаментальным. Специализация же начинается с 1-го курса Академии и продолжается для одних студентов три года, а для других — пять лет.

— *Известно, что определяющее значение для развития науки имеет преемственность научных традиций. Вы еще застали в Академии старых профессоров, вышедших из дореволюционной школы, и нынешнее поколение профессоров — это их преемники. Но многих сейчас волнует вопрос, кто придет на смену нынешним профессорам Академии?*

— Этот вопрос волнует и меня. И не столько потому, что происходит смена поколений, что является естественным и закономерным процессом, совершающимся в роде человеческом. Я часто задумываюсь над тем, сохранится ли в новом поколении преемственность традиций богословских школ, причем традиций не только научных, которых касается обращенный ко мне вопрос, но и духовных, ибо для развития богословской науки последние имеют не меньшее значение, чем первые. Возникающие во время таких размышлений сомнения, как мне представляется, не беспочвенны. Дело в том, что традиции дореволюционной школы при всей их устойчивости и жизненности не могут не испытывать на себе отрицательного воздействия негативных процессов, происходящих в нашем обществе. Эти традиции как бы превратились в наше время в небольшой остров, находящийся посреди океана забвения обществом своих духовных, исторических и культурных корней и утраты своего бесценного национального наследия. Каким будет воспитанное в таком обществе новое поколение, грядущее на смену нынешним труженикам Духовных школ? И можно ли вообще называть его воспитанным, если за годы коммунистического эксперимента утеряны подлинные традиции семейного, школьного, общественного воспитания? Наше поколение, также испытавшее “блага” этого эксперимента, оказалось все же в более выгодном положении, так как оно воспитывалось в те годы, когда семейные устои были значительно крепче, чем теперь, и когда христианские ценности, несмотря на преследования Церкви, все еще сохранялись в сердцах многих людей.

— *В чем Вы видите разницу в подходах к учебному процессу в духовном и светском учебном заведении?*

— Эта разница определяется различием целей духовного и светского образования. Как известно, главная цель Духовной школы — не багаж знаний, к чему школа светская стремится в первую очередь, а воспитание православного христианина. В соответствии с этим ведущая роль в учебном процессе Духовной школы принадлежит воспитанию. И не только воспитатели или наставники должны принимать участие в воспитательном процессе. Сам учебный материал, если он должным образом преподан и правильно усвоен, оказывает на студентов духовное воздействие. Воспитание нового человека немислимо без Божественной помощи. Поэтому в учебном процессе Духовной школы, в отличие от школы светской, всегда присутствует молитва, совершаемая преподавателями и студентами в учебных аудиториях, в храме, дома и в других местах.

Процесс обучения в Духовной школе учитывает также нравственную атмосферу в студенческой среде и отношения между преподавателями и студентами, поскольку они оказывают существенное влияние на обучение и воспитание студентов.

— *Известно, что научный потенциал высшей школы определяется уровнем научных работ. Мы помним, что в 1870 году, когда была разрешена открытая защита магистерских диссертаций, это дало сильный импульс к развитию богословской мысли. Как вы относитесь к идее возрождения этой традиции?*

— В Духовных Академиях, возрожденных в послевоенные годы, все магистерские диссертации и большинство диссертаций докторских защищались публично. Дни защиты многими из нас переживались как праздники богословской науки. Мы радовались не только тому, что в суровых условиях академического бытия богословская мысль все же пробивала себе дорогу, но и тому, что Академии, несмотря на все чинимые ей идеологические препоны, удавалось проводить открытые научно-богословские диспуты, стимулировавшие ее научную и учебную работу.

Само собой разумеется, публичная защита диссертаций должна возродиться и сегодня.

— *Как никому другому Вам известно, что одной из самых насущных проблем в духовном образовании является нехватка современных учебных пособий. Как правило, их отсутствие оправдывают недостатком денежных средств. Но только ли в этом проблема?*

— Конечно, не только и даже не столько в этом. Хорошие учебники просто некому писать. Это не значит, что нет талантливых авторов. Они есть, хотя их и немного. Однако в силу того, что перед Русской Церковью стоит сейчас бесчисленное множество проблем и задач, требующих незамедлительного решения, они вынуждены совмещать свою преподавательскую работу в Духовных школах с различными видами церковного служения. Так что времени на написание учебников у них не остается. Не хочу прослыть пессимистом, однако замечу, что эту проблему, как мне кажется, нам не удастся решить еще долгое время.

— *Уже не одно поколение выпускников Академии помнит Вас как одного из самых опытных и авторитетных профессоров и как серьезного и ответственного администратора. Но редко кому из студентов доводилось видеть Вас в неофициальной обстановке. Не могли бы Вы немного рассказать о Ваших личных интересах и о том, что волнует Вас помимо Ваших служебных обязанностей?*

— “Вопрос, конечно, интересный”, — не без юмора говорят сегодня в таких случаях. Однако на этот “интересный” вопрос ответить мне непросто. Дело в том, что почти вся моя жизнь: и личная, и академическая, и церковная, проходит в одном и том же месте — в Троице-Сергиевой Лавре. Так что порой бывает даже трудно определить, когда одна жизнь сменяется другой. Например, когда я нахожусь дома и обсуждаю учебные вопросы по телефону или с пришедшим ко мне студентом, или же в Академии, пью чай в профессорской и беседую с “официальными” людьми (со своими коллегами, с членами делегаций или с другими гостями), но, между прочим, веду разговор, “о погоде и о природе”, я затрудняюсь определить, в какой обстановке в таких случаях я нахожусь — в официальной или в неофициальной. Кстати — о природе, поскольку в вопросе есть упоминание о моих личных интересах. Меня не покидает убеждение в том, что человек, изолировавший себя от живой природы, не может развиваться всесторонне и гармонично. Природу я очень люблю, особенно смешанный лес, куда я часто ходил в школьные годы и даже жил там во время лесного сенокоса. Сейчас, к большому сожалению, попасть на лоно природы становится все сложнее. Приходится довольствоваться лаврским “оазисом”.

Что волнует меня помимо моих служебных обязанностей? — Прежде всего, моя духовная жизнь. Ну и, конечно же, жизнь нашего народа, на долю которого выпали в последние десятилетия тяжелые испытания.

Поскольку и моя жизнь, и жизнь подавляющего большинства современных христиан проходит в миру, я иногда задумываюсь над тем, какими принципами и нормами следует руководствоваться в этой жизни и как применять к ней те аскетические правила и требования, которые были выработаны христианскими подвижниками. В связи с этим не могу не вспомнить глубоко запавшие в мою душу еще в студенческие годы слова двух великих святителей Христовой Церкви: Иоанна Златоуста и Григория Богослова. “Всем людям, — пишет святитель Иоанн, — должно восходить на одну и ту же высоту. То именно и извратило всю вселенную, что мы думаем, будто только монашествующему нужна большая строгость жизни, а прочим можно жить беспечно. Нет, нет; от всех нас требуется, говорит он (апостол Павел. — М.И.), одинаковое любомудрие: это весьма хотел бы я внушить; или — лучше — не я, но Сам Тот, Кто будет судить нас”. А святитель Григорий Богослов замечает: “Любомудрие состоит не в угрюмости, но в твердости души, в чистоте ума и в искренней наклонности к добру. А при этом можно иметь и наружность какую угодно и обращение с кем угодно и оставаться одному с самим собою, укрывая ум от чувств, и жить в кругу людей и знакомых, уединяясь в самом обществе, любомудрствуя среди нелюбомудрых”.

четверг сырной седмицы, 6 марта, в стенах нашей Духовной школы по инициативе журнала "Встреча" состоялась встреча за круглым столом под названием "Церковь и молодежь", в которой приняли участие студенты МДАиС и представители подросткового клуба "Красная гвоздика" г. Краснозаводска. Встреча началась показом фильма "Очарование с минусом", созданного в молодежном видеопрессцентре "Родник", действующем при этом клубе.

После просмотра фильма состоялось его обсуждение. Затем руководитель "Красной гвоздики" и главный режиссер В. Н. Денисов подробнее рассказал о деятельности клуба и о создании фильма. "Мы живем в нелегкое время, — сказал он, — когда происходит безнаказанное растление человеческих душ. Особенно это заметно среди детей и подростков. Однако в душе каждого ребенка, даже совершившего преступление, есть стремление к добру и к прекрасному. Дети потянулись к нам, потому что здесь они находят успокоение, находят друзей, обретают взаимное общение. Они могут поделиться своими проблемами и знают, что всегда будут поняты. Видеокамеру нам подарили друзья, она и стала причиной создания видеопрессцентра. "Очарование с минусом" — это наш первый фильм. Он является пробным шагом, но, надеюсь, в дальнейшем шаги наши станут увереннее, а замыслы смелее..."

Как выяснилось, у "Красной гвоздики" налажены давние связи с Московскими Духовными школами: под одной крышей с "Родником" находится воскресная школа, в которой преподают учащиеся МДАиС Александр Болонников и Владимир Телиженко. Дети и их родители постигают здесь основы Православия.

Затем были высказаны интересные предложения о дальнейшем сотрудничестве и достигнута договоренность о проведении концерта духовной музыки, а В. Н. Денисов пригласил всех желающих в мае в трехдневный конный поход.

Андрей Коробков, 4 класс МДС

Встреча студентов МДА иС и МГИМО

28 марта в Московском Государственном Институте Международных Отношений состоялся круглый стол на тему: "Вера и знание: Церковь и Университет в меняющемся мире", в котором приняли участие студенты Духовных школ. Конечно, не очень уютно было чувствовать себя под перекрестным огнем нелегких, а подчас и каверзных вопросов, ощущая при этом на себе любопытные взгляды переполненной аудитории (на встречу пришло не меньше 60-ти человек).

Студентов-международников волновали самые разные вопросы, начиная от отношения Церкви к экуменизму, кончая тем, слушают ли семинаристы рок-музыку. И хотя мы сами чувствовали, что далеко не все наши ответы удовлетворяют аудиторию, было очень приятно видеть, что люди относились к будущим служителям Церкви с большой доброжелательностью. Как уже упоминалось выше, было много сложных вопросов, но ни у кого из вопрошавших мы не увидели желаний чем-то нас обидеть или задеть. Люди действительно живо интересовались Православием и жизнью Духовных школ, и, наверное, самым ярким выражением этого неподдельного интереса явилась реакция на слова одного из участников круглого стола, который обратился к аудитории с вопросом: "Кто из вас стал бы посещать курс "Основы Православия", если бы таковой читался в вашем ВУЗе?" Думается, что не меньше, чем две трети присутствовавших, подняли руки в знак согласия. И так, разведка боем произведена. Но последуют ли за этим какие-либо конкретные дела, направленные на разъяснение студентам этого элитного ВУЗа основ Православной веры? Будем надеяться, что решению этого вопроса во многом будет способствовать ответный круглый стол, который намечено провести уже в стенах МДА.

Дмитрий Мусеев, 4 класс МДС

"Канонизация святых в Русской Православной Церкви"

— такова была тема встречи с председателем синодальной комиссии по канонизации святых митрополитом Ювением, состоявшейся 31 марта в Большом актовом зале МДА. Владыка митрополит начал свое выступление с обстоятельного доклада о работе, которой он руководит вот уже 13 лет, с тех пор как в 1983 году, в рамках подготовки к 1000-летию Крещения Руси, при Священном Синоде была образована рабочая группа по канонизации. "Это было особое для Церкви время, — вспоминал владыка Ювений, — когда впервые, после десятилетий унижения и притеснений со стороны государства, появилась возможность подготовить материалы к прославлению многих, уже давно почитаемых в народе угодников Божиих". Первые восемь ходатаев за нас перед Господом были прославлены на Поместном Соборе в 1988 году. С тех пор, почти на каждом архиерейском соборе происходят новые и новые канонизации. Митрополит Ювений коснулся и исторического аспекта канонизации святых в России, рассказал также и о принципах, которыми руководствуется комиссия, о трудностях, с которыми она сталкивается в

своей работе. По окончании своего действительно исчерпывающего доклада высокий гость с большим расположением согласился ответить на вопросы студентов. Большая часть поданных записок затрагивала вопрос о канонизации Царской Семьи. Владыка был рад, что учащиеся проявили интерес к этой сложной и волнующей многих сегодня теме. В комиссии этот вопрос рассматривается уже более пяти лет, и результатом этой работы стал доклад, представленный на рассмотрение Священному Синоду, а затем вынесенный на обсуждение Архиерейского собора в феврале 1997 г. Как известно, этот вопрос был отложен до Поместного собора РПЦ, который предполагается провести в 2000 г. и работа в комиссии продолжается. Владыка рассказал студентам о результатах голосования, проведенного во время епархиального собрания Московской епархии, когда за канонизацию высказалось более 90% присутствовавшего духовенства. С разрешения владыки ректора подобное голосование было проведено и среди учащихся МДАиС — митрополит Ювений попросил поднять руки тех, кто считает канонизацию Царской Семьи оправданной и своевременной, а затем тех, кто так не считает. Увидев, что мнения учащихся разделились почти равнозначно, митрополит Ювений отметил, что комиссия не ошиблась, приняв решение продолжать работу в этом направлении. Действительно, для принятия канонизации должна созреть вся полнота Церкви. Впервые в широкой аудитории владыка митрополит высказал свое суждение об останках царственных страстотерпцев. Найденные близ Екатеринбурга останки требуют, по его мнению, дополнительной и более тщательной экспертизы. Никакая спешка и давление определенных политических сил на Церковь в этом случае недопустимы.

Далее было предложено задавать вопросы у микрофона. Первой это сделала представительница средств массовой информации, корреспондентка ИТАР-ТАСС. Вопрос был задан со светской ориентацией: не будет ли поздно через два года или, тем более в 2000-ом году

решать дело о канонизации? Не будет ли она приурочена к юбилею второго тысячелетия? Владыка вежливо указал на некорректность постановки вопроса и сказал: "Канонизировать никогда не будет поздно, а когда Церковь созреет к этому, тогда и констатирует факт канонизации. Канонизация не политический акт, но констатация веры. Когда это почитание охватит всю Церковь, тогда она и будет возможна. Мы не можем приурочивать канонизацию к какой-либо дате".

Интересен был также полемический диалог между профессором МДА А.И.Осиповым и владыкой Ювеналием. Алексей Ильич высказал свою точку зрения, сказав, что канонизация — свидетельство исполнения человеком христианского долга, а император, по его мнению, не соответствовал этому. Владыка ответил с мудрой рассудительностью опытного пастыря: "Давайте раз и навсегда договоримся: никаких эмоций. Мы, с нашими греховными настроениями, не имеем права здесь высказывать свои суждения. Мы должны с молитвой смотреть на предмет, прося Господа о помощи. Комиссия сказала честно: есть вещи, которые смущают, — и нет оснований канонизировать царя за его правление Россией. Однако, отталкиваясь от образа покаяния Марии Египетской и благоразумного разбойника, мы можем сказать, что подвиг последних 16 месяцев жизни Царской Семьи достоин преклонения. Когда я прочитал их дневники, остальные вопросы для меня перестали иметь значение. Вера утверждала их в терпении и благочестии. Что же касается отречения от престола, то Николай II совершил его, потому что не хотел большего кровопролития, когда же увидел последствия, очень страдал".

Было задано и много других вопросов — о мощах, о помазании на Царство, о возможной канонизации местничим угодников Божиих. Когда же вопросы закончились, владыка ректор, завершая встречу, которая длилась четыре часа, но прошла как на одном дыхании, поблагодарил митрополита Ювеналия за труды и содержательные ответы, пожелал успехов в дальнейшей работе и выразил надежду, что владыка вскоре вновь посетит Духовные школы.

Шкред Роман, 2 класс МДС

По приглашению руководства Московской Духовной Академии 3 апреля перед студентами и преподавателями выступил с лекцией доктор философских наук, профессор ИФ РАН А.С. Панарин. Его лекция "Славянский мир и греко-православная идея" была посвящена актуальным на сегодняшний день проблемам: идеологической экспансии Запада по отношению к России и остальному миру, понижению ценностного статуса человека в технократическом обществе, перспективам и путям духовной реформы современного человечества.

Основные мысли, высказанные докладчиком, были таковы: когда утрачивается некая руководящая для общества идея — утрачиваются его ценности, исчезают силы для самозащиты. Западная идеологическая экспансия является составной частью так называемых "трех великих наступлений современности": 1) на человечество; 2) на природу; 3) на Россию.

Запад — очень самоуверенная цивилизация, считающая себя непогрешимым образцом для всего остального человечества. Им выдвигается мощная идея: человек по природе — эгоист. Именно такого человека социализирует Запад. Кто отклоняется от этой доминанты — тот перестает быть в западном обществе нормальным человеком.

Те цивилизации, которые по-другому смотрят на эту проблему — должны быть вестернизированы, но не военными, а более тонкими и эффективными методами, которые и легли в основание стратегии "холодной войны". В целом они сводятся к идеологическому и нравственному разоружению противостоящей цивилизации.

После победы в III Мировой "холодной войне" тон Запада стал еще более резким, а ценности западной культуры были объявлены абсолютными.

Будущее человечества — западный либерализм в современном варианте. Иначе говоря — будущего нет вовсе. Будущее — это настоящее, потребительское и технократическое. Знаменательно, что, когда 25 лет назад интеллектуально-социологи "Римского клуба" открыли так называемые "пределы роста", то есть пришли к выводу, что в какой-то момент земных ресурсов на всех не хватит, Запад решил: надо перестраиваться, сокращать потребительские интересы. Подготовка к этой перестройке уже шла, когда рухнул СССР. И тогда возник соблазн: отдалить пределы роста за счет ресурсов России, продлить потребительское существование, ничего не реформируя. Чтобы Россия сама не воспользовалась своими ресурсами, пришлось заняться разрушением её промышленности, что продолжается и по сей день.

Какова в этой ситуации задача русских патриотических сил? Надо вынудить Запад ускорить его духовную и экологическую реформацию, указать ему на то, что горизонт Прометеевско-Фаустовской культуры замыкается в ближайшем будущем, что планета, наконец, не выдержит потребительского хищничества. Чтобы вернуть человека к духовной аскезе, к сознательному воздержанию, необходимо позаботиться о мощнейшей мотивации. Один из аргументов: если не будет свободной аскезы, возникнет экофашизм (ограничение потребительного аппетита путем диктатуры). Особенно важно довести это до сознания "новых русских", слишком далеко зашедших в своем следовании западным гедонисти-

ческим стереотипам и отвержении духовных ценностей.

Но при чём же здесь Православие? Греко-православная идея утверждает нерасщеплённость Истины, Добра и Красоты. Конкретная истина эстетична, а моральная идея имеет космический статус, поскольку весь мир богопричастен. Долг Церкви по отношению к миру — помочь ему не упустить возможности альтернативы в ожидаемом им переходе к более рафинированной культуре. Надо помочь ему понять этот переход не техно-центрично, а духовно, как изменение системы приоритетов. Вполне очевидно, что превосходство Запада обуславливается именно его техническими преимуществами, но бездуховная мощь — самая страшная вещь в современном мире, поэтому так важна сегодня церковная проповедь духовного восприятия мира. Мы должны дать истолкование греко-православной идеи применительно к современным условиям и противопоставить его западной герменевтике основ существования человечества. Отговорка о невмешательстве Церкви в сферы политики и государственной идеологии здесь отнюдь не может служить прикрытием, поскольку речь идет как раз о вещах духовных.

В этом контексте особую роль приобретает православная религиозная философия. Она располагает к диалогу и даёт возможность общаться с людьми, заведомо не разделяющими ваших религиозных убеждений. Кто знает — не повлияет ли этот диалог на изменение позиции вашего оппонента? Пренебречь этой возможностью было бы безответственно. Отклонить мир от гибели никогда не поздно, и шансов у Православия здесь больше, чем у кого бы то ни было, потому что оно одно относится к миру с подлинной любовью.

По окончании выступления профессор Панарин ответил на устные и письменные вопросы, причем особо одобрительно высказался по поводу мысли одного из студентов о влиянии отпадения Запада от Православия на технократическую направленность пути его развития. Глубокий и пронизательный анализ современных социальных реалий представлял ответ учёного на вопрос о значении популяризации в обществе этики ненасилия в смысле её противопоставления традиционным православным воззрениям на проблемы войны и вообще сопровитвенная злу силой. По мнению профессора, этика ненасилия — это продукт, произведенный Западом специально для экспорта в Россию, но никак не для внутреннего применения. Цель его распространения у нас — ослабить волю русских людей к защите своих ценностей.

Значение данной лекции для студентов Духовных школ едва ли можно ограничить объемом полученной на ней полезной и интересной информации. Пожалуй, еще более важно было ознакомиться с необычным для нас подходом светского ученого к восприятию Церкви как живой и

мощной силы, способной одухотворить человечество, изменить парадигмы его мышления и вывести его из глобального кризиса.

Дмитрий Предеин, II курс МДА
“Церковное право”

— так называется диссертация-учебник, представленная на соискание научной степени магистра богословия, преподавателем МДА протоиереем Владиславом Цыпиным.

Защита проходила 4 апреля в Большом актовом зале МДА. Помимо членов Учебного совета здесь можно было увидеть и студентов Духовных школ, а также гостей.

Официальными оппонентами были доцент МДА протоиерей Сергей Правдолюбов и священник Максим Козлов.

Первым взял слово о. Сергей Правдолюбов, который в своей рецензии основной упор сделал не на содержательной и композиционной стороне диссертации, а на ее языковых и стилистических особенностях.

Отец Сергей подметил также тот факт, что некоторые материалы, привлеченные к работе, несмотря на свою доступность берутся не в прямом цитировании. Подобные недостатки, по мнению оппонента, отрицательно влияют на уровень научной работы.

В целом протоиерей Сергей дал весьма положительную оценку работе и признал, без всяких сомнений, автора достойным высокого звания магистра богословия.

Вслед за этим взял слово второй официальный оппонент — священник Максим Козлов. Он начал свое выступление с высокой оценки представленной работы и выразил удовлетворение тем, что новый учебник ориентирован на лучших студентов Академии. Это, по его мнению, будет способствовать повышению образовательного уровня студентов. Дав положительный отзыв о языке и стиле работы в целом, он в частности подчеркнул журнально-публицистический характер повествования о событиях, связанных с Поместным Собором РПЦ 1961 года. Критику с его стороны вызвало и то, что о Поместном Соборе РПЦ 1971 года автор почти умалчивает, если не считать нескольких строк по этому вопросу. О характере же канонических постановлений столь близкого к нам по времени Собора ничего не говорится. Отмечено было и то, что не всегда можно проследить позицию автора по многим вопросам, затронутым в учебнике. В частности, не совсем ясно из работы, как с церковно-канонической точки зрения рассматривать “Духовный регламент” Петра I и синодальный период церковной истории в целом. Упущением было признано и то, что в учебнике ничего не говорится о помазании на царство. Церковно-каноническое осмысление этого таинства было бы очень своевременным. В работе также не рассматривается вопрос о по-

миновении самоубийц, решать который придется почти каждому выпускнику Духовных школ.

В завершение своего доклада священник Максим Козлов отметил, что эти и другие указанные им недостатки существенным образом не влияют на высокий уровень диссертации.

Протоиерей Владислав Цыпин поблагодарил своих оппонентов за конструктивную критику и признал ряд недочетов, допущенных им при написании работы.

После этого всем присутствующим в зале была предоставлена возможность высказать свои соображения по защищаемой диссертации.

Свое мнение о работе в целом и относительно ее частных моментов высказали: проф. архимандрит Матфей (Мормыль), проф. К.Е. Скурат, проф. А.И. Осипов, доцент Б.А. Нелюбов и преподаватель В.Д. Юдин. Последний поддержал мнение священника Максима Козлова касательно журнально-публицистического характера повествования о Соборе 1961 года и о неоправданном замалчивании событий Поместного Собора 1971 года. Сглаживание острых углов, по его мнению, мешает объективному освещению происходивших событий. Пора называть вещи своими именами, заявил Владимир Дмитриевич Юдин и призвал к серьезной оценке деяний Поместных Соборов РПЦ 1961 и 1971 годов. Уважительное отношение к историческому прошлому нашей Церкви, по его мнению, никак не совместимо с нежеланием достоверно воспроизвести динамику церковно-политической жизни минувшей эпохи.

Тайное голосование дало весьма положительный результат: из пятнадцати членов Ученого совета четырнадцать проголосовало “за”, а один воздержался. После подсчета голосов епископ Евгений заявил, что он от лица Ученого совета будет ходатайствовать перед Святейшим Патриархом Алексием II о присуждении протоиерею Владиславу Цыпину ученой степени магистра богословия.

Редакция Журнала “Встреча” приносит свои поздравления потенциальному магистру богословия и желает ему новых творческих успехов.

Савва Гаглов, I курс МДА

“Церковь всегда идет крестным путем...”

8 апреля в Большом актовом зале состоялась встреча учащихся Московских Духовных школ с Блаженнейшим Владимиром, митрополитом Киевским и Всея Украины. В своем вступительном слове Его Блаженство, вспоминая те годы, когда

он был ректором МДА (1972-1983), назвал это время самым светлым в своей жизни. Обращаясь к нынешним студентам, он живо описал те трудности, с которыми приходилось сталкиваться учащимся Духовных школ в еще недалеком прошлом и призвал нас, как находящихся в совсем иных условиях, более ответственно подходить к процессу своего обучения.

Говоря о положении Церкви на Украине, Его Блаженство сказал: “Церковь всегда идет крестоносным путем. Сейчас на Ее долю выпали новые трудности — кроме государственного разделения она вынуждена переносить тяготы церковных расколов, которые обессиливают и обескровливают Ее”. Особое внимание в своем докладе владыка уделил псевдоцерковным организациям, отколовшимся от Украинской Православной Церкви. Это и УПЦ КП, возглавляемая отлученным от Церкви монахом Филаретом (Денисенко), и УАПЦ, руководимая лжепатриархом Дмитрием (Яремой), Синодальная УПЦ, РСЦЦ и многие другие непрестанно дробящиеся и анафематствующие друг друга деноминации. Освещая историю развития расколов, митрополит Владимир показал, насколько тяжелый жребий выпал Украине и ее народу: “Ведь наряду с социальными неурядицами люди становятся свидетелями, а иногда и участниками раздиранья на части хитона Христова”. Неоднократные попытки соединения на канонической основе не привели ни к чему. Усугубляют положение ультранационалистические настроения части общества и давление со стороны государства, которое часто осложняет и без того непростое положение Церкви.

Отвечая на многочисленные вопросы студентов, владыка в простых словах, никого не обличая, дал ясную картину происходящего. Действительно, в настоящее время Церковь Христова на Украине, сохраняя верность Правде Божией, находится в необычайно трудном положении. Но будучи гонима и притесняема, Она во всем следует церковным канонам и не идет ни на какие компромиссы с “духом мира сего”. И в этом,

конечно, большая заслуга ее предстоятеля. Постепенно особое чувство сопричастности страданиям Церкви на Украине охватило всех присутствовавших в зале. А в завершение владыка ректор зачитал последнюю записку, не требующую ответа. В ней учащиеся сердечно благодарили Его Блаженство за проведенную встречу и за его мудрость и мужество в управлении кораблем Украинской Православной Церкви. Владыка ответил: "Мы должны верить Богу, надеяться на Бога, служить Богу" и пожелал всем студентам помощи Божией в приобретении духовного опыта и глубоких знаний, необходимых для служения Церкви.

Алексей Демченко, 3 класс МДС

Встреча с протопресвитером Борисом Бобринским, ректором Свято-Сергиевского Богословского института в Париже

Шестая седмица Великого Поста прошла в Академии под знаком встреч с разными интересными людьми. Во Вторник 15 апреля в Большом актовом зале МДА состоялась встреча с ректором Свято-Сергиевского Богословского института в Париже, протопресвитером Борисом Бобринским. О. Борис, который говорил со значительным французским проносом и время от времени уточнял у владыки ректора, как правильно произнести то или иное слово по-русски, рассказал студентам об истории Свято-Сергиевского института, у истоков которого стояли такие именитые личности, как протоиерей Сергей Булгаков, протопресвитер Василий Зеньковский, епископ Кассиан (Безобразов), протоиерей Георгий Флоровский и целый ряд других русских богословов, которые и создали так называемую Парижскую школу в русском богословии.

Выступающий отметил, что его очень радует открывшаяся возможность общения и налаживания контактов между студентами МДА и Свято-Сергиевского института. Однако немаловажными проблемами на этом пути является то, что с середины 70-х годов преподавание в институте ведется на французском языке

и что институт не предоставляет общежития и не выплачивает студентам стипендии. Так что нашему брату, желающему получить образование в Париже, придется позаботиться о средствах к достижению этой цели. Правда, о. Борис порадовал студенток Регентской и Иконописной школ, сказав, что в их институте образование доступно и для женщин. Не забыл упомянуть о. Борис и о том, что диплом Свято-Сергиевского института признается государственными учреждениями Франции и, соответственно, других европейских стран.

Сам будучи по своей богословской специализации догматистом, о. Борис очень живо отреагировал на вопрос, заданный ему одним из участников встречи. По сложной догматической проблеме, которая вызывает споры между преподавателями и студентами Академии, о. Борис высказал четкое и определенное мнение, которое, может быть, удовлетворило далеко не всех сидящих в зале, но в то же время показало, что нам нельзя сбрасывать со счетов оригинальную богословскую традицию, сложившуюся за многие десятилетия в Париже.

Интересно также отметить, что на вопрос о возможности воссоединения Русского Экзархата Константинопольской Патриархии с Церковью-Матерью о. Борис ответил, что в последнее время об этом много говорят в Париже и что в целом тенденция к воссоединению уже намечалась, но прежде, конечно, нужно проделать еще немалый путь к достижению большего взаимопонимания.

Сопровождавший о. Бориса князь Оболенский, отвечая на один из вопросов, высказался за восстановление в России монархического строя, указав при этом на монархию как на идеал социального устройства народной жизни, осуществление которого будет возможно только на пути покаяния и воцерковления России.

В целом, встреча произвела очень благоприятное впечатление, и многим стало ясно, что взаимное общение сможет обогатить наш научный потенциал, обновить богословскую мысль и открыть дальнейшие перспективы для плодотворного сотрудничества. Так что, братья, учите французский язык!

"Мы должны проповедовать на кровлях"

Встреча с митрополитом Смоленским и Калининградским Кириллом, председателем Отдела внешних церковных сношений, проходившая 16 апреля в Большом актовом зале МДА, была весьма знаменательной сразу по нескольким

причинам. Во-первых, за последний месяц это была уже третья встреча с постоянным членом Священного Синода. Во-вторых, с тех пор как двенадцать лет назад владыка Кирилл перестал быть ректором Ленинградской Духовной Академии, он впервые имел такую беседу со студентами Духовных школ.

Встреча началась с солидной задержкой из-за автомобильной пробки, в которую попала машина владыки на пути в Сергиев Посад. Последний факт навел его на грустные размышления о положении нашего общества да и всей цивилизации: "кругом много автомобилей, а ехать невозможно, и так стоишь полтора часа — тупик, несмотря на кажущееся материальное благополучие".

Главной темой встречи митрополита Кирилла со студентами была внешняя деятельность Русской Православной Церкви. Владыка определил ее как всю сферу взаимодействия Церкви с окружающим миром, со всем, что не есть Церковь, и напомнил, что еще святой равноапостольный император Константин называл себя "епископом внешних дел Церкви". По словам владыки Кирилла, внешнецерковная деятельность предшествует миссионерской деятельности Православной Церкви. Это передний край фронта, а причина нападков на внешнецерковную деятельность в том, что мир без особого восторга воспринимает церковную проповедь.

Владыка раскрыл перед аудиторией основные направления и представил результаты этой деятельности. Сейчас одной из главнейших задач Церкви является участие в законодательном творчестве. От этого зависит ее возможность: придет ли она в школы, даст ли отпор сектантам, каким будет материальное и правовое положение Церкви в государстве.

В сфере политики Церковь должна быть объединяющим началом, наподобие конституционной монархии в Великобритании, она не должна примыкать к какой-либо партии. Наше общество сегодня расколото, и только Церковь — общий дом для всего народа.

Традиционным направлением внешнецерковной деятельности всегда было миротворчество. Сейчас оно приобрело особую актуальность. В этой области в активе нашей Церкви участие в миротворческом процессе в Грузии, Абхазии, Приднестровье и устранение религиозного мотива в войнах в Карабахе и Чечне.

Но, пожалуй, особое внимание, а подчас и нарекания, вызывает сфера межрелигиозных отношений, в частности, с неправославными церквями и различными христианскими организациями. Это, наверное, наиболее актуальная часть внешнецерковной деятельности. По мнению владыки Кирилла, критика по этому поводу часто бывает неконструктивной и сводится к простому отрицанию права Церкви на отношения с неправославными христианами. Но в церковной

истории всегда были примеры таких отношений. Святители Игнатий Богоносец и Поликарп Смирнский встречались с еретиком Маркионом, чтобы обличить его ложное учение. Нет такого места, где невозможна проповедь Истины. И хотя, конечно, в современном экуменическом движении остается много греховного, к бесспорным успехам его православных участников, свидетельствующих о своей вере, можно отнести факты исключения многими христианскими сообществами "Филиокве" из Символа веры, признания некоторыми протестантскими деноминациями крещения младенцев, Евхаристии как жертвы, преложения Святых Даров, введения еженедельного причащения. "Так что мы должны проповедовать на кровлях", — отметил владыка Кирилл.

Что касается нашего участия во Всемирном совете церквей, то, по мнению Его Высокопреосвященства, еще рано выходить из этой организации, особенно в то время, когда все остальные православные Церкви наращивают в ней свое присутствие. Иначе мы можем оказаться в такой же изоляции, в какой находилась наша Церковь в 1961 году, до вступления во Всемирный совет церквей. Тогда участие в ВСЦ имело положительные результаты: благодаря влиянию международной христианской общности удалось избежать закрытия ЛДА, Пюхтицкого монастыря, кафедрального собора в Таллинне. Недавним успехом нашей политики в ВСЦ была изоляция Киевского лжепатриарха Филарета (Денисенко). Но, как отметил владыка Кирилл, наше прошлое и нынешнее участие в этой организации не означает, что Церковь намерена остаться там навсегда. Принимая участие в работе этой организации, православные получили возможность свидетельствовать об истинной вере, но политика ВСЦ заставляет Православную Церковь все более серьезно рассматривать вопрос о ее выходе из Всемирного совета церквей.

Православное единство является самым высоким приоритетом, для обеспечения которого нашей Церковью и предпринимается разного рода контакты с неправославными христианскими общинами и организациями. В последнее время, к сожалению, обострились отношения с Константинопольским патриархатом и Румынской Церковью.

Поднимался вопрос и о Баламандском соглашении с дохалкидонскими церквами. Владыка Кирилл отметил, что часто рассуждения на эту тему полны полемической лексики, не всегда точно отражающей реальность. Доклад богословов, работавших над проблемой отношения с дохалкидонскими церквами, митрополит назвал слабым. Но это не предательство Православия, так как речь не идет об уни. Просто была попытка разобраться в хронологических различиях между православными и дохалкидонитами, чтобы устранить заблуждения членов дохалкидонских церквей.

Отвечая на вопрос о перспективе отношений с Русской Зарубежной Церковью, владыка напомнил, что согласно постановлению последнего архиерейского Собора РПЦ диалог может быть начат в любой момент без каких-либо предварительных условий с нашей стороны. Хотя с канонической точки зрения у РПЦЗ не все благополучно, но по долгу любви Православная Церковь готова на диалог с целью дальнейшего объединения.

Был также задан вопрос о применении канонических норм к молящимся с еретиками и раскольниками (10-е и 45-е апостольские правила). Владыка на это ответил, что нельзя чисто механически толковать каноны. Важно отличать еретика от человека заблуждающегося. Главное — чтобы общение с инославными не служило соблазном для верующих и не вело к безразличию в вопросах веры, поэтому молитва с инославными, присоединяемыми к Православной Церкви через таинства миропомазания и покаяния, не является преступлением канонов. Что же касается еретиков, извращающих церковные догматы (сегодня это иеговисты, богородичники, мунисты и лично отлученные от церковного общения), то с ними и им подобными не может быть никакого общения, а тем более молитвы. Именно об этом говорит святитель Василий Великий в своем первом правиле.

Закончив свой доклад, владыка Кирилл ответил на многочисленные вопросы студентов Духовных школ. В основном поднимались темы, интересующие большинство членов Церкви. Например, нашумевшие публикации в центральной прессе по так называемому "табачному делу". По этому поводу митрополит объяснил свою позицию, уже изложенную во многих его интервью. Владыка с огорчением заметил, что представители средств массовой информации в погоне за сенсацией часто публикуют сведения, несоответствующие действительности.

В заключение ректор Московских Духовных школ, епископ Евгений, поблагодарил митрополита Кирилла за встречу со студентами, которые смогли получить из первых рук ответы на интересующие их вопросы.

Игорь Выжанов, II курс МДА

Встреча в Интернете

26 апреля в 23.30 во всемирной компьютерной сети Интернет открылся новый сервер "Православие в России", созданный по благословению Святейшего патриарха Московского и Всея Руси Алексия II сотрудниками фонда "Русская культурная инициатива". Впервые патриаршее пасхальное богослужение транслировалось из Богоявленского кафедрального собора в режиме RealAudio для более чем 150 млн. пользователей Интернета.

А незадолго перед тем, в Великий Вторник, в одном из пресс-залов гостиницы "Redisson-Славянская" состоялась презентация этого уникального проекта. По словам его создателей, главная цель продланной работы — свидетельство о Православии, приобщение мирового сообщества к православной культуре и истории России.

К собравшимся в зале представителям прессы обратился в режиме трансляции через Интернет Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Его Святейшество приветствовал появление нового сервера и выразил удовлетворение тем, что современные средства коммуникации служат евангельскому благовестию Церкви в этом мире.

Содержание сервера представил преподаватель МДА А. М. Пентковский. Благодаря установленной в зале аппаратуре присутствовавшие смогли совершить наглядное путешествие по разделам, среди которых — православный календарь, соединивший на уровне программной логики подвижный пасхальный и неподвижный годовой циклы, православный катехизис, сведения об иерархии и каноническом устройстве РПЦ, новости церковной жизни, хронологические таблицы по истории Церкви и многое другое. В дизайне сервера были использованы миниатюры из Лицевого летописного свода Ивана Грозного и элементы орнамента Острожской Библии, изданной Иваном Федоровым. В целом, технические характеристики сервера и его внешнее оформление отвечают самым высоким международным стандартам. Выступление А. М. Пентковского нашло у журналистов самый живой отклик, а для присутствовавших на презентации членов редколлегии "Встречи" особо приятным было то, что среди разделов сервера заняла свое место и страница нашего студенческого журнала. Итак, до встречи в Интернете. Наш адрес: <http://WWW.OR.RU/VSTRECHA>

IV курс Академии

16 июня состоится очередной, 51-й выпуск Московских Духовных Школ. В этом году на стационаре и экстернате МДА окончило 14 человек, МДС — 111 человек. Таким образом, 125 делателей на ниве Христовой должны вступить на новое поприще своего служения.

Всем хорошо известно, с каким нетерпением их сегодня ждут во всех концах необъятной России. Наверное, только уже выйдя за порог Духовных школ, вчерашние студенты смогут по-настоящему оценить то время учебы, которое Господь сподобил их провести в обители преподобного Сергия.

4 класс "А"

4 класс "Б"

Принявшие священный сан среди выпускников пока что в меньшинстве, и для многих это связано, в первую очередь, с выбором жизненного пути. Поэтому редакция журнала "Встреча" от всей души желает нашим выпускникам выбрать или достойную спутницу жизни, или милую их сердцу оби-

тель, и с помощью Божией вступить на стезю служения Церкви Христовой.

Тем же выпускникам Семинарии, кто желает углубить свои богословские познания в Духовной Академии, мы желаем помощи Божией на вступительных экзаменах в конце августа.

4 класс "Б"

“Радуйся, МНОГИЯ в разуме просвещающая...”

*(Иконография образа Пресвятыя Богородицы,
именуемого “Прибавление ума”)*

В настоящее время в церковных лавках среди прочих икон часто можно встретить образ Пресвятой Богородицы “Прибавление ума”. Эта икона для многих современных церковных людей стала столь же узнаваемой и любимой, как и другие, более древние и прославленные иконографические изображения Божией Матери. Особенно почитается этот образ в среде учащихся. Часто родители покупают ее своим детям, надеясь, что Господь, по молитвам Пресвятой Богородицы, подаст их чадам необходимые способности и любовь к учению, дарует им столь необходимый в отроческом возрасте разум отличать доброе от злого. Да и кто из нас, услышав само наименование образа, не вздохнет и не обратится мысленно к Матери Божией, рождшей миру “Свет разума”, просвещающий всякую душу?

Но еще столетие тому назад эта икона была малоизвестна. Изображения подобного типа (даже сравнительно поздние списки, датируемые XIX веком, как, например, икона из собрания Церковно-Археологического кабинета Московской Духовной Академии) являлись большой редкостью. В то же время, начиная с конца XIX в. образ “Прибавление ума” благодаря своей своеобразной иконографии стал привлекать внимание специалистов в области церковной археологии.

На иконах с таким названием (описание дается на примере иконы из ЦАК МДА) мы видим Пресвятую Богородицу, изображенную в полный рост, с Богомладенцем на руках, на фоне портала или арки — как бы в преддверии храма. В руках Спасителя скипетр, на плечах — царские бармы. Иконографическая особенность — одеяние, которое, наподобие колокола, почти сплошь покрывает Богомладенца и Богоматерь. Пресвятую Богородицу окружают четыре ангела со светильниками (по два с каждой стороны) и четыре серафима — три в верхней и один в нижней части, который как бы несет Ее на своих распластанных крыльях. В самом низу мы видим три отдельно стоящие друг от друга города или же строения.

Подобная иконография не имеет аналогов среди традиционных иконописных подлинников и, следовательно, не может быть списком с какой-либо древней русской или греческой иконы. Что же касается ее прославления, то здесь мы тоже, к

Икона “Прибавление ума”, XIX в., собрание ЦАК МДА

сожалению, не имеем никаких достоверных сведений. Современные издания-каталоги, помещая среди прочих икон Пресвятой Богородицы образ “Прибавление ума”, обычно ограничиваются лишь приблизительной датировкой, называя временем ее возникновения XVI-XVII вв. и ничего не сообщая об истории ее почитания.

Однако существует предположение, высказанное в начале нашего столетия маститым иконоведом, академиком Н. П. Кондаковым, что образ “Прибавление ума” является не чем иным, как списком с почитаемой и по сей день в католическом мире Лореттской иконы Божией Матери, которая представляет собой резную статую черного дерева и находится внутри так называемой Лореттской храмины.

Согласно преданию, эта храмина — дом Пресвятой Богородицы в Назарете, где Она родилась от святых Богоотцев Иоакима и Анны, где архангел Гавриил благовествовал Ей о рождении от Нее Сына Божия и где, наконец, прошли детские и отроческие годы Господа нашего Иисуса Христа. Еще в апостольские времена в этом доме был устроен храм, украшенный позднее равноапостольной царицей Еленой. Когда же в 1291 году пала под ударами мусульман Акра — последний оплот западного христианства на Востоке, то храмина была чудесным образом перенесена в Сербию, откуда, по совершении многих чудотворений, вновь переносится в Италию, где и поставляется во владениях некоей матроны Лауретты. Местные жители, обратив внимание на крошечный, лишенный фундамента домик, обнаружили внутри него престол (по преданию, освященный апостолом Иаковом, братом Господним) и упомянутую статую Пресвятой Богородицы, авторство которой приписывают святому апостолу Луке. Такова вкратце (без упоминаний о многочисленных чудесах и исцелениях) история Лореттской храмины. Следует сказать и о том, что правдивость этого средневекового сказания всегда вызвала множество сомнений со стороны историков и церковных археологов. В конце XIX века во Франции даже проводились специальные конференции, посвященные Лореттской храмине, под названием: “А правда ли это?” Одним из основных аргументов сомневающихся было отсутствие каких-либо упо-

минаний об этой святыне на Востоке — в византийских хрониках и исторической литературе, а также малоизвестность Лореттской храмины на Западе до второй половины XVI в., когда при папе Павле II появляется описание святыни и бывших от нее чудес и воздвигается собор, построенный в 1464 году при папе Юлии II и скрывший храмину под своими сводами.

Известно, что на рубеже XV-XVI вв. Московская Русь имела обширные связи с Западной Европой, и вскоре о Лореттском домике узнали и на Руси. В 1528 году, как сообщает русская «Повесть о храме Святыя Богородицы, в немже родися от Иоакима и Анны», «придоша на Москву посланницы великого князя Василя Ивановича от папы римского Климента ... Еремей Турусов с товарищи, иже видеша сию святую церковь от Рима 300 верст...» Посольство Еремея Турусова к папе Клименту VII есть не вымысел книжника, а исторический факт — о нем упоминают многие русские летописи. И действительно, «Повесть о храме...» начиная с XVI века довольно часто встречается в русских летописных сборниках, древний список этого произведения хранился некогда и в библиотеке Московской Духовной Академии.

Таким образом, нет ничего невозможного в том, чтобы на основе существовавшего подробного описания статуи или же устных рассказов мог быть написан образ Пресвятой Богородицы. Вглядываясь в иконографические детали, мы найдем тому немало подтверждений. Прежде всего, изображение Пресвятой Богородицы действительно напоминает лореттскую статую — и царскими венцами, и, в особенности, своим одеянием — ведь согласно католической традиции Лореттская Божия Мать задрапирована в драгоценный материал со множеством украшений. Далее мы видим три здания, неизменно изображаемые у нижнего края иконы (а мы знаем, что на иконах ничего не может быть случайного), — не обозначают ли они различные места пребывания храмины и статуи — в Палестине, в Сербии и в Италии? И, наконец, ангельские силы, которые, окружив пресвятую Богородицу, как бы переносят Ее на своих крыльях, — не есть ли это также напоминание о чудесных перемещениях святого домика?

Но если на Западе сейчас Лореттская статуя считается покровительницей летчиков, то в России предполагаемый список имеет совсем иной характер почитания. Как объяснить возникновение этого, не совсем обычного названия — «Прибавление ума»? Мы можем предположить, что написанный образ впоследствии прославился чудесами — и именно исцелениями в случаях слабоумия и расстройства умственных способностей. К этой мысли нас приводят и местные сказания, одно из которых, записанное в начале века ученым протоиреем В. Мирославским, настоятелем собора в городе Романове, мы приводим ниже: «В ближайшее время после патриарха Никона жил в Москве один благочестивый человек — иконописец. Много ему приходилось читать церковных книг: и иосифовского времени, и исправленных патриархом Никоном. Не зная, каким книгам нужно следовать, чтобы спастись, стал этот человек много размышлять, но решить самостоятельно этого вопроса не смог и ослабел рассудком. По молитве иконописца последовало ему видение Божией Матери, которая заповедала ему написать Свой образ в том виде, в каком Она явилась ему и обещала, что если он напишет икону и станет молиться перед ней, то выздоровеет. После видения,

когда сознание иконописца прояснилось, он принимался писать образ Божией Матери, когда же видение стало забываться, то он усердно молился и продолжал писать так, как внушал ему Бог. Написав таким образом икону, он назвал ее «Прибавление ума».

И если для нас, как это часто бывает, название иконы служит той невидимой нитью, которая связывает каждое отдельное изображение Божией Матери с воспоминанием тех или иных чудес и исцелений, совершенных Ею, то в рассматриваемом случае эту связь можно считать почти утраченной. Но ведь многие наименования чудотворных икон и вовсе не нуждаются ни в каких воспоминаниях и комментариях. В первую очередь, те, которые взяты из молитв и церковных песнопений — «Достойно есть», «О Тебе радуется...», «О, Всепетая Мати...», «Всех скорбящих радости» — эти наименования напрямую обращаются к верующему сердцу. К числу таких икон мы, видимо, должны отнести и образ «Прибавление ума». В самом его названии нашла отражение мысль о небесном заступничестве Пресвятой Богородицы, «озаряющей» смыслы верных» и «превосходящей разум премудрых»*, молящейся непрестанно о вразумлении всего мира. Об этом же говорят и такие, более редко встречающиеся, названия того же образа, как «Прибавление ума — ключ разума», «Филафет» (от греч. *filalthe...* — что означает «Подруга истины») или же, как подписана почитаемая икона из московского храма Тихвинской Божией Матери в Алексеевском, «Прибавление ума житию вселенныя».

Мы же, прибегая с молитвой к этому образу Божией Матери, молимся, чтобы Пресвятая Богородица в наше время, которое многие называют безумным, вразумила наш народ и даровала бы каждому из нас духовный разум, руководящий ко спасению.

Евгений Сиротенко, 2 класс МДС

Литература:

1. Н. П. Кондаков. Русская икона. Т. IV. Ч. 1, Прага, 1931.
2. Dictionnaire d'archeologie chretienne et de liturgie/Ed. R.P. F. Gabrol, Fas. CII-CIII. Paris, 1930.
3. Sainte Annee. Rome, 1975.
4. А. Титов. Образ Пресвятыя Богородицы «Прибавление ума». М., 1909.
5. А. И. Кирпичников. Русское сказание о Лореттской Богородице. М., 1986.

Лореттская статуя Божией Матери

ЦЕРКОВЬ СВЯТЫХ ИЛИ

Проповедь в день Святого Духа

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Дорогие отцы, братья и сестры! Наверное, все мы уже не раз слышали, что день Пятидесятницы, день сошествия Святого Духа, явился днем основания Церкви, ибо в этот день простая община учеников Господа, собиравшихся после смерти своего Учителя при закрытых дверях *страха ради Иудейска* (Ин. 19,38), вдруг превратилась в Церковь, каждый член которой стал смелым проповедником Воскресения Спасителя и пришедшего Царства Небесного.

В этот день — день рождения Церкви — наиболее уместно подумать о том, что такое Церковь Христова.

Можно приводить много образов, которые бы нам открывали тайну Церкви. Но, быть может, один из самых ярких, проясняющих сущность Церкви — это образ врачевницы. "Понеже пришел еси во врачевницу, да не неисцелен отыдеши", — так слышим мы постоянно на исповеди. Этот образ дал нам Сам Спаситель, ибо Ему не раз приходилось повторять фарисеям, осуждавшим Его за общение с грешниками: *Не здравии имеют нужду во враче, но больные* (Мф. 9, 12). Казалось бы, все ясно. Все мы больны, поражены грехом. Церковь — единственное место, где человек получает истинное исцеление от греха, участвуя в церковных Таинствах. Но если мы откроем апостольские послания, то к своему удивлению обнаружим, что, обращаясь к христианам различных общин, апостолы не зовут их грешными, или пораженными грехом. Напротив, первые христиане осознавали себя *родом избранным, царственным священством, народом святым, народом, взятым в удел* (1 Петр. 2,9). Христиане звали себя святыми.

Это кажется сейчас удивительным. Ведь никто из православных в наши дни не зовет друг друга так дерзновенно. Разве сейчас мы можем звать друг друга святыми, и не будет ли это для всех признаком того, что мы находимся в глубочайшей прелести? Неужели в Церкви произошел переворот сознания и правы протестанты, призывающие вернуться к апостольским временам?

А иначе как можно совместить слова апостола, что *вы* (христиане) — *народ святой*, с тем, что сказал в IV веке преподобный Ефрем Сирий: "Церковь Христова — это Церковь кающихся"? Ведь под словом "кающийся" подра-

зумеается "грешный", "согрешивший"; а "святой" для нас означает скорее "безгрешный". Как совместить это? Может ли кающийся быть святым, а святой кающимся?

Этот вопрос возник когда-то и у преподобного Иоанна Кассиана Римлянина, когда он со своим другом Германом посещал восточных отцов-пустынников. Так, однажды они спросили у аввы Феоны: "Отче, ты говорил, что только святые могут причащаться святыих Христовых Тайн и удостоиться Царства Небесного, а

сейчас ты говоришь, что никто не чист от греха. Неужели тогда никто не должен причащаться и никто не спасется?" Авва ответил: "Вы заблуждаетесь, путая слова "святой" и "безгрешный". Разве вы не читали: *семь раз праведник упадет и встанет, а нечестивые впадут в погибель* (Притч. 24,16). Такой ответ получил преподобный Иоанн Кассиан: праведник отличается от грешника не тем, что уже не впадает в согрешения, или тем, что, будучи праведным, он грешит реже или более "мелкими" грехами — нет, не в этом отличие. Отличие в том, что праведник падает и встает, поднимается после каждого падения. Грешник же падает каждый раз все ниже и ниже. И здесь даже не столь важна величина греха, как покаяние после падения.

Однажды к старцу пришли две женщины. Одна впадала в тяжкий грех, а другая никаких тяжелых грехов не совершала, и потому,

зная о падении первой, осуждала и превозносилась в сердце. Тогда старец подозвал обеих и повелел им идти в поле и собрать камни: первой он велел принести один большой камень, а второй — множество мелких. Вскоре обе вернулись. Тогда старец сказал: "А теперь идите и верните каждый камень на свое место". И тогда принеся мелкие камушки возроптала: "Да как же мне их вернуть, разве я могла упомнить, где какой камень взяла?!" На это старец ответил, что это — образ их грехов. Мелкие грехи тем и страшны, что тяжесть их также велика, но человек не замечает того, как он впадает в них и не может покаяться, и потому с трудом несет этот груз всю жизнь. Тяжкий же грех подчас скорее приводит человека к осознанию своей греховности и к покаянию, то есть к восстанию от греха.

Итак, вновь спросим себя: может ли святой быть кающимся, может ли Церковь святых быть Церковью

Церковь кающихся?

кающихся? Может. Но только нужно правильно понимать слова “святой” и “кающийся”.

Авва Феона говорил Иоанну Кассиану: «Вы путаете слова “святой” и “безгрешный”. Ибо святыми могут быть многие, и, более того, это общее название не только для людей, но и для предметов, сообщающихся со святыней. Безгрешным же был только Господь наш Иисус Христос». Но что же тогда означает слово “святой”? Оно означает “избранный”. Как и говорит Апостол: *народ святой, род избранный*. Подобно тому, как еврейский народ был святым, потому что был избран Богом быть хранителем Завета, и это избрание совершилось не за высокие нравственные качества Израиля, но по Промыслу Божию. Еврейское слово “святой” (“кадош”) означает “выделенный”, “предназначенный для принесения в жертву”. Так и христиане святы, потому что избраны Богом для хранения Нового Завета, они избраны, ибо предназначены для принесения себя в жертву Богу, как мы и слышим ежедневно: “Весь живот наш Христу Богу предадим”. Итак, “святой” означает “избранный”, предназначенный для святости. Вспомним слова Священного Писания: *семь раз праведник упадет и встанет*. Встанет, потому что он избран и предназначен быть святой жертвой, чистой от греха. Встанет, ибо постоянно осознает свою обязанность очищать себя от всякой скверны, то есть приносить покаяние. А потому Церковь может быть Церковью святых только тогда, когда она является Церковью кающихся.

Но вернемся к тому, с чего начали, — к образу Церкви как лечебницы. Нам уже известно, что мы — Церковь кающихся, или, используя образ лечебницы, можно сказать, что мы не Церковь здоровых, но Церковь больных, чающих исцеления. Чем человек мира сего отличается от церковного? Разве не одни и те же немощи одолевают и того, и другого, и не в одни ли и те же пороки впадают оба? Чем мы, церковный народ, можем похвалиться перед миром? Скорее всего, ничем, кроме одного — тем, что мы хотим вылечиться.

Представим себе город, весь пораженный давней и тяжелой болезнью. Пройдем по его улицам и увидим множество больных, привыкших к своему положению и уже не замечающих болезни. А после придем в больницу, стоящую посреде города. И удивительно, но первое, что мы встретим — это еще большее количество болящих и пораженных подчас болезнью в большей степени, чем люди за стеной больницы. Мы не увидим огромного числа выздоровевших людей, да и вылечившиеся не будут иметь вполне здоровый вид, ибо любая болезнь оставляет шрамы и рубцы от язв, изуродовав человека на всю жизнь. Но тот, кто внимательно взглянет, увидит, что раны у болящих здесь все же другие — они уже не кровоточат, и каждая из них получает необходимый уход и лечение. Приходящие сюда не стыдятся обнажать

все свои раны перед врачом, и эти больные люди — кто-то с радостью, но чаще с мучением — переносят боль, которая возникает от прижиганий и лечения. Но все с терпением переносят ее, ибо единственная их цель — выздоровление. Так же и в Церкви. Человек, пришедший в храм и бросивший поверхностный взгляд, увидит лишь людей с обычными для всех немощами и грехами, такой человек не увидит, в чем же заключается святость Церкви, он не увидит никаких признаков сошествия Духа Святого на Церковь.

Так и приходят люди в Церковь и не видят ее святости, ибо не знают, что Церковь есть лечебница для больных. Люди ищут святости Церкви в святости ее членов, и, не увидев святых среди христиан, не хотят верить в Церковь. Но в том-то и дело, что не Церковь свята из-за того, что мы святы, а наоборот, мы становимся святыми из-за того, что Церковь обладает истинным врачеством для наших немощей — благодатью Святого духа, сошедшего в Пятидесятницу. И как о достоинстве больницы лучше судить по тому, сколько больных прибегает к ее помощи, так и достоинство Церкви мы можем увидеть в том, что множество грешников прибегает к ее благодатным дарам и получает исцеление. И потому ни наши грехи не могут омрачить святость Церкви, ни наша праведность ничего не может добавить к святости Церкви, ибо святость Церковная — это святость Христова. Но люди не видят не только святости Церкви, но и святости людей. Ибо ее ищут в безгрешности, а не в покаянии. Но мы знаем, что “святой” значит “приносящий покаяние”. И святые отцы всегда предупреждали: “Не осуждай другого, ибо ты видишь его падение, но не видишь его покаяния”.

Но мы веруем во “единую святую, соборную и апостольскую Церковь”. Веруем, потому что знаем, в чем святость Церкви, — в том, что Дух Святой сошел на апостолов и сообщил Церкви дар исцелять немощи людей. Мы знаем, в чем святость христиан, — в том, что они приносят покаяние, стремясь быть достойными своего призвания и избрания.

В эти дни мы празднуем день рождения Церкви, а в такие дни принято приносить некий дар. Что же мы можем принести в дар Церкви? Только самих себя. Предадим же всю нашу жизнь Церкви и станем истинными христианами, то есть святыми; святыми — то есть кающимися. И потому будем же прибегать ко всем таинствам церковным, а прежде всего к покаянию, ибо с покаяния начинается любое приближение к Богу. Покаяние — вот невидимая для глаз, но осязаемая для сердца граница Церкви. Пребудем же внутри ограды церковной, среди стада Христова, предназначенного к святости, пусть не достижимой в этом веке, но имеющей открыться в нас в веке будущем. Аминь.

С этого номера мы начинаем публикацию воспоминаний Сергея Николаевича Постникова — студента МДА, учившегося здесь в 1910 — 1915 годах. К сожалению, кроме имени автора и тех скудных биографических сведений, которые он сам о себе сообщает, нам ничего неизвестно об этом человеке. Он не стал впоследствии ни видным богословом, ни выдающимся иерархом Церкви — и, в то же время, его мемуары представляют для нас огромный интерес как живое свидетельство студента, каких было сотни, о жизни Академии и Лавры тех лет.

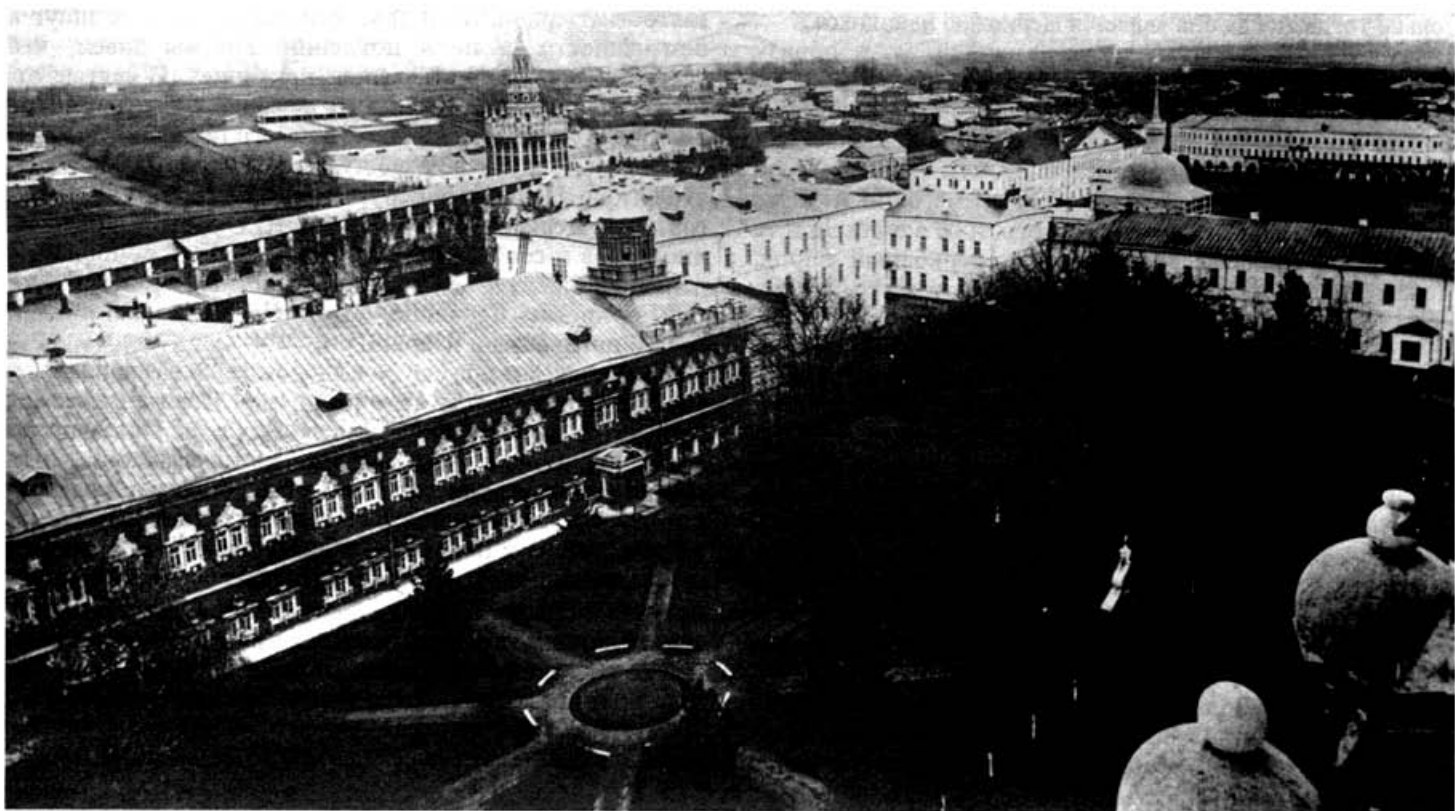
Нынешним студентам Духовных школ эти воспоминания могут быть интересны вдвойне, поскольку для нас крайне важно не только узнать, какой была тогда жизнь в Академии, но и сравнить ее с той, что мы имеем сейчас. Времена меняются, и то, что до революции считалось обычным делом, сейчас вызовет немалое удивление — и наоборот. Мы печатаем этот материал в надежде, что он поможет нам найти ту незримую нить, которая связывает нас с нашими предшественниками, чтобы почувствовать себя преемниками тех живых духовных и научных традиций, которые создавались профессорами и студентами Академии в течение более, чем 300 лет.

Источник, по которому мы воспроизводим текст воспоминаний, — машинопись, существующая в единственном экземпляре в библиотеке МДА. Судя по всему, эта машинописная копия была сделана с авторской тетради воспоминаний, поскольку в машинописном варианте оставлены места для фотографий, к которым сделаны подписи. В тексте машинописи заметны следы небольшой редакторской правки, а также некоторые примечания, подписанные инициалами В.В. Скорее всего, редактором машинописного текста был Владимир Македонович Волков, почти четверть века трудившийся в библиотеке МДА и долгое время бывший ее заведующим. Очевидно, что именно ему как главному хранителю книжных сокровищ Академии и была передана тетрадь воспоминаний Постникова.

Если кому-то из читателей что-нибудь известно о дальнейшей судьбе автора мемуаров, редакция будет очень благодарна за предоставленные сведения.

Воспоминания публикуются с самой незначительной редакторской правкой, не искажающей смысла оригинального текста.

Воспоминания об Академии (1910—1915)

Приемные экзамены в Академии

Приемные, или проверочные экзамены для лиц, желающих быть принятыми в академию, начались 17 августа. На экзамены нас приехало 42 семинариста на 30 вакансий. Из этих 42 человек двое сбежали во время экзаменов. Владимир Васильевич Образцов, мой товарищ по семинарии, прислал из Киева открытку, в которой писал, что в Киевской академии конкурс более большой, чем в Москве, там на 31 место прибыло 67 кандидатов. Прибывшие на экзамены студенты осторожно знакомились друг с другом, пытались взвесить “ученые” силы конкурента и составить для себя некоторый прогноз. Дело заключалось не только в сдаче экзамена, который отвоевывали семинаристы, занимая места в академической аудитории. Борьба разгоралась за стипендию.

Для многих из нас, если не для большинства, получить или не получить стипендию означало быть или не быть в академии. Провинциальное духовенство не принадлежало к числу обеспеченного сословия, а особенно диаконы и причетники, которые не в состоянии были оторвать от семейного прибýtка три сотни рублей, чтобы содержать сына в академии. Поэтому для поступившего в академию было самым страшным не получить стипендии. Получил стипендию — ты в академии, нет стипендии — ездят домой. Стипендия определялась суммой баллов, полученных на экзаменах. К экзаменам готовились много. зубрили летом дома, жужжали, как шмели, и в стенах академии. На разговоры все очень скупы, большинство приехавших в академию на конкурс — молчаливы и сосредоточены. Среди приехавших в академию я встретил только одного знакомого — Николая Николаевича Синева, окончившего семинарию вместе со мной. Синева — очень усидчивый и прилежный юноша и большой зубрила, как тогда говорили. Он приехал в академию подготовленным и все-таки целыми днями уединялся с книгами и зубрил, зубрил без конца. Он вставал в три часа ночи и садился за учебники. Целыми часами он что-нибудь бормотал себе под нос, изредка заглядывая в церковную историю или догматику, весьма недружелюбно встречая всякую попытку заговорить с ним. О, как он ненавидел меня в эти минуты, всегда готового подтруснить над ним. Правда, до прямых ссор дело не доходило, но он всемерно старался от меня избавиться, а я, считая, что перед смертью не надышишься, спокойно знакомился с Сергиевым Посадом и его окрестностями, наслаждался спокойным величием Лавры и той силой религиозного духа, которым веяло от Лавры и который пронизывал тебя насквозь, как только ты переступал порог монастыря. К тому же, я и не особенно верил в то, что я сдам экзамены. Я был плохо подготовлен к экзаменам, так что на свою попытку поступить в академию смотрел, как на дерзость; этим и можно объяснить проявленное мною легкомыслие, с каким я относился к предстоящим экзаменам, и мое ироническое отношение к зубрежке Николая Николаевича Синева.

Проверочные испытания в объеме курса духовных семинарий проводились письменно по Основному

богословию, Логике и составлению поучения, и устные — по Священному Писанию Нового Завета, Догматическому богословию, Всеобщей церковной истории и по одному древнему языку, по выбору экзаменуемых.

По Основному богословию для письменной работы была дана тема: “Какими причинами обуславливается возникновение атеизма?”, — по Логике — “Можно ли согласиться с мнением, что Логика есть лишь часть или ветвь психологии, а не самостоятельная наука?”

Почтение было дано на тему: “Рим. 6 гл., 3-11 стихи”, которое якобы должно быть произнесено на литургии в Великую субботу перед чтением Евангелия, когда священнослужители меняют траурные черные облачения на светлые, белые.

Я со своими письменными работами занял среднее место. Отметок нам не сообщали. В официальных же отчетах ошибки в моих работах не были указаны конкретно. В официальных донесениях комиссий, проверявших работы, даны были такие отзывы (отмечаю только отрицательные характеристики, которые относились и к моим работам):

1. По Основному богословию: неумение точно выражаться, отсутствие правильных логических схем, неясность плана и мысли, категоричность и безапелляционность.

2. По Логике: писавшие не обнаружили особенной начитанности в философии, но хорошо разбирались в основных понятиях психологии и логики.

3. По поучению: оказались далеко не на высоте положения. Вариация догматической формулы отличается наивностью и шаблонной схоластичностью преподавания.

У меня осталось в памяти только написание поучения, над которым я очень долго пыхтел, изучая текст апостола и вникая в его смысл. Свою работу подал последним, не окончив даже переписку набело.

Не лишен интереса случай с Н.Н. Синева. Нам для письменных работ выдали бумагу нелинованную. У Синева был транспарант. Когда он закончил свою работу, я попросил у него транспарант и получил отказ. Для завоевания стипендии, по его мнению, имел значение и транспарант.

23 августа экзамен (устный) по Истории древней церкви. Дни 21 и 22 августа были отведены нам на подзубривание учебника Евграфа Смирнова. Теперь-то я в первый раз задумался: а что если на устных экзаменах провалюсь? Я чувствовал, что письменные работы у меня вышли более или менее... (нам уже стали известны некоторые сведения о наших работах), и вдруг “устный” — скандал? Нехорошо. (Вспомнил, что у меня есть письмо дяди Василия Ивановича к М.Д. Муретову, профессору по Новому Завету. Письмо отнес. Отдал письмо его жене. Самого М.Д. дома не было).

Курс истории Церкви я относительно знал. Плохо знал конец курса. К столу вышел во второй тройке. Взял билет под № 18: “Антиохийская школа в IV и V веках”. Один из самых трудных билетов курса. Сначала даже подумал — не отказаться ли от билета, но не хватало духу отказаться, а потом все равно: другое-то я знал не лучше, а отказ мог бы мне только

повредить. Профессор А.А. Спасский слушал меня молча, потом перебивая меня двумя-тремя вопросами по сравнительной характеристике с другими богословскими школами того времени, неожиданно спросил: "По какому учебнику готовились?" — "По Смирнову," — говорю я. — "Ерунду ваш Смирнов пишет". А потом, обращаясь к экзаменационной комиссии, говорит: "Сколько раз я писал и говорил, что Смирнова надо переиздать или изъять — все остается втуне; а вот теперь изволь вот такие ответы выслушивать". Это, между прочим, им было отмечено и в официальных донесениях экзаменационной комиссии Совету Академии: "Требования экзаменационной комиссии не выходили за пределы содержания принятого в духовных семинариях учебника, и потому все достоинства или недостатки ответов определялись более или менее сознательным или точным усвоением материала, предложенного учебником".

24 августа экзамен по Священному Писанию Нового Завета. Перед экзаменом по Церковной истории я волновался, хотя историю я и знал, но почему-то волновался меньше, а ведь нужно было знать текст Евангелия. Не зная текста, нечего было и думать получить удовлетворительную отметку. Процедура экзамена была такова: М.Д. Муретов выложил на

стол пачку билетов, на которых были написаны тексты из Евангелия. Экзаменующийся, вытянув билет с написанным на нем отрывком текста из Нового Завета, должен был сказать: где в Евангелии стоит этот текст, указать параллели, дать объяснение текста и уточнить смысл отдельных выражений. К нашим толкованиям текста Митрофан Димитриевич относился снисходительно. Постигать внутренне-идеологическую сторону Нового Завета нас учили в семинарии, но сами мы, юнцы, едва ли были склонны к мистическому созерцанию или проникновению в нравственно-религиозную сущность Евангелия. Нами, еще не сформировавшимися, как было определено М.Д. Муретовым в донесении академическому Совету о результатах испытаний, Новый Завет усвоен как "упраздненный учением Христа закон заповедей" — и только. Знание текста для экзаменующихся было обязательно. Это мы все знали и боялись сорваться именно на этом. Вызывали к столу по алфавиту. Впереди меня на парте сидел Михаил Соколов, волонтер Московской семинарии. Соколов выходил к столу позже меня, нервничал и все время перелистывал Евангелие. Откроет, перевернет несколько страниц, почитает и снова закроет свою книжицу. Я обратил на него внимание и, между прочим, углядел, что у него Евангелие с подстрочными параллелями. Улучив свободную минуту, когда Соколов, по-видимому, отдыхал, я обратился к нему с просьбой дать мне Евангелие для выхода к экзаменационному столу. У меня своего экземпляра не было. Соколов дико посмотрел на меня, прикрыл Евангелие обеими руками и отрезал: "Не дам!" "Ах ты, — думаю — стипендию охраняешь, ну, ну! А все-таки я у тебя Евангелие возьму". Нельзя же мне выходить к столу без Евангелия — значит погубить все дело, это во-первых, а во-вторых — если у меня будет Евангелие с подстрочными примечаниями, то, не указав основной цитаты, я по примечаниям скажу параллели. Это стоило дорого. И вот, когда за экзаменационным столом назвали мою фамилию, я поднялся со своего места, схватил с парты Соколова Евангелие и быстро пошел к столу. Соколов поднялся, ринулся за мной, ухватил меня за рукав. "Отдай Евангелие, отдай!" — в ужасе зашептал он мне, но я, мало обращая внимания на вопли Соколова, быстро очутился у стола. Соколов отстал. Я торжествовал. Первое дело сделано. Беру билет. Читаю: "О Мелхиседеке". Господи Иисусе Христе! Мелхиседек, царь Салимский, где о тебе писано? Точно я помнил одно, что у евангелистов о нем нет и не могло быть. Следовательно, у апостола Павла, но у него 14 посланий, в котором? А дальше: глава, стих — стою и размышляю. Билет в руках держу. Мит-

СТОЛ В МОСКОВСКОЙ АКАДЕМИИ С 15 АВГУСТА

ОБЕД

УЖИН

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Пирог с мясом
Бульон мясной
Телятина с картофелем
Фрукты

Голубцы
Лапша с молоком

ПОНЕДЕЛЬНИК

Щи из свежей капусты
Битки в сметане
Рисовая каша

Мясные котлеты с огурцами
Компотный кисель

ВТОРНИК

Щи из свежей капусты
Котлеты с картофельным пюре
Кисель с молоком

Голубцы
Лапша с молоком

СРЕДА

Разварная рыба (белуга) в томате
Суп картофельный
Компот

Щи с рыбой
Картофель тертый с огурцами

ЧЕТВЕРГ

Щи из свежей капусты
Фаршированные мясом макароны
Каша рисовая с молоком

Сосиски
Компотный кисель с молоком

ПЯТНИЦА

Заливная рыба
Рассольник
Компот

Рыбные котлеты
Кисель с булкой

СУББОТА

Малороссийский борщ
Антрекот

Котлеты с картофельным пюре

рофан Дмитриевич поднимает на меня глаза и спрашивает

— Как фамилия?

— Постников, Тверской, — отвечаю.

Другой Постников был Самарский. Муретов взял у меня билет, отыскал мою фамилию в списке и спрашивает: “Где будете искать?” Я молчу, уставился в список экзаменуемых, разложенный перед Митрофаном Дмитриевичем и вижу: что-то он там пишет, а Муретов спокойно записывает против моей фамилии: Ев. 5, 4. Я продолжаю молчать. Между тем Митрофан Дмитриевич снова повторяет: “Где будете искать?”

— У Евреев, — говорю.

Ректор академии, епископ Феодор, председательствующий на экзаменационной комиссии, почувствовав мою нерешительность и как бы желая поправить допущенную мною ошибку в выражении, переспрашивает:

— Как, как?

Не поняв, чего от меня хочет о. Ректор, я уже обращаясь к нему, недоумевая повторяю: у Евреев...

— Где? И тут же, улыбаясь, сам отвечает: — Ну, правильно, только не у евреев, а в послании Апостола Павла к Евреям, к Евреям.

— Глава, — спрашивает Муретов.

— Пятая, — отвечаю.

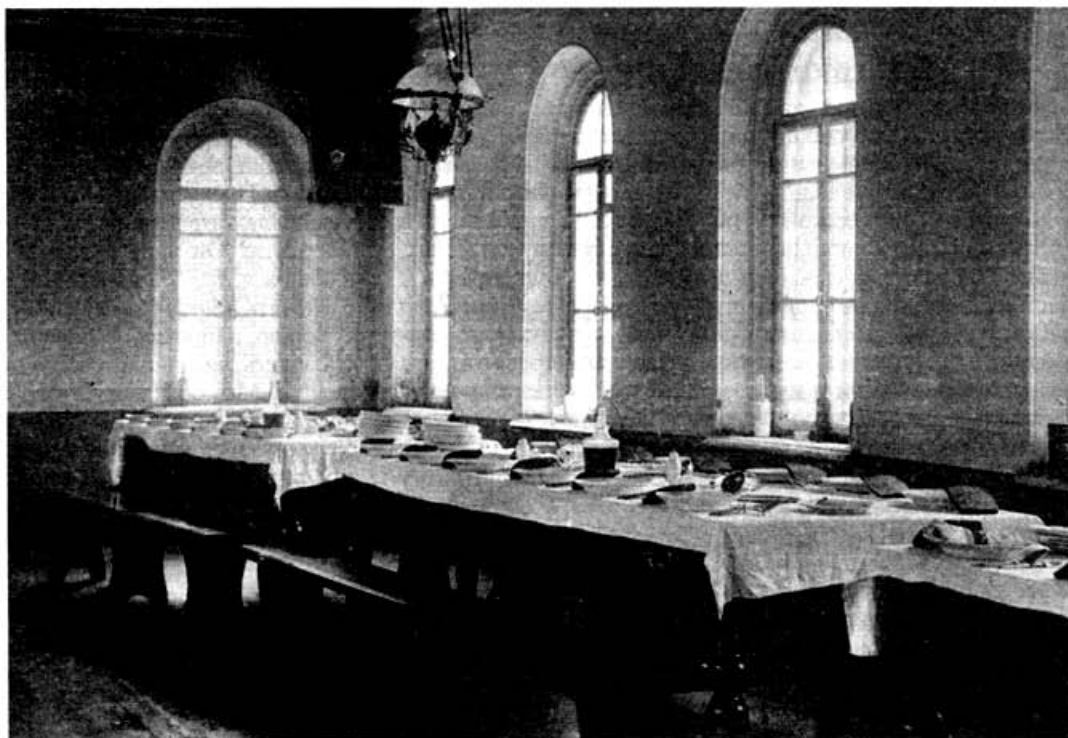
— Стих знаете?

Подумав, говорю: “Четвертый.”

С объяснением текста вышло не совсем гладко, но это было уже дело второстепенное, важнее было первое. С параллелями я уже справился легко, благодаря подстрочным примечаниям в соколовском Евангелии. Получил отметку “четыре” и сияющий возвратил Евангелие по принадлежности. Возвращая книгу ее владельцу, я получил от него нелестную реплику и покинул аудиторию.

26 августа экзамен по Латинскому языку, профессор — Сергей Павлович Знаменский. По Латыни я ничего не ответил и получил 2,5. Латинский, греческий и прочие языки всегда были моим несчастьем.

27 августа экзамен по Догматическому богословию. Догматика теперь решала вопрос о моем бытии. Я плохо знал первую половину Догматики курса 5 класса семинарии, вторую половину я знал. Нужно, следовательно, вытащить билет из второй половины, но как? Это была задача. Но ведь решаются же и японские головоломки. Я себе этот вопрос разрешил,

В академической столовой

и мой прогноз оправдался. Я предположил, что старичок-профессор по Догматическому богословию А.Д. Беляев перед экзаменом должен проверить наличие всех билетов в колоде. Для проверки он соберет их в порядке номеров и так, не тасуя их, и донесет до экзаменационного стола. Так оно и вышло. Когда экзаменационная комиссия расселась на своих местах, Александр Дмитриевич торжественно вынул из правого бокового кармана сюртука конверт с билетами и, не тасуя, раскинул их на столе. Теперь мне нужно было знать: в порядке чисел они лежат или нет. Наблюдения подтвердили мое предположение. Билеты вынимались экзаменующимися и с левого края, и с середины. С левого края лежали первые номера, в середине — второй и третий десятки. Но вот один студент берет билет с правой стороны — 47 билет, другой берет там же — 39 билет (всех было 52), и я уже спокойно дожидался своей очереди. Так же спокойно вышел к столу, взял билет под № 45 — “Учение Церкви о всеобщем суде” — ответил и сел за парту, на свое место.

В два часа дня, после обеда в студенческой столовой, я поездом выехал из Сергиева Посада к дяде Василию Ивановичу, на Клязьму, а затем в Москву. Отсюда, довольный прошедшими экзаменами и с надеждой, что в академию я все-таки буду принят, уехал в Кашин. Все время экзаменов мы жили в академическом общежитии на иждивении академии. Хороший стол, великолепные кровати, академический сад, мистическая тихость Лавры... Академия становилась желанной вдвойне.

Ректор Академии Преосвященный Феодор

Высокий, худой, в очках в черной роговой оправе, с черными, как смола, волосами и острым взглядом, Федор являлся нам суровым монахом с сильной волей и неумолимым к слабостям мирской юношеской суеты. Среди вновь прибывших в академию юношей ходили недобрые о нем слухи: сухой монах, студентов он делит на сынков и пасынков, что если хочешь и попасть в академию, и пользоваться благами академического общежития, иметь стипендию и так далее — заслужи его благоволение. Естественно, с каким затаенным трепетом мы ожидали с ним встречи и на экзаменах, и на приемах у него. Академией управлял Федор! Федор — Академия, Академия — Федор, и мы ждали...

Первая моя встреча с ним была на экзамене по Священному Писанию Нового Завета, и я... я в нем, этом суровом монахе, нашел поддержку. Чувствуя в моем ответе на поставленный профессором вопрос "Где будете искать?" замешательство, он, ласково кивая головой, как бы подтвердил мой ответ и, в то же время, поправляя, переспросил: "Как, как?" И последующие его наводящие вопросы так же были благожелательными и свидетельствовали о нем с совершенно другой стороны, то есть, как раз наоборот по сравнению с тем, что о нем говорили. Он любил юность и жил ею, ободрял нас и, в то же время, заставлял любить и его. Холодный и сухой в обращении, он призывал к себе пылкую юность и заставлял себя уважать. Помню, когда приходилось бывать у него по своим студенческим нуждам и делам, как он был малоговорлив и холоден. Встречал он студента у порога приемного зала. Мы входили в зал, становились на коврике у входной двери и ждали. Федор выходил в черной рясе, официально подходил к студенту, благословлял и, окинув сквозь очки

острым взглядом, становился к студенту в полоборота и молча выслушивал пришедшего. Затем слышались короткие: "да", "нет", "подумаю", "это зависит от решения академического Совета" — и аудиенция заканчивалась. Эти официальные встречи со своим ректором вселяли в нас порою страх, и мы не часто решались обращаться к нему с просьбами, но мы все же чувствовали, что суровые приемы не означали их бесполезности, — и ходили к нему. В частных случайных встречах, например, в саду во время прогулки он был доступен: улыбался и шутил, выслушивая шутки. Ему и здесь можно было аргументировать свои просьбы, как кто хотел и умел. Эту его "слабость" мы потом узнали и со своими просьбами, случалось, ходили не в приемный зал его покоев, а в сад, на его предобеденные и вечером — около восьми часов — прогулки. В чем же дело? А дело объяснялось просто. Феодор занимался. Он переводил с греческого языка творения Григория Нисско-

го, вел и другие работы и очень не любил, когда его отрывали от его работы, а на прогулках, когда он отдыхал и телом, и душой, он охотно беседовал со студентами и не был таким черствым, каким он нам казался через его близорукие очки.

Феодор знал о многих и у многих студентов слабостях — одни любили выпить, другие увлекались Вифанкой (большая улица в Посаде, ведущая в Вифанский скит. — В.В.), третьи уклонялись от церковных служб, для них обязательных — и так далее. Он знал о них и одергивал только особо увлекающихся, без каких-либо последствий, какие могли бы последовать в закрытом учебном заведении.

Вошло, например, в порядок дня студенческого общежития справлять "именины" своего номера. Жили мы, например, в 8 номере. Мы, обитатели этого номера, каждое 8 число каждого месяца устраивали "вечеринки", пели песни, танцевали. Устраивались рождественские елки с увеселениями и танцами под гармошку, которую добыли у служителей (так назывался

обслуживавший студентов и академию мужской технический персонал вместо женской прислуги. — В.В.), или под гитару. Ректор о них знал и смотрел на это как на неизбежное зло в среде великовозрастных детей. Случалось, что он, услышав звон литавр и пьяные голоса, приходил и разгонял нечестивое сборище "именинников" по спальням. — "Идите спать! Спать идите, безобразники!" — И этим ограничивались все его воздействия на "заблуждающихся". Был такой случай, который должен был быть хоть как-нибудь отмечен академической администрацией, но был ею же обращен в шутку. Инспектор академии, тогда архимандрит Иларион, о нравственности студентов ревнуя, приказал привратнику запирать академические ворота в 9 часов вечера с тем, что если кто из студентов захочет выйти за ворота академии после ужина, то тот должен был явиться к нему, инспектору, и получить у него пропуск. Обычно гулять ходили в город, на Вифанку-улицу. И вот, у ворот высокой академической

решетчатой ограды после ужина собралась толпа студентов, возмущенно обсуждавших новое распоряжение инспектора. Некоторые студенты пролезали в решетку, некоторые пытались переправиться через решетку, иные стояли в нерешительном возбуждении. Но вот, подошла компания студентов, может быть, и подвыпивших.

— В чем дело? Дед, почему не открываешь?

— Отец инспектор запретил, — отвечал привратник.

— Отпирай!

— Не могу. Идите к отцу инспектору.

Спор был бесполезен.

Но вот к чугунной калитке (она и сейчас есть. — В.В.), висевшей пудов восемь, подошел Тихон Нечаев, повернулся к калитке спиной, приподнял ее, снял с крюков и бережно поставил ее в сторонку. Веселые, довольные студенты вышли за

Ректор Академии преосвященный Феодор
(Поздеевский) со студентами

ворота академии. И этот “бунт” прошел бесследно. Только дед долго приставал к Нечаеву: “Господин Нечаев, как же дверку-то, навесить бы надо!” На что Нечаев неизменно отвечал: “А ты, дед, скажи инспектору, чтобы сам навесил”.

Другой пример. Во время приемных экзаменов с экзаменов сбежали два волонтера (студенты, приехавшие сдавать приемные экзамены по своему желанию, а не посланные в Академию правлениями семинарий). Ректор после первого же бегства велел передать студентам, что конкурс 10-12 человек не так уж велик, чтобы студенты не волновались, не нервничали, а держали бы экзамены, что Академия потеснится и всех выдержавших испытания примут. Другой случай. На приемных экзаменах один студент на экзамене по Истории церкви (первый устный экзамен) ничего не ответил, то есть наверное получил единицу. Естественно, студент пошел к ректору и просил дать ему его документы. Ректор такого разрешения не дал. “Держите, — говорит, — экзамены дальше. Сдадите экзамены по следующим предметам, может быть, вас и примем”. Словом, успокоил парня, и парень потом благополучно окончил Академию.

С другой стороны, циркуляр Синода, параграф устава, боязнь быть заподозренным хотя бы в одном из семи смертных грехов царского времени делали его неумолимым и жестоким, и силу его власти особенно чувствовали профессора. История с профессором Громогласовым, которого, как говорили студенты, выгнали из Академии, была делом рук Феодора. Как школьник себя чувствовал и профессор М.М.Тареев с его “Учением о нравственности”. Об этом М.М. сам говорил на лекциях. Может быть, Феодор делал это не по собственной инициативе, как это было с проф. Тареевым, которого Феодор как ученого и понимал, но должен был применять в отношении него известные меры, послушно выполняя волю “пославшего его” и ревностно выполняя преподанное ему. Такая раздвоенность наблюдалась в наше время не у одних ректоров. Грешили этим и профессора, грешили и студенты, которым тоже приходилось приспосабливаться, чтобы учиться и иметь стипендию.

При всем консерватизме ректора и резко выраженном формализме, за который недолюбливали его студенты, а прогрессивная часть профессоров “воздерживалась”, Феодор за пять лет моего пребывания в Академии не уволил ни одного студента (за грехи мирские), хотя для этого, может быть, и были иногда для некоторых студентов достаточные основания. Этот он был для нас приятен и пользовался у большинства студентов симпатиями.

Профессора? А профессорам — конечно, не Введенскому с Глаголевым — нечем было вспомнить ректорство Феодора. После Октябрьского переворота Феодор принужден был оставить Академию и поселиться в Московском Даниловском монастыре. Место ректора Академии по выборам занял профессор А.П.Орлов.

Я в Академии

(Первый год обучения в Академии.
1910—11 учебный год)

Второго сентября я приехал в Академию счастливый и полный радужных надежд. Академия, с одной стороны, учебное заведение для лучших, направляемых туда правлениями семинарий, и для тех, кто мог сдать вступительные экзамены, а, с другой стороны, для смелых, к числу которых принадлежал и я. Таких было немного. Рисковать умели далеко не все. По окончании семинарии для семинаристов создавалось положение, в котором риск был единственным средством пробить брешь в окружении бесправия. Семинаристы не принимались ни в одно высшее учебное заведение кроме одного-двух ветеринарных институтов, и, следовательно, для подавляющего

большинства ничего не оставалось, как сначала идти в сельские учителя, а затем, когда надоеет одиночество, жениться и надевать рясу. Это — путь, которого не избегал бы и я.

Оканчивая обучение в Тверской духовной семинарии, получая звание личного почетного гражданина и с ним единственный путь — “во священство”, приходилось думать: неужели сразу по выходе из семинарии придется отращивать бороду и заниматься делом, к которому у меня не было никакого влечения? И вот, полетели письма и запросы в вузы Москвы, Петербурга, в Томск, в Ярославль, в Варшаву, — и отовсюду один и тот же стереотипный ответ: семинаристы не принимают... аттестат зрелости!... Перед личным почетным гражданином дверь закрывали перед самым его носом. Недозрели еще!

Ну и все. Далее — наши Академии, естественное продолжение семинарий, и те принимали нас с большим выбором: окончание курса по первому разряду и конкурсный экзамен. Конечно, конкурс в Академии не то, что аттестат зрелости, мы все-таки учились в богословской школе, и конкурс был по этим же богословским предметам, но все же... Надо было бороться, пробовать свои силы, и я рискнул вступить в бой — и вот, я в Академии. Двери в жизнь открылись, и я, перешагнув экзаменационный порог, как бы неожиданно очутился “в некотором царстве, в некотором государстве”, где и светло, и весело, и уютно.

В Академии меня поместили в так называемом “певческом” номере. Певческим он назывался потому, что он прежде предназначался для спевков академического студенческого хора, но в нынешнем году ректор (как он говорил: “потеснимся”) это помещение отдал под общежитие. Рядом с этим помещением жил регент академического хора — лицо в некотором роде привилегированное. Занимал он целую комнату, метров в 20, один или со своим помощником, сейчас точно не помню. Все прочие студенты первого курса были размещены в четырех огромных комнатах инспекторского корпуса (в этом корпусе была квартира инспектора). В этом же корпусе на втором этаже помещались и спальные комнаты для студентов первого курса. Общежитие первокурсников было неудобно и неуютно для занятий, но такова доля первокурсников.

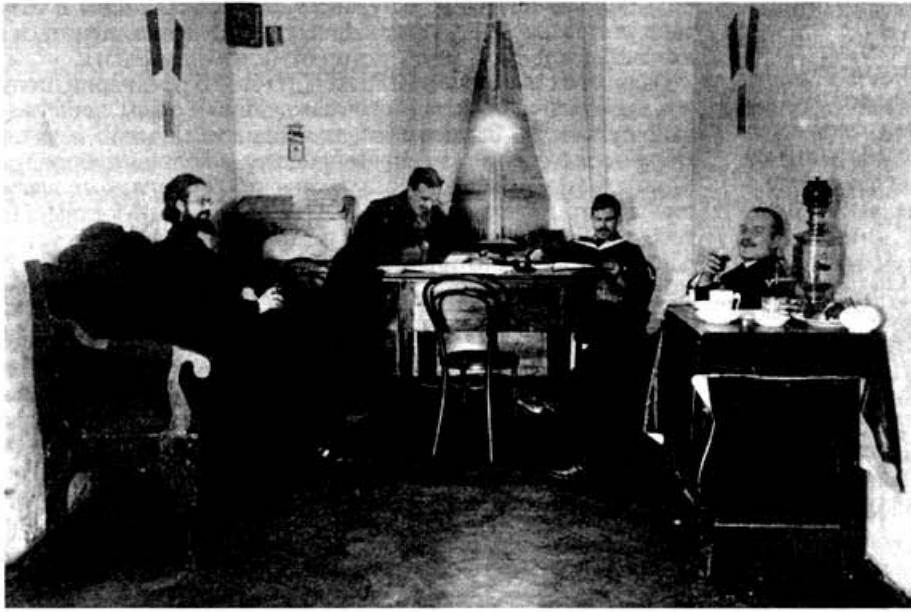
Студенты старших курсов жили в лучших условиях — их помещения были лучше приспособлены для занятий и менее многолюдны. Порядок размещения в общежитии был таков. В каждой комнате стояло несколько столов, стол занимали два студента. В начале каждого года студенты старших курсов, начиная с IV-го, выбирали себе помещения по числу студентов на курсе, а оставшиеся передавались третьему курсу. Третий курс передавал остатки второму, а первый, как я говорил, имел закрепленные за ним четыре комнаты, плюс остатки, какие могли прилечь от распределения, что бывало, однако, чрезвычайно редко.

В аудиторном корпусе студенты занимали 1 и 2 этажи. Спальни помещались в корпусе под косяками ректора, в так называемом Елизаветинском дворце... Комнаты для занятий просторные, с большими окнами, с высокими потолками и паркетными полами. Мягкий диван, электрическое освещение до 12 часов вечера. В двенадцать — спать. Спальни — с потолками, сводом, кроватями с пружинными матрацами и теплыми одеялами.

Академия — вообще очень уютный и благоустроенный советский уголок в Сергиевой Лавре. Здесь для студента было уготовано все, что ему нужно было для занятий: и кров, и стол, и лучшая в тогдашней России библиотека, и больница, и баня, и чудный тенистый сад. Было и свое академическое кладбище — неизбежный спутник бытия.

В одном со мною номере были помещены Николай Николаевич Синева, товарищ по Тверской семинарии, Константин Иванович Мещерский из Москвы, грузин-иеромонах Иоанн Марчиев и иеромонах, студент 3 курса, Серафим Иванович, серб. Компания случайная и какая-то пегая. В самом

* Ныне этот дворец именуется чертогами. — Прим. ред.

В общежитии

деле, я — с претензиями молодого светского человека, знакомый нам Н.Н.Синев, — застенчивый, красневший от каждого анекдота, с претензиями на ученость. Он весь был поглощен борьбой за стипендию и успешно ее зарабатывал. Очень мнительный и самолюбивый, он был одинок и в Академии, и в Посаде. О себе он был очень высокого мнения. У него были постоянные столкновения с нами, его товарищами, и со служителями: то убрал комнату плохо, то не с щеткой явился, то пылит много и так далее. Особенно он не терпел в разговоре с ним иронии. Слабости его мы знали и частенько устраивали себе маленькие развлечения. Марчнев-иеромонах, лет 40-45, этот был всегда и всем недоволен. Все ему мешало, и все его нервировало. Сидишь за столом и пишешь — почему у тебя перо скрипит? Начал ходить по комнате — шаги не дают ему сосредоточиться и мешают заниматься... Разговоров он совсем не переносил — словом, сидел и брюзжал целыми вечерами. Ходил несколько раз жаловаться на нас и к ректору, и к инспектору, и плакался, пока его не перевели от нас куда-то в другой номер. Иванович — этот монах другого покроя. Жизнерадостный и общительный, он не прочь был рюмку водки выпить и трубку выкурить. Константин Иванович Мещерский — юноша, мечтавший о сане священника, и неудачник в делах сердечных. У него была в Москве невеста. Ревновал он ее ко всему и всем. Все его разговоры были только о ней. Редко невеста пишет — он расстроен, короткое письмо получил — у него испорчено настроение. Марка на конверте не тем боком приклеена — он уже не спит ночи и, конечно, довел свою невесту до того, что она от него отказалась. Плакался он чуть не каждый день, а потом утешился и через год нашел себе другую невесту, здесь же, в Сергиевом Посаде, женился и скоро принял священство... В академическом храме он канонаршил. Голос у него приятный, дикция отчетливая.

Жизнь в стенах Академии, годами налаженная и устоявшаяся, с первого же дня ввела нас, новичков, в свое русло. Утром, в 7 часов — звонок: вставай с постели, приводи себя в порядок. Дортуары блестят белизной. Холодная, ключевая вода. Гимнастические приборы... Утренняя молитва в храме. На молитву собиралось немного студентов. Обычно присутствовал человек 20-30, считая и монахов. Затем чай. К чаю ежедневно выдавали пятикопеечную французскую булку. Чай и сахар выдавали сразу на месяц,

каждому четверть фунта чая и 5 фунтов сахара. В 9 часов начинались лекции (по звонку). В 2 часа обед. Этим и кончалась официальная часть дня. Далее шли часы самостоятельности. Мертвый час или прогулка. В 5 часов чай все с той же булкой. В 8 с половиной часов — ужин и вечерняя молитва в храме, в 12 часов угасало электричество — сон. Для работ нам выдавалось ежемесячно: карандаш, три пера, 30 листов бумаги и ручка, одна на год.

Первые дни моего жития в Академии были заняты знакомством с библиотекой, появились на столах для занятий первые книги, шло знакомство с профессорами. На первом курсе мы обязаны были слушать основные лекции курса, куда входили: Основное богословие — профессор Сергей Сергеевич Глаголев, Систематическая философия и логика — профессор Алексей Иванович Введенский, История древней Церкви — Анатолий Алексеевич Спасский, Еврейский язык — профессор о. Евгений Александрович Воронцов, один из древних языков, по выбору, латинский или греческий, я слушал латинский язык — профессор Сергей Павлович Знаменский, и групповые предметы, их было шесть групп: 1-я группа Общая гражданская история, профессор Александр Константинович Мишин, 2-я — Библейская история в связи с Историей древнего мира, профессор Дмитрий Иванович Введенский, 3-я — История греко-восточной церкви со времен отпадения Западной церкви от Вселенской, профессор Феодор Михайлович Россейкин, 4-я — История обличения западных исповеданий и русского сектанства, профессор Анатолий Петрович Орлов, 5-я группа — Церковнославянский язык с Палеографией и История русской литературы, профессор Николай Леонидович Туницкий, 6-я — Церковная археология с Историей христианского искусства — кафедра была незамеченной. Я записался к Туницкому — 5-я группа.

Второе, что интересовало нас, студентов, и меня — сама Лавра. И было чем интересоваться. Когда идешь от вокзала в Сергиевом Посаде по тенистой улице и неожиданно выходишь к спуску с горы, открывается блестящая панорама. Глазам является величественный, цветистый и разноликий ансамбль храмов, церквей и башен всевозможных стилей и форм, красочных и легких, как сам воздух. Невольно останавливаешься на краю спуска и спрашиваешь: что же это такое? кто тот величайший архитектор, создавший этот неподражаемый и единственный в своем роде памятник архитектуры? И ответ напрашивается сам собой: Лавру создал народ. Русский народ, такой же многоликий и многоцветный, как этот конгломерат русских стилей и красок. Лавра — это Русь, а ее зодчий — преподобный Сергей. Таково первое впечатление, от которого не в силах отделаться и в дальнейшем, при более близком знакомстве с нею. И если восторг, охвативший тебя при первом взгляде на панораму Лавры, несколько омрачается наблюдениями над обитателями Лавры, то все же вера в силу и талантливость человека, создавшего этот величественный памятник, остается неизменной. Как только вы входите за стены монастыря, вас сразу охватывает какая-то особого свойства тишина. Здесь не только в соборах, но и в келлиях все пропитано молитвой и самой неподдельной святостью. Пусть эта святость будет только внешней, но ты уже никогда не уйдешь и охотно приемишь как чистую святость, существующую въяве. Воздух в стенах Лавры нежен, мягок и тих и так же свят, как и сам великий ее Основатель.

Крепкие, высокие крепостные стены, не раз выдерживавшие долгую осаду интервентов и захватчиков, невольно возбуждают чувство гордости и уважения к русскому человеку, к его могучему творческому духу, готовому постоять за свою культуру, самобытность и независимость. Здесь и просторно, и тенисто, и солнечно, и соборы XVI-XVII века, и величественная, изящная колокольня с колоколом в 4000 пудов*, в который звонили четыре монаха. Язык этого колокола весит сто пудов. В Троицком соборе живопись знаменитого Андрея Рублева и кисть руки первомученика архидиакона Стефана... Успенский собор, построенный при Иване Грозном, и усыпальница Годуновых, и могила И. Аксакова, и чудесный монастырский квас, и черный хлеб. А как вкусны лаврские просфоры! Занимаясь по ночам с керосиновой лампой — электричество угасало в 12 часов, мы, студенты, нередко в 2-3 часа ходили в монастырскую хлебопекарню за горячими просфорами. Скушать горячую просфору было большое удовольствие.

В Троицком соборе лежат мощи Преподобного. У мощей теплятся лампы и беспрестанно служат молебны. В соборе всегда народ. Особенного внимания заслуживают молебствия перед ракой Преподобного, совершаемые в два с половиной часа ночи, когда еще закрыты лаврские ворота. На эти молебны посторонние не допускались.

К указанному времени в собор, освещенный тусклыми лампадами, при полном молчании и тишине, неслышными и быстрыми шагами, размахивая черными мантиями, в клубках, входят монашеские фигуры. Бесшумно они подходили к солею, клали три земных поклона, кланялись в пояс на все четыре стороны и так же бесшумно, как и вошли, отходили на свое место, куда-нибудь к стене или к колонне. Ровно в два с половиной часа начинался молебен. Молебен не пели, как это делается обычно, а читали в полголоса. Необычность обстановки и речитатив молебна перекликающийся с хором певчих, вторящих также речитативом, откуда-то из темноты возгласу предстоятеля — замечательно эффектны. По окончании молебна начинается звон к заутрене. Открываются монастырские ворота, а монахи по окончании молебна быстро исчезают: кто к исправлению возложенных на него на сегодня обязанностей, кто в свои келлии — досыпать.

В Троицком соборе, на западной его стене, картина Страшного суда. В моих записках она представляет интерес вот какой. В числе грешников, идущих "в геенну огненную", был нарисован студент в присвоенной ему студенческой форме. Живописец, может быть, и реставратор, студента изобразил с серебряными пуговицами, то есть нарисовал студента Духовной Академии. Кому-то это не понравилось (говорили Антонию Вольнскому, тогда ректору Академии), и студента переделали в форму студента университета, и по сей день студент университета красуется в группе православных, направляющихся "во ад крошечный".

Отвоевав себе место в Академии, я чувствовал себя в ней далеко еще не твердо. Нужны были деньги на оплату интерната. Я рассчитывал не на казенную стипендию, а на покровительство дяди Василия, я не знал, каковы у него возможности. Отец, конечно, урезал бы себя и прокормил бы меня в Академии, но это стоило бы ему очень и очень больших жертв. И тогда, когда я жил в Академии на стипендии, он и тогда изредка присылал мне 2-3 рубля на мои

карманные расходы. Пришлось ехать в Москву к дяде Василию. Дядя направил меня в семью Урусовых. Жена Урусова — Наталья Васильевна, урожденная Бахрушина, сестра московского купца Николая Васильевича Бахрушина, она-то и приняла живое участие в моей судьбе. Н.В. Бахрушина на склоне своих лет возымела намерение учредить в вечное поминовение в Московской Академии стипендию матери брата. Стипендией распоряжался он сам, следовательно, и мое благополучие зависело от него. Урусова обещала дяде поговорить со своим братом и сделать для меня доброе дело. Надо было представиться. Я пошел, и первая встреча прошла не без конфуза. Урусовы — богатая, по-московски аристократическая семья. Швейцар, горничная, лакей у стола и все прочие атрибуты богатого московского дома. Перед тем, как идти к Урусовым, дядя и тетка преподали мне некоторые советы: как себя держать, что говорить, сказано было, чтобы у мадам я обязательно поцеловал руку и так далее. И вот, вновь испеченный джентельмен отправляется с визитом. Признаться, я мало думал о том, какое значение имеет этот визит, и что от впечатления, какое я мог произвести в доме Урусовых, во многом зависело получить или не получить стипендию, буду я учиться в Академии или не буду учиться. Об этом я думал меньше всего. Я был молод и непосредствен.

Урусовы жили на Покровке, где-то около Лялина переулка. У парадного входа нажал я кнопку электрического звонка, попросил доложить о госте и остался в передней дожидаться. Лакей вернулся, снял с меня шинель и, отворив двери небольшой гостиной, попросил меня войти и обождать, пока выйдут господа. В гостиную вышла стройная женщина в черном с кружевами платье. Я поднялся ей навстречу, пожал протянутую мне руку и уселся, по приглашению, в мягкое кресло. Разговор вертелся вокруг семьи моего отца. Я должен был рассказать о нашей семье — где живем, как живем, сколько нас Николаевичей и Николаевен, кто где учится и так далее. Мадам была очень любезна и все время улыбалась, иногда прикрывая улыбку изящным носовым платком. Я никогда не бывал на приемах в богатых домах и полагал, что если мадам улыбается, так-де и должно быть и сам, скоро освоившись, начал тоже разевать и кривить в усмешку рот. Словом, держал себя далеко не как проситель. Выкладывал все, что от меня требовали. Я был по-своему доволен. Потом оказалось, что осталась довольна моей непринужденностью и Наталья Васильевна. Мой окающий выговор, местные кашинские выражения, угловатые бурсацкие манеры — все это вызывало у нее улыбку. Но вот, во время разговора мадам "изволили" чихнуть — я тотчас, чтобы не оказаться невежей, выпалил: "Будьте здоровы!" Наталья Васильевна улыбнулась и поблагодарила меня за мою "любезность". Когда я уходил, то при прощании поцеловал протянутую мне руку, как мне приказывали у дяди, поцеловал, по-видимому, неловко и покраснел. — "Ну, зачем это? — проговорила Наталья Васильевна, — к чему?" На что я, еще более краснея, промолвил: "Ну, а как же, я же думал..." Наталья Васильевна обещала поговорить со своим братом и просила заходить к ним. Стипендия была у меня в кармане.

(Продолжение следует)

* Место, где висел этот колокол — второй ярус колокольни, ныне пустует. В 20-е годы он был сброшен с колокольни, небольшой осколок колокола находится сейчас в ЦАКе МДА. — *Прим. ред.*

Наверное, не будет преувеличением сказать, что понятие о церковном богослужебном пении складывается у будущих священнослужителей во время их обучения в стенах Духовной школы из тех впечатлений, которые они получают от пения академических хоров. По этой причине именно к регенту одного из хоров Московской Духовной Академии — иеродиакону Лазарю (Гнативу), студенту IV курса МДА, обращены сегодня вопросы нашего журнала. Надеемся, что размышления нашего собеседника будут интересны и полезны читателю.

Илья Островский, Максим Троеглазов, 2 класс МДС

Опасно увлечение внешним, если оно не продиктовано потребностью духа

Отец Лазарь, как бы Вы определили понятие “церковность”, когда речь идет о богослужебном пении?

— Определить церковность того или иного явления — значит определить его духовную природу и степень внешней и внутренней причастности нормам церковной жизни. Но если относительно степени внешней причастности мелодического чина требованиям Богослужебного Устава сделать это подчас не составляет особого труда, то говорить о внутренней, духовной природе как отдель-

ного мелодического средства, так и того или иного песнопения, звучащего в храме, бывает довольно непросто. Ведь для того, чтобы определить степень соответствия законов организации звукового материала внутренним нормам церковной жизни, прежде всего, требуется духовный опыт. Осознавая свое духовное убожество и, в то же время, желая обрести хоть какие-либо ориентиры, в этом вопросе необходимо изучить те мелодические средства и законы их организации, которые оставлены нам святыми песнотворцами и гимнографами, а также научиться смотреть на

богослужбное пение глазами, умом и сердцем тех, кто стяжал ум Христов (1 Кор. 2, 16), чья жизнь стала непрерывным славословием Творца.

Святитель Иоанн Златоуст в одной из своих бесед говорит: "...умертви уды плотские и тело свое настрой согласно с душою. Ибо когда плоть не похотствует на дух, но покоряется его велениям, когда дух будет постоянно вести плоть по этому наилучшему и удивительному пути повиновения, тогда он составит духовную мелодию", то есть, по мысли Святителя, формообразующими принципами мелодизма богослужбного пения являются именно аскетические нормы, ведущие к духовному совершенству и богоугодной жизни.

Вершина всего аскетического делания — молитва. Будучи центром, от которого всякое иное действие черпает свою силу и утверждение, молитва составляет необходимое условие и основание богослужбного пения, на что указывал преподобный Григорий Синаит, который писал: "Гласное пение (то есть пение, производимое голосом — и. л.) есть указание на умный вопль внутри". Таким образом, становится очевидным, что единый процесс богослужбного пения включает в себя два уровня:

1) сугубо внутреннее молитвенное состояние, рожденное во внутренней клетке, когда по преподобному Силуану Афонскому, "сердце становится храмом Господним, а ум — престолом Его";

2) определенные движения голоса или мелодический чин, как проистекающий из того состояния, когда *от избытка сердца говорят уста* (Лк. 6, 45).

Рожденный в процессе аскетического подвига и молитвенного делания, мелодический чин служит не для воссоздания душевно-эмоциональной атмосферы, но для приобщения внутренней сущности молитвы. Неслучайно святитель Григорий Нисский указывает, что "любознание сладкозвучием означает нечто большее, нежели как понимают многие", и, что, пророк Давид, "придавая божественным словам неподготовленное и безыскусственное сладкогласие, хочет сладкопением, при известном течении речи, истолковать смысл произносимого, когда сам тон голоса открывает, сколько возможно, мысль, заключающуюся в изречениях". Процесс пения в богослужении не есть нечто внешнее, эстетически окрашивающее и, тем самым, облегчающее восприятие молитвенных текстов; это — внутренне необходимое, неотъемлемое, органическое свойство молитвы, при котором мелодический чин, по меткому выражению одного из исследователей, становится "символом Духа".

Очевидно, что такие критерии, как темп ("медленный"), динамика ("тихо"), лад (минорный — "покаянный" или мажорный — "праздничный"), являются лишь только внешними и не определяют сущности "церковности" или "молитвенности". Преподобный Феодор Студит писал, что независимо от того, громко или тихо идет псалмопение, протяжно или скоро, более всего внимания должно уделяться благочинию, то есть соответствию мелодического чина чину богослужбному. В то же время под понятием "бесчинного вопля", далеко не обязательно понимается нечто безобразное или нестройное для слуха. Скорее, это пение, построенное на основании законов, духовная природа которых чужда всему церковному.

Среди духовенства и воцерковленных певчих, в основном, существует два мнения о репертуаре приходского хора:

а) Петь нужно только "обиход": изменяемые молитвословия — строго на гласы, а неизменяемые — на общезвестные церковные напевы (например, "Иже Херувимы" — Старосимоновская, "Милость Мира" — архимандрита Феофана);

б) Необходимо расширять репертуар церковных хоров за счет пения "подобнов", монастырских распевов или произведений церковных композиторов.

Каково Ваше суждение по этому вопросу?

— Рассуждая о церковном обиходе и проблемах "расширения репертуара" церковных хоров, думаю, уместно вспомнить мнение основателя одесской хоровой школы Константина Константиновича Пигрова. Получив образование в Придворной певческой капелле, профессор Одесской государственной консерватории К.К.Пигров некоторое время был регентом хора кафедрального собора. Будучи известным интерпретатором "Реквиема" Моцарта, кантаты "Иоанн Дамаскин" Танеева, Константин Константинович, по воспоминаниям очевидцев, любил повторять: "Ничего не знаю лучше церковного обихода..."

Мне думается, что одной из причин этому было отсутствие в церковном обиходе того избыточного интеллектуального и эмоционального накала, которым так часто дышат авторские произведения, и наличие особой простоты, чистосердечности и глубокого благоговейного чувства, которые, по мысли святителя Игнатия Ставропольского, являются подлинным украшением богослужбного пения.

Это в полной мере можно отнести и к монастырским распевам. Их возникновение, как известно, связано с возрождением старчества и умного делания. Дух творит формы. Монастырские распевы, в сравнении с монодией (одноголосием) древних распевов, в этом смысле являются удивительным примером нового мелодического мышления. "Подобно тому как раковина обволакивает специальным веществом попавшую в нее инородную песчинку, превращая ее в жемчуг, русское мелодическое мышление, борясь с проникшим в него иноземным гармоническим началом, стало обволакивать его своим перламутром и превращать в нечто самобытное и завораживающее". Так, по мнению В.И.Мартынова, можно описать период зарождения и становления монастырских распевов, а также выявить их значение в богослужбной практике.

Пение на "подобны" занимает особое место среди этого вида распевов, являясь одновременно и данью древней традиции, и требованием Богослужбного Устава. В качестве положительного примера можно указать на традиции Лаврского хора, в "обиходе" которого свыше 30 подобного рода жемчужин.

Как Вы относитесь к древним распевам (знаменному, демественному), троестрочию, а также к исонному пению. Возможно ли, на Ваш взгляд, возрождение древних распевов в наше время?

— Древнерусская система богослужебного пения, которую без преувеличения можно считать подлинным сокровищем литургического наследия Святой Руси, объединяет различные одноголосные и многоголосные системы в единую стройную иерархическую структуру или “чин распевов”. “Иерархия” распевов зависит от самых различных факторов, которые, в свою очередь, требуют серьезного осмысления. Например, в отношении исонного пения можно сказать следующее.

До недавнего времени пение с исоном считалось достойным, главным образом, византийских певческих традиций. Исследования профессора А.Конотопа позволили говорить о существовании этого вида пения и в отечественной практике. Выводы этого профессора основаны на сопоставлении обнаруженных им в древнерусских певческих рукописях знаков, очертаниями напоминающих букву “Э”, с изображением головщиком подобного хейрономического знака на одной из древних икон. Исон — непрерывно тянущийся звук определенной высоты, на фоне которого звучит основная мелодия, — является символом нетварного божественного света, подобно золотому фону на иконах. Разве можно представить себе, чтобы иконописец использовал его произвольно? А ведь нечто подобное, к сожалению, случается сегодня в пении, когда исон используют в качестве экзотического украшения “под старину”. Это лишь один из примеров того, что древние распевы — своего рода “святая святых” богослужебного пения, и потому требуют к себе соответственного бережного отношения.

Особое место в “чине” древних распевов, без сомнения, принадлежит знаменному распеву. Синтетичность беспометной крюковой нотации, которой фиксируется этот распев, то есть сочетание устной и письменной традиций, отсутствие точной, звуковысотной фиксации и диастематического (интервального) принципа звуковысотных отношений, формульность мышления и центонный принцип формообразования, которые присущи знаменному распеву, своими корнями восходят к традициям богослужебного пения VI–VIII вв. Это, в свою очередь, дает возможность говорить о знаменном распеве как об уникальном явлении не только в системе древнерусского богослужебного пения, но и в мировой певческой практике. Духовные и конструктивные основы знаменного пения позволяют назвать его в подлинном смысле “поющим богословием”. И здесь, конечно, возникает естественное желание воспользоваться этим сокровищем, о чем уже неоднократно писалось и говорилось.

Проблема “возрождения” знаменного распева — тема, требующая специального рассмотрения. Лишь в качестве отдельного замечания хотелось бы поделиться следующим размышлением. Отец Серафим (Роуз), ссылаясь на “Повесть об антихристе” Владимира Соловьева, говорил о том, что антихрист, дабы привлечь тех православных, кто лишь внешне держится традиций, откроет Музей

христианской старины. “Пожалуй и образ зверя (Откр.13,14), — говорил о.Серафим, — будет написан с соблюдением византийских иконописных традиций”. Если продолжить эту мысль, можно предположить, что и коронация антихриста в Иерусалимском храме будет происходить под звуки знаменного распева.

“Пусть эта мысль будет нам трезвящим напоминанием”, — писал о.Серафим. Прислушаемся к нему, ибо так опасно увлечение внешним, если оно не продиктовано внутренним — потребностью духа, а служит лишь самоцелью или очередным увлечением.

Сегодня мысль современных исследователей всецело занята попыткой реконструкции того или иного вида распева, и понятно почему. Во многом это пока — “святыня под спудом”. Но если принять во внимание слова преподобного Григория Синаита, что “надлежит, по образу жизни нашей, ангельскому быть и пению нашему” и учесть все, что было сказано о нерасторжимом единстве богоугодной жизни и богослужебного пения, то помимо вопроса, как петь древние распевы, встает другая, не менее важная проблема: кому петь то пение, которое издревле именовалось на Руси ангелоподобным.

Что могли бы Вы порекомендовать будущему священнику для правильной организации приходского хора и работы с ним?

— Давать какие-либо конкретные рекомендации сложно, не зная реальных условий и возможностей того или иного прихода.

В качестве общего пожелания позволю себе сослаться на опыт святителя Игнатия Ставропольского. В “Историко-статистическом описании Троице-Сергиевой пустыни” отмечены труды настоятеля по благоустройству богослужения в обители. Архимандрит Игнатий прекрасно понимал, что в монастыре ничто не имеет такого значения, как богослужение. Он сам подбирал иеродиаконов, обладающих хорошими вокальными данными, а архидиакона Гедеона выкупил у фабриканта Жукова за двести рублей. Много трудов было затрачено отцом настоятелем на устройство монастырского хора. Из разных монастырей были вызваны способные к пению иноки и послушники. Будущим святителем были подобраны хорошие голоса для хора, регентом которого был определен протоиерей Петр Турчанинов. Живое участие в организации хора принимали директор Придворной капеллы А.Ф.Львов и М.И.Глинка. Совокупными трудами знаменитых композиторов и отца архимандрита монастырский хор был возведен в степень первого в России монашеского хора.

Опыт великого святителя уникален и содержит много поучительного.

Что касается более конкретных пожеланий, то здесь можно посоветовать будущему священнику в своих требованиях к клиросу соразмерять возможности и желания, отдавая предпочтение качеству, не экспериментировать во время службы и, что немаловажно, — уже сейчас приобретать необходимый нотный материал.

Желая развить тему, затронутую в предыдущем интервью, мы предлагаем вниманию читателей размышления воспитанников Московской Духовной Семинарии о Церковном пении

Николай Неседов, 2 класс МДС

В чем отличие богослужебной музыки от музыки классической?

Богослужебная музыка является подспорьем в нашем служении Богу и общении с Ним в благодати Святого Духа. В этом смысле она может быть названа духовной. По своему значению для молитвенного делания, такая музыка может быть сравнима с иконой, с богослужебным текстом. Именно поэтому церковная музыка хороша настолько, насколько она выражает ту или иную Богооткровенную реальность. В этом смысле образец богослужебной музыки — знаменное пение, имеющее свой собственный музыкально-богослужебный символизм, подобный символизму иконы, богослужебного текста. Если же церковная музыка вместо реальностей, свойственных истинному Богообщению, предлагает некие душевно-психологические переживания, то такая музыка в той или иной степени уже не будет приемлема для Богослужения, и в этом смысле ее можно назвать душевной. Подобное явление можно наблюдать на примере партесного пения, хотя нужно все же оговориться, что, во-первых, и в партесе есть достаточно произведений именно богослужебного, а не только душевно-психологического характера; а во-вторых, многое зависит от степени воцерковленности регента и певцов, исполняющих такую музыку.

К интересным выводам по поводу отличия душевной музыки от духовной может привести нас рассмотрение музыки классической. Под ее именем мы, как правило, привыкли понимать музыку достаточно узкого отрезка времени, начинающегося, в общем, с И.С.Баха (1665 — 1750) и заканчивающегося приблизительно началом XX в. Эта музыка есть, во-первых, продукт западно-европейской культуры; во-вторых, автором музыкального произведения здесь является конкретный человек-творец этой музыки, и, наконец, в-третьих, результатом такого творчества является произведение, которое через художественные образы может выражать практически любую реальность, любые идеи, в том числе и религиозные, не обязывая вовсе никого эти идеи исповедовать и уж тем более реализовывать в себе или в жизни, в то время как богослужебное произведение искусства все художественные средства имеет подчиненными одной главной задаче — служению всей своей жизнью Богу.

Говоря о классической музыке, нужно заметить, что вряд ли у кого-нибудь из профессиональных музыкантов повернется язык назвать душевной музыкой, скажем, квартет Бетховена, оперу Вагнера или симфонию Малера. А, например, о романсе скажут, что это действительно душевная музыка. Так в чем же отличие романса от квартета Бетховена? Ведь и романс, и

квартет есть результат человеческого творчества, казалось бы, одного порядка? Под человеческим творчеством мы должны понимать ни что иное, как определенный акт индивидуального человеческого духа. Но если в романсе этот акт направлен на выражение определенной реальности душевной жизни человека как таковой, то, например, в квартете Бетховена, композитора интересовало прежде всего осознание той смысловой данности (идеи, эйдоса), что стоит за определенным жизненным явлением (в том числе и из области душевной жизни) и выражение этой данности музыкальными средствами.

Квартет Бетховена отличает, таким образом, момент интеллектуальный, и в этом смысле такая музыка духовна, потому что раскрывает бытие индивидуального человеческого духа.

Впрочем, и квартет Бетховена — душевная музыка, потому что обращается непосредственно к душе человека, к его чувствам, его сердцу. Но с этой точки зрения любая музыка душевна, потому что она всегда обращена прежде всего к душе. И знаменное пение в этом смысле — тоже душевная музыка, потому что оно также обращено к душе человека. Нам скажут, что музыка обращаясь к душе, апеллирует прежде всего к ее высшей части — духу. Но и квартет Бетховена также через душу апеллирует к духу. В чем же разница? Наверное, в том, что знаменное пение в своем обращении к душе человека призывает его, например, к покаянию или к благодарению, возжигает

“Ничего нет более полезного, как памятование грехов, но ничего не укрепляет эту память так, как мелодия.”

святитель Афанасий Великий

“Святой Дух дал наслаждение от мелодии, чтобы мы могли легко принимать пользу от слов.”

святитель Василий Великий

“Бог соединил мелодию с пророчеством так, чтобы все, вдохновенные от гармонии этой мелодии, направили к Нему с большим усердием священные гимны.”

святитель Иоанн Златоуст

в нем веру и учит его вере через слово, проповедует Евангелие, иными словами, как раз и предлагает душе человека те духовные реальности, которые необходимы ей для истинного общения с Абсолютным Духом (т.е. Богом). И, в строгом смысле, только с этой точки зрения (потому что такое пение является музыкой Бого-служения и Бого-общения) церковное пение называется духовной музыкой.

Классическая же музыка не призвана к тому, чтобы быть подспорьем в том Богообщении, которое возможно только в Церкви. Эта музыка изображает нам жизнь той или иной идеи, а музыка богослужебная учит нас жить в Боге и в благодати. И в этом мне видится основное их различие.

Леонид Севастьянов, 2 класс МДС.

Проблема церковного пения, на мой взгляд, является одной из актуальных проблем Церкви. И думается, что современное партесное пение не совсем точно отвечает запросам и назначению церковного пения как такового. Задача храмового пения состоит в том, чтобы вывести человека из области земных представлений, из того, что мы называем чувственным и вознести его ум и сердце к горнему престолу Творца.

Партесное же пение ориентируется скорее на создание внешней гармонии, что отвечает более запросам чувства, нежели духа. При этом молящийся в храме невольно обра-

щает больше внимания на эстетическую сторону пения, чем на его внутреннее содержание. Ему становится сложнее сосредоточиться на словах песнопений, так как многоголосие отвлекает внимание его ума и сердца.

В этом отношении знаменное унисонное пение более отвечает духовным запросам человека.

Но в настоящий момент резкая реформа церковного пения представляется очень нежелательной. Существующее ныне в Русской Православной Церкви пение имеет свои давние корни. Оно стало как бы частью религиозной культуры, можно сказать — особого менталитета. И если знаменное, в частности, унисонное пение большинством учащихся нашей Академии и Семинарии расценивается как привнесение старообрядчества, то что можно требовать от простых верующих? Большинство прихожан не может сейчас даже представить богослужение Рождества Христова без “С нами Бог” Зиновьева, Великого поста — без “Покаяния” Веделя, а Пасху — без “Да воскреснет Бог” Бортнянского.

Поэтому, если и вводить в богослужебную практику одноголосное пение, то, по-видимому, таким образом, чтобы оно звучало параллельно с уже существующим пением. Молящиеся сами должны выбрать то пение, которое соответствует их духу и восприимчивости.

Андрей Орлов, 2 класс МДС

Каким должно быть богослужебное пение в Русской Православной Церкви? Этот вопрос ныне волнует многих. Чтобы правильно на него ответить, нужно сверить свое представление о церковном пении с тем, как понимали его в течении многих веков предшествующие поколения православных христиан.

Оглянувшись на три-четыре столетия назад, мы увидим, что нынешняя концертная, партесная манера пения не имеет практически ничего общего со строем древнерусского богослужения. Церковные песнопения, звучавшие во всех храмах Руси вплоть до XVII в., имели совсем иной музыкальный язык, непонятный во многом для нас, воспитанных на современной культуре. В традиционном для Русской Православной Церкви знаменном распеве нет ни так полюбившихся ныне аккордовых созвучий, ни мелодических оборотов мирских песен и романсов, ни танцевального ритма, то есть всего того, чем нередко бывают проникнуты современные церковно-музыкальные произведения. В древних церковных мелодиях мы не найдем ничего грубого и чувственного, услаждающе-изнеживающего или возбуждающего. Напротив — они исполнены глубокой кротости и назидания духовного, по сути своей они надмирны. Нет ничего удивительного, что нам, огрубевшим, такое пение кажется подчас скучным, в то время, как в нашей душе скорее находят отклик разного рода “партесы” и чувственные концерты, превращающие храм Божий в концертный зал. Увы, язык знаменного распева стал для многих из нас чужд...

Историческое церковное богослужебное пение подчинено системе распева как принципа построения мелодики богослужения на основе гласовых попевок, призванных выражать смысл распеваемого текста. Все попевки распева распределены согласно их эмоциональному воздействию и духовному смыслу по восьми гласам. С глубокой древности в структуре осмогласия различаются две основные разновидности: пение по образцу самогласных стихир и пение на подобен. Как предназначенное для распевания стихир, не имеющих при себе знаменной нотации, пение на подобен чаще всего встречается

в будничном богослужении. Из 28 древних подобнов до нашего времени в устной традиции осталось лишь 13. К сожалению, ныне это почти забытый вид пения. Русская Православная Церковь собрала и сохранила в течении многих веков огромное, неоценимое певческое богатство, которое сегодня беспечно передается нами забвению.

Не пора ли, пока еще не поздно, “собрать камни”?

Дионисий Коротких, 2 класс МДС.

Часто приходится слышать о знаменном пении различные нелестные отзывы. Попытаемся понять причину этого.

До конца XIX века среди образованного духовенства и мирян бытовало подобное же негативное отношение к древнерусской иконе. Но благодаря трудам Успенского и других искусствоведов, стал более понятным богословский язык древней иконописи, получило должную оценку и совершенство применяемых в ней изобразительных средств (открытие закона “обратной перспективы” и т.д.). Подобный процесс

развивался и в отношении церковного пения. Прот. Д.В.Разумовский, С.В.Смоленский, прот. В.М.Металлов тогда же, в конце XX в., положили начало реабилитации в церковном сознании древнего богослужебного пения. В нем был открыт свой “закон обратной перспективы”: своеобразное соотношение мелодии и текста. Если в

“классическом” партесном произведении размер подчиняет себе текст, то в знаменном песнопении руководящее начало принадлежит слову. Возможно, неудачи нынешних “знаменщиков” на клиросе обусловлены, отчасти, их невниманием к богослужебному тексту, который является основой мелодической и ритмической организации песнопения. Другой аспект проблемы — способ записи церковных песнопений. Древний иконописец использовал в своей работе соответствующие материалы: краски (яичная темпера), левкас, приготовленный по старинному рецепту, другие предметы, необходимые для художественного ремесла.

Также и певчий дьяк записывал церковную мелодию посредством особых знаков (крюков). Если современный иконописец попытается написать икону “под старину”, пользуясь масляными красками, то выйдет подделка. Певчий, который станет исполнять знаменное песнопение, записанное “на пяти линейках”, добьется подобного же “успеха”. При таком исполнении выхолащивается внутренняя связь между звуками и мелодическими фразами, обесмысливается слово текста (внимание певчего приковано к выходящей веренице нот). Наконец, пропадает непередаваемый “аромат” церковной старины, который дорог сердцу каждого русского верующего человека.

Думается, что возрождению знаменного распева может помочь углубленное изучение крюковой грамоты теми, кто желает исполнять знаменное пение на церковном клиросе. С другой стороны, необходимо отказаться от концертного принципа организации богослужебного пения (когда одни песнопения исполняются партесом, а другие одногласно) с тем, чтобы ввести единство интонационного комплекса на протяжении всей службы (достижимого только в рамках распева). Но нам не помогут ни крюки, ни распевы, если все мы не “подрастем” духовно. Знаменный распев “мстит” всем, кто приступает к его исполнению или слушанию с холодным сердцем, без молитвы. По словам одного из современных, почитаемых старцев, причина нашего непонимания древнего пения — в нас самих: “Знаменный распев хорош, да мы плохи”.

“Песнопения успокаивают страсти и усмиряют тело.”

святый Нил Подвижник

“Пение есть оружие против худых помыслов.”

преподобный Иоанн Лествичник

СВЯТИТЕЛЬ ТРЕХ ЧАСТЕЙ СВЕТА

к 200-летию со дня рождения
святителя Иннокентия (Вениаминова)

Есть святые, чьи имена стали родными русскому сердцу: благоверный князь Владимир, преподобные Сергей Радонежский и Серафим Саровский, Александр Невский и Димитрий Донской — в душе русской они остались на века. Имя святителя Иннокентия пока не так широко известно всероссийской пастве, а ведь он заслуженно стоит в ряду величайших русских святых — и по степени своего духовного совершенства, и по заслугам перед Церковью и Отечеством. Выдающийся миссионер и проповедник, талантливый администратор, человеколюбивый архипастырь, воистину равноапостольный сын горячо любимой им России — таким вспоминают его современники.

Знакомясь с материалами, касающимися жизни святителя, поражаешься «широкомасштабности» его служения. В 1854 году в Иркутске святитель Иннокентий (тогда — архиепископ Камчатский и Алеутский) встретился с двумя преосвященными: архиепископом Нилом, из Иркутска назначенным на Ярославскую кафедру, и архиепископом Афанасием, прибывшим в Иркутск на его место. За обедом у городского головы владыка Нил остроумно заметил: «Вот, мы трое сидим рука об руку, а представляем собою три части света: я — Европу, преосвященный Афанасий — Азию, а преосвященный Иннокентий — Америку». Спустя двенадцать лет это можно было сказать об одном святителе Инно-

кентии: потому что в течение многотрудной жизни ему пришлось подвизаться во всех этих частях света. Родился святитель в Сибири (26 августа 1797 года), в Иркутске провел первые годы своего священнического служения (1817–1823), затем проповедовал Православие в Русской Америке (1824–1838), около 30 лет жизни отдал распространению и укреплению христианства на Дальнем Востоке (1840–1868), наконец, в возрасте 71 года он был назначен на Московскую кафедру и в течение одиннадцати лет занимал ее, пользуясь заслуженным уважением своей паствы. Таким образом, и Центральная Россия, и Сибирь, и Дальний Восток справедливо почитают его своим покровителем.

Но, без сомнения, основной подвиг Святителя — его беспримерное миссионерское служение, которому он посвятил около 45 лет своей жизни, а, точнее, всю свою жизнь, потому что, даже будучи Московским митрополитом, он не оставлял заботы о распространении Православия: в 1870 учредил Православное Миссионерское Общество, целью которого было «обращение в Православную веру и утверждение в ней нехристиан, обитающих в пределах нашего Отечества, развитие существующих и устройство новых миссий, учреждение при миссиях школ, больниц, общин и других полезных для новообращенных учреждений». Нельзя не упомянуть и о его особой заслуге — о переводе Евангелия от

Матфея, Катехизиса, основных молитв на алеутский язык (1828) и Божественной Литургии — на якутский (1859). Этим переводом он дал возможность коренным народам Дальнего Востока “петь Богу разумно” — совершать богослужение на их родном языке. “Вот почему о. Вениаминов стоял неизмеримо выше всех прочих миссионеров, подвизавшихся в Сибири, распространяя семена веры и цивилизации именно знанием природного, туземного языка просвещаемых дикарей, глубоким ознакомлением с их бытом, обычаями, нравами и преданиями — одним словом, той беспредельной любовью и ревностью к своему назначению и призванию, которые составляют душу миссионерства”.¹

Был ли святитель Иннокентий ревностным патриотом? — Несомненно. На краю света он не только насаждал веру Православную, но и утверждал государственность российскую. Для Дальнего Востока он является своего рода митрополитом Петром, ибо его деятельное участие в государственных делах было направлено на изучение и освоение приамурских земель. В письме к обер-прокурору Святейшего Синода А.П.Толстому святитель пишет: “Да будет позволительно сказать, что со временем, когда население Амура увеличится (а это будет непременно и не в долгом времени), то на нем должно быть не менее двух (архиерейских) кафедр...”² В 1854 году, по благословению святителя, его родной сын, священник Гавриил Вениаминов, участвовал в экспедиции, целью которой было исследование Приамурья и уточнение границ между Россией и Китаем. (Позже, в 1858 году, о.Гавриил был награжден орденом святого Владимира IV степени “за содействие своими трудами и усердием в возвращении России Амурских владений”). В 1856 году появляется сочинение владыки Иннокентия “Нечто об Амуре”, в котором он убеждает изучать Амурский край, заселять его русскими. В своей работе он делает вывод: “Занятие Амура... отнюдь не лишне и не безрассудно; напротив того, это надо сделать как можно скорее, дабы кто-нибудь из европейцев не предупредил нас”.³ После подписания соглашения между Россией и Китаем (так называемого Айгунского договора 1858 года),⁴ согласно которому к Российской империи отошли территории нынешних Амурской области, Хабаровского и Приморского краев, святитель самым деятельным образом участвует в освоении этих важных для русского государства территорий. Вот как писал об этом контр-адмирал В.С. Завойко: “Кто подал первую мысль осмотреть Амур и ходатайствовать о заселении? И как я не историю пишу, а биографию, и мое дело

занести в биографию Иннокентия только факты его деяний, уже признанных, то, прочитавши письма разных лиц-деятели, я могу записать о трудах Иннокентия в означенных событиях честно, что не согрешит тот из современных деятелей, который засвидетельствует для потомства и истории, что ни одно событие, совершившееся в тех краях, не обошлось без горячего содействия преосвященного Иннокентия живым его словом, сердечным ободрением к делу, его заступничеством за справедливость, что очень важно в стране далекой и пустынной: “до Бога высоко, до царя далеко”. Он, Иннокентий, обсуждал всякое дело прозорливостью ума и практическим соображением делал вывод дела, и ясно разъяснял и пособлял неутомимо, с полной энергиею. Мир памяти его! Он был человек ума и дела”.⁵ Сам Святитель в письме к А.Н.Муравьеву так пишет о присоединении Амура: “Я вполне уверен, что и Вы порадовались тому, что Амур опять наш. Прежде всего, слава и благодарение Господу, так дивно устроившему это дело, даровавшему силы и терпение мирному герою нашему — Николаю Николаевичу — преодолеть все препятствия. Из всего этого ясно можно видеть, что приходит время просвещения истинным светом наших давних соседей, даже более. Кивот Православной Церкви должен соблюстись на земле даже до пришествия Господня. Он донныне находится у нас на Святой Руси. Мы, видимо, становимся недостойными иметь такое сокровище у себя, и вот Господь хочет перенести его туда, где он еще не бывал — в Манджурию, Монголию и Китай...⁶ Теперь остается только, между прочим, желать, чтобы Господь помог Николаю Николаевичу⁷ по возможности устроить этот новый, обширный и благодатный край, а мне устроить мою кафедру и семинарию”.⁸

Но, прежде всего, конечно, неустанный миссионер заботился о распространении на новых землях Святого Православия. “Вы, конечно, узнаете трактаты, заключенные Путятиным и нашим героем,⁹ — писал он Н.Н.Муравьеву, — 8-й пункт в первом есть самый важный и самый благодетельный, то есть, что китайцы не будут преследовать своих подданных за исполнение христианских обязанностей и дозволяют миссионерам нашим проникать внутрь их земли, куда угодно, без всякого препятствия. На основании этого, конечно, католики бросятся во все углы Китая. Было бы грешно и стыдно нам, если бы мы не стали ничего предпринимать касательно сего. Мне бы хотелось как можно скорее и как можно подальше, в Манджурию, послать миссионера нашего, дабы по возможности преградить путь запад-

ным миссионерам в Манджурию. Для этого у меня есть деньжонки и находится даже и человек — иеромонах Пекинской миссии, имеющий выехать оттуда в 1859 году. Мне кажется, по крайней мере, Манджурию можно удержать за нами. Если же пропустим западных миссионеров в Манджурию, то тогда нескоро их выживем оттуда, да, пожалуй, и не выжить, ибо у них средства огромные, а у нас? Рублики, да и в тех давай отчеты и расписки... и непременно каждый месяц".¹⁰

Святитель не упускал случая воспользоваться политическими успехами государства, обращая их на благо Церкви, понимая, что от благополучия Церкви зависит благополучие государства.

Что же сказать о более сокровенной стороне жизни святителя — о его духовном подвиге, которым он, несмотря на всю свою занятость и многопопечительность, никогда не пренебрегал? Приведем лишь один отрывок из его письма дочери, монахине Поликсении, насельнице Борисовской пустыни Курской губернии: "Ты в письме твоем просишь меня научить тебя спастись. Ах, Пашенька! Сам я готов у тебя просить совета — как мне спастись. Давно уже начал учиться, и все еще учу азы; иногда как будто кажется, дойду и до складов: смотришь — опять забыл старое, и опять снова за азы; а когда начну разбирать самое Писание — Бог знает, и дойду ли еще до этого! Но сколько сумею или, лучше сказать, сколько припомню чужих советов и мыслей, касающихся спасения, скажу тебе. Ты говоришь, что нет у тебя смирения и послушания и что ты ленива молиться Богу. Истинное смирение, милая моя, есть дар Божий; следовательно, его нельзя иметь, когда хочется, его надобно достигать, а достигается оно тем, между прочим, чтобы никогда, и нигде, и ни в чем не считать себя выше других — словом сказать, считать себя ниже всех. И потому не смей никого осуждать, ни на кого не сердиться, никогда не считать себя невинною или правую; словом сказать — считать себя землею и пеплом, по которым не возбраняется ходить никому. Имея такое смирение, послушание придет уже само собою. Ты ленива молиться — вспомни, где ты находишься? в Борисовской: следовательно, ты должна, всегда должна бороться с собою и со своею ленью. Не отчаивайся, если иногда и она тебя побороет, — ничего; только не лежи, а вставай; по крайней мере, употребляй все усилия встать — и Господь, видя твое усердное желание встать, поможет тебе. Между тем, не думай и не мечтай, что здесь, на земле, можно дойти до того состояния, чтобы никогда не бороться с собою или с духом

злобы: нет! Здесь, на земле, не рай, не вечный покой, а поприще или школа". Какие мудрые, одухотворенные и, вместе с тем, простые слова! Как заметно перекликаются наставления святителя с поучениями святоотеческими, духом которых и было исполнено сердце преосвященного Иннокентия.

Безусловно, в небольшой статье не раскрыть полностью значения такой личности, как святитель Иннокентий. Но достаточно лишь приблизиться к тому сиянию, которое излучает его бескорыстное и жертвенное житие, отданное целиком на служение ближним, на служение Церкви Христовой, как становится совершенно очевидным, что место этого угодника Божия — среди великих святых земли русской.

Нынешний год — год 200-летия со дня рождения святителя Иннокентия. Вся Русская Церковь будет отмечать эту дату. Дай Бог, чтобы этот юбилей послужил началом возрождения имени святителя Иннокентия в памяти потомков, ибо жизнь Святителя — поучение о том, как жить по правде Божией ради Царствия Небесного, а это — цель христианской жизни.

*Олег Каплун,
2 класс МДС*

Примечания

¹ Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников. М., 1883. С. 45.

² Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского. Спб., 1898. С. 111.

³ Творения Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского. М., 1886. С. 417-418.

⁴ Айгунский договор между Россией и Китаем (28 мая 1858 года, г. Айгун) устанавливал границу между двумя государствами по Амуру. Таким образом, России возвращалась территория, отторгнутая Цинским правительством по Нерчинскому договору 1689 года.

⁵ Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский... С. 425-426.

⁶ Слова святителя сбылись в послереволюционные годы: после того, как поток русских эмигрантов хлынул в Китай, там образовались многочисленные православные общины.

⁷ Генерал-губернатор Восточной Сибири, граф Н. Н. Муравьев (1847-1861).

⁸ Письма Иннокентия... С. 127-128.

⁹ Путятин Е. В. (1804-1883), граф. Дипломат, заключивший 13 июня 1858 года Тяньцзинский трактат, по которому русские купцы получили широкие торговые права в Китае.

¹⁰ Письма Иннокентия... С. 128-129.

Мало кто в наше время имеет представление о Боэции, философский авторитет которого в период раннего Средневековья уступал лишь блаженному Августину. Его философские трактаты обогатили в свое время религиозно-философскую мысль Запада многими новыми понятиями, а богословские по праву входят в сферу внимания патрологической науки, занимая свое место в разделе "латинская церковная письменность". Это отмечает, в частности, известный современный патролог А. И. Сидоров в введении к первому тому своей "Патрологии". Ниже мы предлагаем благожелательному вниманию читателей обзор одного из богословских сочинений Боэция — "Против Евтихия и Нестория", которое, будучи посвящено христологическим вопросам, является немаловажным аргументом против тех, кто считает этого оригинального мыслителя чуждым христианству.

Трактат Боэция "Против Евтихия и Нестория"

Аниций Манлий Северин Торкват Боэций — это очень значительная фигура Западной Европы V—VI веков. Родился он в Риме около 480—481 года в семье родовитого римского сенатора. Его предки Аниции после Диоклетиана выдвинулись в число знаменитейших фамилий. Христианство Аниции приняли еще в IV веке. Боэций лишился отца будучи ребенком и был взят на воспитание Квинтом Аврелием Меммием Симмахом, который сначала являлся консулом, а затем главой сената и префектом Рима. Он был одним из самых образованных людей своего времени и оказал, видимо, очень значительное влияние на самого Боэция. Этот Симмах приходился правнуком другому знаменитому Симмаху, который в конце IV века возглавлял в сенате языческую партию. Он приходился также родственником еще одному Симмаху, папе Римскому (VI в.). Во время Боэция род Симмахов был носителем идеи христианского вечного Рима. Дочь Симмаха Растициана стала женой Боэция. В 510 году Боэций был назначен консулом в Риме, а в 522 году король Теодорих назначил его на должность *magister officiorum* (лат. — наставник должностей), фактически первым министром. В дальнейшем Боэций был оклеветан в заговоре против Теодориха, заключен в темницу. В ней он подвергся пыткам, от которых и скончался. Его кончина последовала около 524—525 года. Гибель Боэция оставила глубокий след в памяти как его современников, так и потомков. В области (нынешней) Павии, где он скончался, уже в раннем Средневековье возник своеобразный культ Боэция как мученика Церкви. В 1883 году папа Лев XIII издал указ, согласно которому Боэций почитается местночтимым святым Павийского диоцеза.¹ С вероятностью можно предположить, что решающую роль в прославлении Боэция как христианского мученика сыграл ряд его богословских сочинений. Их всего пять. Вызывает споры принадлежность Боэцию трактата "О католической вере", авторство же остальных сомнений не вызывает. Говоря о мировоззрении Боэция, необходимо отметить то, что его философия представляет собой переходный период от Античности к Средневековью. Поэтому не вызывает удивления то, что элементы того и другого наличествуют в его мировоззрении. "Боэций — христианин и формально, и жизненно", но в его мировоззрении определяющее значение имело языческое любознательное, его "аристотелевски осложненный платонизм".² Безусловно, об этом ярче всего свидетельствует трактат Боэция "Об утешении философи-

ей", где нет ни слова о Христе, ни одной цитаты или ссылки на Священное Писание, где утешение ищется не в христианстве, а в философии, выступающей в образе женщины. В нашу задачу не входит выявление языческого элемента в мировоззрении Боэция. Желая ознакомиться с такой попыткой в цитированной нами книге А.Ф. Лосева. Боэций был не просто светским философом, но, по замечанию А.Ф. Лосева, и христианским светским философом.³ Однако верно и то, что в христианстве Боэция чувствуется много незрелости, что свидетельствует о его духовном невежестве. О том, стремился ли он подлинно христианизировать свое мировоззрение нам также трудно судить. "Языческие и христианские элементы у Боэция настолько сильны, что для исследователей всегда может возникнуть соблазн целиком отрицать одно из этих мировоззрений и целиком признавать только другое".⁴

Таким образом, Боэций — фигура довольно противоречивая, и поэтому столь затруднительно выявление его четкой мировоззренческой позиции. Остановившись на том образе философа, который мы скудно очертили, перейдем непосредственно к трактату Боэция "Против Евтихия и Нестория", рассмотрение которого собственно и является нашей задачей. В этом сочинении Боэций выступает как апологет ортодоксального христианского понимания христологического вопроса. Достоинно удивления то, с какой серьезностью и рвением Боэций взялся за разбор этого вопроса. Поводом к написанию этого трактата послужили христологические споры, волновавшие Церковь в то время и имевшие как религиозно-мировоззренческое, так и политическое значение. "Так как Боэций не считал себя богословом в собственном смысле этого слова, то он ограничился рассмотрением христологического вопроса в одном только аспекте, а именно в аспекте философского, логико-рационалистического обоснования того, что уже через религиозную веру усвоено как не подлежащая сомнению абсолютная истина".⁵

Предметом своего рассмотрения Боэций сделал определение понятий (соотнося греческие и латинские термины) таких, как "природа" (*natura*), "личность" (*persona*), "бытие" (*esse*), "субстанция" (*substantia*), "самостоятельное существование" (*subsistentia*), "сущность" (*essentia*) и других. Здесь нет необходимости углубляться в терминологический анализ и сопоставление, предлагаемые Боэцием, так как это потребует самостоятельной работы, но остано-

¹ Г.Г. Майоров. Судьба и дело Боэция. // В кн.: Боэций. Утешение философии и др. трактаты. С. 335.

² А.Ф. Лосев. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития: т.8, в двух книгах. Книга 1. М., 1992. С. 186.

³ А.Ф. Лосев. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития: т.8, в двух книгах. Книга 1. М., 1992. С. 197.

⁴ Там же. С. 205.

⁵ Г.Г. Майоров. Судьба и дело Боэция. С. 336.

виться на некоторых аспектах будет все же необходимо. В начале Бозций дает несколько определений понятию "природа". Под первым определением понимается совокупность мыслимого, включающая и Бога, и чистую материю, причем Бог и материя постигаются апофатически". Во втором значении природа, согласно Бозцию, употребляется для обозначения всех субстанций как телесных, так и бестелесных. В третьем значении природой называется мир только телесных субстанций, которые обладают способностью к движению и покою. Эти три определения не берутся Бозцием в расчет. Он сосредотачивает свое внимание на четвертом значении термина, когда под "природой" того или иного явления понимается его характерная определенность, его видовое отличие (*differentia specifica*)⁶, его сущностный отличительный признак.

По Бозцию, именно в этом последнем смысле можно говорить богословски о природах во Христе. Бозций видовое отличие относит к характеристикам субстанциональным, и поэтому, переходя во второй главе к анализу понятия "личность", он, естественно, сосредотачивает свое внимание на природе субстанции. Для Бозция только разумная природа может быть личностью. Исходя из этого, он дает первое в истории философское определение понятию "личность": "*naturae rationabilis individua substantia*" (лат. — индивидуальная субстанция разумной природы)⁷. Бозций здесь понимает "личность" как разновидность единичной и, поэтому, неделимой субстанции. Такую личность, природе которой свойственна разумность.⁸ Установив понятие "лицо" для богословских целей, философ должен был теперь соотнести его с понятием "ипостась" (*ὕποστασις*). Это обусловлено тем, что спор, в который включился Бозций, происходил в греческих терминах, что невозможно было игнорировать и на латинской почве. Между "лицом" и "ипостасью" Бозций ставит знак равенства, хотя и предпочитает последний термин⁹ (I, с.173). Всю третью главу Бозций посвящает разбору терминологии. Разобравшись в ней, он сразу применяет ее в триадологическом аспекте. "Исходя из этого (то есть разбора терминологии — Е.С.), мы говорим, что есть одна *οὐσία* или *οὐσία*, или сущность, субстанция Божества (субстанция — родовое понятие — Е.С.); но три *ὕποστασις* (три индивидуальные субстанции). Именно согласно этому сказано, что у Троицы единая сущность, но три Субстанции и три Лица (*personae*). Далее Бозций делает оговорку относительно того, что в церковном словопотреблении именовать Бога "тремя субстанциями" не принято¹⁰ (желающих ознакомиться с разбором указанных понятий отсылаем к самому трактату Боеция). Определив понятия "сущность", "ипостась", "природа" и другие, Бозций говорит о том, что сам этот разбор был необходим только для того, чтобы показать различие между природой и лицом, то есть между *οὐσία* и *ὕποστασις* (там же). Они различаются в том, что природа есть видовая особенность любой субстанции, а лицо — индивидуальная (неделимая) субстанция разумной природы (там же). Бозций считает, что ошибка Нестория была именно в том, что всякую при-

роду он наделял личным началом (там же). С мнением Бозция в этом пункте трудно согласиться. Бозций дал определение личности как индивидуальной субстанции разумной природы. Несторий мог исходить именно из этого положения философа. Если во Христе Бог и разумный человек, то на основании разумности обеих природ (Бога и человека) Несторий сделал вывод о наличии двух личностей. Ведь сам Бозций не будет же утверждать то, что человеческая природа во Христе была неразумна (тогда это напоминало бы Апполинария). Нам непонятно, каким образом данное Бозцием определение личности уличает Нестория в заблуждении (там же). Очевидно совсем обратное. Если разумная природа личностна, то каждая из двух разумных природ должна обладать своей особой личностью — вот вывод из Бозциевской трактовки личности, который вполне согласуется и с Несторием. Это положение он и сам подтверждает немного выше.¹¹ Не отвечая по сути на вопрос, Бозций пытается уловить Нестория на несообразностях, а именно: если Бог и человек соединены внешне, по примеру двух тел, то из этого сочетания ничего единого не выйдет, и, таким образом, отсюда можно сделать вывод о том, что Христа, как единого субъекта вовсе нет. Надо сказать, это замечание очень верное. Но мы признаем, исповедуем Христа единым, а если так, то и лицо необходимо исповедовать одно. Так же, согласно Несторию, получается, что имя Христа прилагается и к Богу, и к человеку, но это нелепо. "В каких писаниях удваивается имя Христа?" — спрашивает Бозций.¹² Если Бог и человек — два лица, то ничего нового в Рождестве Христа не произошло, не произошло и соединения природ. Мы же исповедуем единственность и уникальность чуда Богочеловека, в котором "Бог соединился с отличнейшей от Себя человеческой природой, в результате чего стало одно лицо".¹³ Бозций все время концентрирует свое внимание на несостоятельности Несториева разделения Христа на два субъекта, показывая, к каким нелепостям это мнение приводит. Основной тезис Бозция таков: если нет единого лица, то невозможно говорить о соединении Божества и человечества, невозможно говорить о Христе, невозможно говорить о спасении, потому что две природы могут соединиться лишь в одном лице. В таком случае (при наличии двух личностей), либо Христа нет, либо мы вынуждены признать любого святого также за Христа, и он тогда ничем не отличается от Рожденного Девой. Далее Бозций рассуждает в чисто сотериологическом аспекте. Основные мысли его таковы: если лица сохранились во Христе, то в нем Божество полностью разделено с человеческой природой, ибо при наличии обоих лиц невозможно говорить о природном соединении. Если же и лица и природы разделены, то "не спасен, значит, род человеческий, не пришло к ним с Рождеством Христовым спасение, все Писание только морочит легковерный народ, и весь авторитет Ветхого Завета, коим обещано миру спасение через Рождество Христово, заслуживает одного лишь презрения".¹⁴ "Если все раздельно во Христе, то о каком спасении можно говорить?" — совершенно справедливо замечает Бозций. "Ибо Он спас того, кого, как мы веруем, воспринял в Себя; но невозможно помыслить, чтобы одна природа восприняла другую, если остались равно разделенными и природы, и лица"¹⁵, — продолжает он. Показав всю нелепость миро-

* Необходимо отметить то, что Бозций разделяет суждения Платона о бесконечности во времени жизни мира в отличие от бесконечной вневременной жизни Создателя. Подробнее об этом см. "Утешение философией", кн.5, VI.// В кн. Бозций "Утешение философией и другие трактаты". М., 1990. С. 286 — 287.

⁶ Там же. С. 338.

⁷ Бозций. Утешение философией и др. трактаты. М., 1990. С. 172

⁸ Г.Г. Майоров. Цит. соч. С. 338.

⁹ Бозций. Утешение философией... М., 1990. С. 173

¹⁰ Там же. С. 175

¹¹ Бозций. Утешение философией... М., 1990. С. 175-176

¹² Там же. С. 177

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 177-178

¹⁵ Там же.

воззренческой установки Нестория, Бозций этим довольствуется, по сути, не решая вопроса о личности рационально, что, видимо, вовсе невозможно, и переходит к рассмотрению другой крайности по вопросу христологии, а именно: евтихианству или монофизитству. Бозций полемизирует не столько с самим Евтихием, сколько с тезисами Севира Антиохийского и Юлиана Галикарнасского, двух апологетов монофизитства, хотя и разных лагерей. Если же говорить конкретнее, то Бозций порой сам не знает, с кем он полемизирует из лагеря монофизитов. Бозций совершенно справедливо замечает, что заблуждения Евтихия проистекают из того же источника, что и Нестория. "В самом деле, Несторий полагает, что не может быть двух природ без двух лиц, и потому, исповедуя во Христе две природы, уверовал, что существует и два лица; точно так как решил и Евтихий, что не может быть двух природ без удвоения двух лиц, а так как двух лиц он не исповедовал, то заключил, что и природа должна быть одна".¹⁶ Евтихий говорил о двух природах до объединения и об одной после объединения, Бозций переходит к рассмотрению этого положения в мировоззрении Евтихия, согласно которому, Евтихию необходимо признать, что объединение природ должно было бы произойти либо во время Рождества, либо во время Воскресения. Если оно произошло во время рождения, то в таком случае необходимо признать, что тело было взято не от Марии Девы, а каким-либо иным образом и, соответственно, предсуществовало до рождения. Этот тезис Бозций далее не развивает, видимо, зная о том, что сам Евтихий анафематствовал положение о предсуществовании, которое ему приписывали на двух Соборах: Константинопольском (448 года) и Ефесском (449 года). Получить же от Евтихия на этих Соборах вразумительного ответа относительно происхождения плоти Христа так и не удалось.¹⁷ Вообще Евтихий всячески избегал рассуждения о происхождении тела Христова. Он говорил, что "Христос единосущен Марии, но не имеет плоти, единосущной нам".¹⁸ Он признает, что тело Христа есть нечто человеческое и что Господь воплотился от Девы.¹⁹ Евтихий устанавливает различие между понятиями "тело человека" и "тело человеческое", и он боялся впасть в несторянство и проповедовать, что Христос — человек,²⁰ то есть теснейшее соединение, которое исповедал Халкидонский собор и о котором писал в своем томосе папа Лев Великий, что, безусловно, должно было быть известно Бозцию. Все же он остался при мнении, что Христос до соединения был из двух естеств, по соединении же Евтихий признает в Нем одно естество.²¹ Когда же совершилось объединение? У Евтихия это не ясно, поэтому Бозций рассматривает возможные варианты. При рождении — невозможно, иначе нужно признать предсуществование тела Христова, — это положение Евтихий отверг. Значит, при воскресении? Кого облекло Божество или в кого облеклось? Если плоть была взята не весть откуда, а Марией она была лишь рождена, причем испорченной первородным грехом, то это является нелепостью и не может быть принято, так как, согласно такому утверждению, Христос тогда воспринял какую угодно плоть, но не человеческую, которая от семени Авраама и Давида. Таково возражение Бозция. Если Христос облекся не в ту человеческую плоть, которая приобрела

смерть в наказание за грех, а в иную, то от кого произошла такая плоть? От человека она произойти не могла, значит, она была либо иллюзорной (докетизм), либо Боговоплощение было бесполезным, если Бог воспринял плоть без печати наказания за грех (юлианиты).²² "Если была создана новая и истинная, не взятая от человека плоть, то в чем великая трагедия Рождества? Где Крестный путь?.. В чем же окажется тогда польза столь великого уничтожения Божества, если погибший человек не спасен рождением и страданием Христовым? Ведь они отрицают, что (именно) он (то есть погибший человек — Е.С.) был воспринят".²³ В этом пункте Бозций полемизирует с юлианитами, которые говорили, что Бог воспринял природу Адама до падения.²⁴ Бозций рассматривает христологию в сотериологическом аспекте и, в связи с этим, хочет показать несостоятельность воззрений монофизитов. Подводя итог своим рассуждениям, Бозций делает следующий вывод: "У Евтихия получается, что род человеческий спасен не был, ибо воспринят (божественной природой) был вовсе не тот, охваченный недугом (человек), который нуждался в спасении и искуплении", потому что, согласно Евтихию, "тело Христово не от человека произошло, но помимо него, или даже было заново создано на небесах".²⁵ Мы уже отмечали, что это мнение собственно не Евтихия, а Юлиана, епископа Галикарнасского. "Если же тело Христово воспринято было от Марии, но при этом какая-либо из двух природ не сохранилась в полноте, то такое могло произойти не иначе как тремя способами: либо одна из двух природ перешла в другую, либо они взаимно проникли друг в друга настолько, что "ни одна из двух субстанций (в смысле природ — Е.С.) не сохранила свою собственную форму".²⁶

Божество в человечество не могло перейти, так как оно не претерпевает изменений в своей субстанции. Тогда возможен обратный вариант. Но в это также совершенно невозможно поверить, если Божество при рождении Христовом приняло и душу и тело человеческое. Невозможность этого заключается в том, что "телесные субстанции не могут изменяться в бестелесные".²⁷ Далее у Бозция идет пространное рассуждение о том, какая вещь может переходить в другую или с ней смешиваться. Кратко его рассуждение можно свести к следующему: как телесные, так и бестелесные субстанции не могут изменяться друг в друга; бестелесные субстанции так же не могут между собой изменяться одна в другую: изменяться друг в друга могут лишь материальные субстанции и то лишь те, которые могут и воздействовать и претерпевать друг от друга.²⁸ Так как бестелесные субстанции всегда сохраняют свою форму, то душа (а, согласно Бозцию, она является бестелесной, нематериальной субстанцией) не могла превратиться в Божество, такая метаморфоза невозможна, равно как и тело, не могло перейти в Божество, согласно вышесказанному. "А если ни тело, ни душа не могли превратиться в Бога, то и человечество никоим образом не могло стать Божеством".²⁹ Далее Бозций приписывает монофизитам следующее утверждение "будто Христос состоит из двух природ, но никоим образом не в двух природах".³⁰ Трудно понять, на каком основании сделал такое заключение Бо-

²² В.В. Болотов. Лекции по истории древней Церкви. т. 4. М., 1994. С. 244.

²³ Бозций. Утешение философией... М., 1990. С. 181.

²⁴ В.В. Болотов. Цит. соч. С. 344

²⁵ Бозций. Утешение философией... М., 1990. С. 181.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 182.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 183.

³⁰ Там же.

¹⁶ Бозций. Утешение философией... М., 1990. С. 179.

¹⁷ В.В. Болотов. Лекции по истории древней Церкви в 4-х томах. Т. 4. М., 1994. С. 247.

¹⁸ Там же. С. 249.

¹⁹ Там же. С. 251.

²⁰ Там же. С. 252.

²¹ Там же. С. 253.

эций. В.В.Болотов дает следующую характеристику воззрениям Евтихия, с которой также можно согласиться. "По формальной стороне он (то есть Евтихий) полагал, что о двух естествах во Христе можно говорить лишь до Его воплощения (ἐκ δύο φύσεων), а после единения во Христе уже одно естество, (μία φύσις, а не δύο φύσεις) или в двух естествах (ἐν δύο φύσεσιν). С материальной стороны он держался мысли об инсуссии тела Христова нашему. Он отвергал как клевету мысль, что Иисус Христос принес Свое человеческое естество с неба; он допускал, если и не учил открыто, что Бог Слово занимствовал человеческую природу от Святой Девы; но он затруднялся признать Христа единосущным нам по человечеству... Допустить это (единосущие), по мнению Евтихия, значило самого Христа предудировать не как Бога, а как человека — ставить как бы под сомнение самое Божество Христово".³¹ Возможно, Евтихия смущало наличие греха в человеке, и он признавал человечность как некую стихию тварности, как нечто материальное, которое и растворилось, поглотившись Божеством. Из приведенной цитаты видно, что Бозций, приписывая такое мнение Евтихию, ошибается, это ясно из характеристики позиции Евтихия Болотовым. Тогда кому же принадлежит такое мнение: "Христос состоит из двух природ"? Вряд ли это мнение можно приписать и Диоскору, который в основном был солидарен с Евтихием. Тимофею Элуру, который говорил, что "одна во Христе природа единственно Божество Его, хотя Он и воплотился непреложно (φύσις δε Χριστοῦ μία μόνη θεότης, εἰ καὶ σεσαρκώθη ἀτρέπτως), тоже вряд ли возможно приписать такой взгляд.

Ксеная (Финоксен), епископ Иерапольский, говорил так: "Одна природа сложная, двойственная μία φύσις σύνθετος, μία φύσις διττή". Эту формулу воспринял и углубил Севир, патриарх Антиохийский. Он говорил: "Сами мы признаем во Христе две природы — сотворенную и несотворенную".³² Он обвинял Халкидонский собор (451 г.) в отсутствии вопроса о том, что один Христос состоит из обеих природ (ἐκ δύο φύσεων). Севир признает разность природ, но с тем условием, что после соединения, когда получилась одна природа Бога Слова воплотившегося (μία φύσις τῷ Θεῷ Λόγῳ σεσαρκωμένη), кончается право поставять на вид качественное различие сочетавшихся естеств. Отсюда получается одно естество μία φύσις. После соединения различать или даже усматривать две природы можно только мысленно, потому что различать природы для Севира то же, что различать ипостаси.³³ Хотя Севир говорит не просто μία φύσις, но и φύσις σύνθετος, то есть о сложной природе, но без слияния. "Я изумлен, — пишет он одному из своих противников (монофизита другого крыла), — как можешь ты вочеловечение называть сложением σύνθεσιν, когда ты в то же время говоришь: "Так что стало разом одно существо и одно качество". Таким образом, единение у тебя началось слиянием, и сложение утратило свой смысл, потому что оно перешло в одну сущность (εἰς μίαν οὐσίαν μεταχρήσεν)".³⁴ Человечество сохранило свое качество. Севир и по соединении говорит о "природах" (τὰ ἐξ ὧν), но никакого счета, счисления он не принимает. Севир признает и наличие самой человеческой природы, но оспаривает ее самостоятельную (ἰδιοῦσάτατος) жизнь во Христе.

"Божество активно, человечество эртно, — отсюда вывод о единной во Христе энергии. Хотя их и множество (πολλὰ ἐνεργήματα), они относятся к одной природе (μία φύσις) Христа как частное к общему. Надо отметить и то, что Севир признавал и тленность тела Христова".³⁵ Кратко рассмотрев пози-

цию Севира, мы видим, что она так же не подпадает под критику Бозция. Севир говорит о двух природах, но не в том смысле, который имеет в виду Бозций. Мы решительно затрудняемся сказать, кого точно имел в виду Бозций, когда говорил, что монофизиты принимают из двух природ. Возможно, он, поверхностно ознакомившись с позицией Севира, имел в виду именно его. То, что такое мнение бытовало в монофизитской среде, свидетельствует приведенная Болотовым выдержка из письма Севира, но, кому оно в точности принадлежало, мы так и не смогли разобрать. Бозций смешенные естества приписывает Евтихию по аналогии слияния меда и воды. Но, как мы показали выше, Евтихий такого мнения не придерживался. Бозций же именно так понимает монофизитское — из двух естеств. Далее он дает ортодоксальную трактовку понятий "в двух естествах" и "из двух естеств". Его трактовка, к сожалению, довольно грубая и поверхностная, чем, в богословском плане, страдает весь трактат Бозция. Он говорит, что мы, православные, исповедуем Христа из двух природ, потому что признаем их сохранность в воплощении. Он приводит аналогию с венцом, состоящим из камней и золота без смешения. "Из двух — потому, что из объединения обеих сохраняющихся природ получается одно лицо Христа, в двух — потому, что обе сохраняются".³⁶ У самого Бозция совершенно непонятно, что значит: "из двух природ получается одно лицо Христа". Один плюс один будет два. Если убрать один А (то есть человеческую природу), то и плюс а уже не будет". Это выражение можно понять в том смысле, какой Бозций приписывает самому Евтихию, то есть из смешения двух природ или из сочетания без смешения двух природ получается одно лицо Христа, как производное (следствие) этого сочетания и плод его. Правда, в дальнейшем рассуждении³⁷ Бозций пытается растолковать свое понимание христианского догмата и, в целом, достигает адекватных результатов. Далее он резюмирует выше сказанное и на этом, собственно, заканчивает свою критику обеих ересей. В самом конце главы Бозций неожиданно ставит следующий вопрос: "Каким образом две природы могли смешаться в одну субстанцию?"³⁸ (то есть лицо — E. C.) Сразу необходимо отметить то, что Бозций, поставив этот важный вопрос, разрешение которого могло пролить свет на мировоззрение самого Бозция, так и не возвращается к нему до конца своего сочинения, оставив его открытым. Нам придется заняться рассмотрением этого вопроса самим и попытаться понять и реконструировать ответ на него Бозция. Опуская все терминологические нюансы, остановимся на двух из них, которых мы касались уже выше. Нас интересуют, прежде всего, понятия "субстанция" и "природа". Первое понятие Бозций приравнивает к термину "ипостась" (ὑπόστασις), что значит — "лицо", "личность".³⁹ Второму же он дает следующее определение: "Природа есть видовое отличие, сообщающее форму всякой вещи"⁴⁰. Природой для Бозция является сущность, которая имеет свои видовые особенности, или сущностные свойства, которые не сводимы на другую природу (в данном случае, мы рассуждаем конкретно о двух несводимых друг к другу природах — божественной и человеческой). Согласно такому пониманию, Бозций на протяжении всего трактата говорит о наличии во Христе двух природ с соответствующими каждой сущностными свойствами. Это понятие. Две природы существуют неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно. Но что значит смешаться? Бозций неоднократно говорит о личности Христа, составленной из двух природ. Приводим эти места: "Соединение различных субстанций (в данном случае

³¹ В.В. Болотов. Цит. соч. С. 333.

³² Там же. С. 337.

³³ Там же. С. 338.

³⁴ Там же. С. 339.

³⁵ Там же. С. 343.

³⁶ Бозций. Утешение философией... М., 1990. С. 185.

³⁷ Там же. С. 186.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же С. 175.

⁴⁰ Там же. С. 170.

природ, а не лиц — Е.С.) составило одно лицо”,⁴¹ “...Из соединения двух разных природ стало одно лицо...”⁴² “...если человек и Бог не соединились в одно лицо...”⁴³ Надо заметить, что Бозций не обременяет себя тем, чтобы придерживаться той терминологии и ее значения, которое сам же наметил и классифицировал. Все эти выражения (вышеприведенные) очень неясны. Смешение природ в (как он считает) Евтихианском смысле он не допускает. Он сам говорит, что две различные природы, такие как Божеская и человеческая не могут смешаться и составить нечто третье.⁴⁴ Тогда что он имеет в виду под смешением? Ключ к разгадке, как нам кажется, находится в понятии “субстанция”. Мы реконструируем мысль Бозция следующим образом. Бозций сам во многих местах компрометирует себя. Взять хотя бы пример с венцом, в котором соединении золота и камней является механической операцией, при которой ни одна составная часть не усваивает себе свойства другой. Они сосуществуют параллельно, не более того, хотя и составляют “ипостасное”, скажем аллегорически, единство в “лице” венца. Остановимся на этой проблеме подробнее. Природой, согласно Бозцию, является сущность, которая имеет свои видовые особенности или сущностные свойства, которые не могут быть сведены к другой природе. Согласно такому пониманию, Бозций говорит о наличии во Христе двух природ: божественной и человеческой с соответствующими каждой из них сущностными свойствами. Это совершенно ясно. Но что же значит смешаться в одну субстанцию? Может возникнуть ассоциация того, что из сочетания двух природ, как производное, как следствие причины смешения, возникает единая субстанция. Попробуем перевести рассуждение Бозция о венце на платоновский язык. Золото и камни являются в отдельности носителями своих собственных идей. Когда же происходит соединение того и другого в новой форме, то приходит идея венца, которая актуально (материально) проявляется лишь при сочетании двух элементов, в связи с сочетанием камней и золота, вне которого венца нет, и, соответственно, не присутствует материально идея венца. Также возможно, например, тогда, когда золото и камни положены рядом, пусть даже близко друг к другу. Здесь явно ощутимо влияние на философа платонизма, и мы подозреваем, что именно подобное этому понимание вопроса затемняло для самого Бозция решение вопроса о Христе. Ведь Идея венца (Логос) не может воплотиться в венце, если не будет в наличии золота (Божеской природы) и камней (человеческой природы), и только при их наличии такое воплощение возможно. Проще было бы сказать, что Бог воспринял человеческую природу в свою ипостась, то есть “воипостазировал” ее. Не о природном смешении в собственном смысле слова говорит Бозций, потому что за это он критикует монофизитов.⁴⁵ Надо также учитывать, что Бозций иногда отождествляет субстанцию с лицом (*ὁμοῦσις*),⁴⁶ иногда с природой.⁴⁷

Во Христе субстанциональным “я” (для обеих природ) является божественная Ипостась Слова Божия (сам Бозций никогда не говорит так ясно — Е.С.), которая является центром самосознания Христа. Бозций признает Троичность лиц в Боге, но одно Лицо “восполняет” Троицу тем, что усваивает себе человеческую природу. Так как Божество усвоило природу человеческую, то отношения двух природ

стали не внешние, а внутренние. Это можно назвать взаимопроникновением без смешения (неслитно, нераздельно, неразлучно, неизменно); так что каждая природа усваивает себе свойства природы иной, то есть во Христе происходит общение свойств каждой из природ. Такое соединение можно назвать не механической связью, а своего рода (в духе халкидонского вероучения) органической связью. Две природы встречаются в одном Лице, и поэтому все, что с ними происходит, усваивается одному Христу,⁴⁸ — так можно рассматривать позицию Бозция. Но не так, что при встрече двух природ получается новое лицо из смешения двух природ, а так, что Бог усвоил Себе природу человеческую, а человечество — ипостасную природу Бога Слова. Бозций избегает говорить о Ипостаси Бога Слова во Христе, а предпочитает говорить о природном единстве в Ипостаси Христа. На наш взгляд, Бозций неправильно поставил сам вопрос. Правильно было бы поставить вопрос так: “Каким образом две природы могли соединиться в одном лице?” или “как два естества соединились в одно лицо?” Бозций был также в некоторой степени знаком с теми теопасхитскими спорами, которые происходили в его время и были связаны с прибытием в Рим скифских монахов. Они предложили следующую формулу: “Один из Святой Троицы распят”, — думая, что она послужит примирению с монофизитами. Однако эта формула вызвала многие споры. Монофизиты подозревали православных в том, что они Троицу превратили в четверицу, что вводят четверение Троицы, если признают две природы во Христе (монофизиты не мыслили безипостасной природы). Можно было бы и привратно понять эту формулу: Христос пострадал по Божеству (теопасхитство). Такого мнения не принимал никто. Признать то, что Христос по Божеству вкусил крестную смерть и страдания, никто не хотел. Эта формула очень неопределенная. Теопасхитская проблема в общих чертах разрешена у Бозция. Он говорит: “В то время как претерпевало страдание человечество Христа, правильно говорилось, что страдает Бог (Един от Троицы), не потому, что само Божество стало человечеством, а потому, что человечество было воспринято божеством”.⁴⁹ Здесь Бозций близок Фульгентию Ферранду, авторитетнейшему из западных богословов, который несколько позднее растолковал формулу скифских монахов в православном духе.⁵⁰ Вообще, существовали подозрения (и небезосновательные), что формула “Един Святыя Троицы пострадал телесно” вышла из среды, близкой к монофизитской.⁵¹ Фульгений говорил следующее: (в интерпретации В.В. Болотова): “Если мы говорим, что Бог пострадал, мы употребляем неопределенную формулу, которую можно расширять до нелепости. Никто, однако, не станет представлять, что если Бог пострадал, то отсюда следует, что вся Святыя Троица пострадала: Отец, Сын и Святой Дух. Когда мы говорим: “Бог пострадал”, и не прибавляем “плотию”, никто не заподозрит того, что Христос пострадал человеческим естеством. Пусть не ясна формула, но мы знаем, что у Троицы Сынов нет, а есть в Троице Отец, Сын и Святой Дух. Если мы говорим: “Unus de Trinitate”, то никто не заподозрит, что в Троице три Сына. Ипостась Бога-Слова приняла человечество — и только. Следовательно, формула применима для католической Церкви.⁵² Бозций явно близок к Фульгентию. Трактат Бозций адре-

⁴¹ Бозций. Утешение философией... М., 1990. С. 176.

⁴² Там же. С. 177.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 182-183.

⁴⁵ Там же. С. 186.

⁴⁶ Там же. С. 175.

⁴⁷ Там же. С. 186.

⁴⁸ Бозций. Утешение философией... М., 1990. С. 178.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ В.В. Болотов. Цит. соч. С. 372.

⁵¹ Там же С. 369.

⁵² Там же. С. 372-373.

сует Иоанну Диакону, который, вероятно, в 519 году был послан в Константинополь в качестве легата, и ему пробили голову в Фессалонике, и он, видимо, был в курсе происходивших в церковной среде событий. С Бозцием он сблизился в Равенне, куда его отправил Теодорих после возвращения из Константинополя. С 523 года он — епископ Рима. Конечно, все эти проблемы надо рассматривать в историческом контексте, но у нас нет никакой возможности сделать это, дабы не увеличивать объем работы.

На этом мы завершим теопасхистскую тему и перейдем к заключительной части трактата Бозция, где он рассуждает о телесной природе Христа.

Здесь Бозций полемизирует собственно с юлианской ветвью монофизитства. Юлианиты говорили о том, что человечество Христово было подобно человечеству первозданного Адама, что плоть Христа была несотворенной (*ἀκτιστον*). Отсюда их называли актисититами. Плоть Христа была нетленной и не подверженной страданию. Если тело Христово единосущно нам и получено от человека, то во Христе с необходимостью должны наличествовать и грех, и греховная воля, а этого никто не решится признать. Отсюда можно сделать следующий вывод: Христос только в том случае может быть вне греха, если Он воспринял природу первозданного Адама до грехопадения. Так думал Юлиан Галикарнасский и его последователи. Такая позиция для Бозция совершенно неприемлема. Он вполне справедливо возражает актисититам, приводя нижеследующие доводы. Если Христос воспринял такого человека, которым был Адам до грехопадения, то Он в таком случае ничего не сделал для исцеления павшего человечества, ибо воспринял неиспорченную природу, которая не нуждалась в исцелении. Если в Адаме была и до грехопадения склонность ко греху (теологумен Бозция, хотя, вероятно, он говорит о возможности согрешить, о потенциальной возможности склониться ко греху), то во Христе такой склонности не было, значит, Христос не мог воспринять плоть первозданного Адама, иначе Он должен был воспринять наличие греховной склонности (хотя бы потенциальной — *Е.С.*). В таком случае, Христос не мог бы быть смертным, то есть Его плоть не была бы подвержена смертности, а мы видим, что Христос пострадал, умер на кресте. Некоторые монофизиты говорили о том, что Христос изволил допустить страдать своей плотью. Бозций этих тонкостей, видимо, не знал. Каким же образом можно согласовать то, что Христос воспринял единосущную нам плоть и в то же время не был причастен греху? Бозций предлагает следующее решение проблемы: “Мы знаем три состояния человека: первое — Адам до преступления, но с возможностью преступить заповедь; второе — полное утверждение Адама в добре и полная невозможность грешить и третье — состояние после грехопадения — это смерть, грех и греховная воля”.⁵³ Это рассуждение согласуется и со святоотеческим. Чтобы уяснить то, кем был Христос, он предлагает следующее решение: “Изо всех этих состояний Христос заимствовал в телесную (Свою) природу по одному началу. В самом деле, поскольку Он воспринял смертное тело, дабы изгнать смерть из рода человеческого, постольку Его следует отнести к тому состоянию, в каком Адам оказался в наказание за послушание. А то, что в Нем не было никакой греховной воли, заимствовано из того состояния, в каком мог бы оказаться Адам...” Остается то состояние, в котором греха еще не было совершено, но возможность его совершить была. В таком состоянии “Адам ел и пил, переваривал пищу, насы-

пал, — словом, совершал все человеческие отправления, кроме недозволенных”. “Всякий знает, что ту же нужду испытывал и Христос, но не по необходимости, а по возможности”. После Воскресения “Его тело преобразилось” и уже не испытывало таких потребностей. Господь воспринял человеческое естество с последствиями грехопадения, но без греховной воли. Если тело Господа испытывало естественные “страсти”, то значит оно по необходимости подвергалось всему тому, чему подвергается человек. Если тело смертное, то оно естественно склонно к страданию. Бозций же говорит: “... по возможности, а не по необходимости”⁵⁴. Как его понимать? Тело Господа безгрешно, но смертно, а если смертно, значит страдательно. Раз так, то ему должно было испытывать следствия смертности. Говоря “по возможности”, Бозций в этом пункте, очевидно, сам следует за Севиром и Юлианом. За последним лишь в некоторых моментах, в которых Юлиан по сути согласен с Севиром. Бозций, к сожалению, не поясняет своей позиции. Он не отвечает на вопрос о том, были ли страдания человеческой плоти во Христе естественными. Для более подробного рассмотрения этого вопроса, мы ссылаемся на его характеристику, данную В.В. Болотовым.⁵⁵ “Благоволил быть распятым — это и значит добровольно согласиться испытать то страдание, которое есть естественный и неизбежный результат распятия”.⁵⁶ По Своему милосердию Бог принял человеческое естество, а не по необходимости. Он добровольно воспринял природу человеческую с печатью немощи человеческих (но без греха), которые присущи ей по природе, хотя и мог в отдельный момент силою Своего Божества изъять плоть от страдания. Христос обладал телом, которое по необходимости должно было страдать. Нужно говорить не о моменте страдания (возможность оно или необходимость), а о самом воплощении Бога Слова. Он благоволил воспринять тело страждущее. Бог воспринял тело страждущее и, хотя мог не допустить его страдать, однако не сделал этого. В этом великая любовь Божия, благоволившая разделить с человеком все, кроме греха. К сожалению, четкой позиции по этому вопросу у Бозция не прослеживается.

В заключение нам хотелось бы сказать о том, что степень просвещения на Западе в то время была такова, что там не могли понять различие между монофизитством вообще и евтихианством в частности. Этот момент сильно ощутим и у Бозция. Во многом у него чувствуется некоторая “туманность” его позиции и еще большая неосведомленность относительно позиции монофизитов. Но, несмотря на это, Бозций отнесся к данной проблеме серьезно и попытался проявить всю силу своего выдающегося ума для ее разрешения, что ему во многом и удалось, несмотря на незначительные недостатки, которые выявляются в трактате “Против Евтихия и Нестория”.

Сергей Ефимов, 4 класс МДС

Основные источники и литература:

1. Бозций. Утешение философией и др. трактаты. М., 1990.
2. В.В. Болотов. Лекции по истории древней Церкви. т. 4. М., 1994.
3. А.Ф. Лосев. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития: т.8, в двух книгах. Книга 1. М., 1992.
4. Г.Г. Майоров. Судьба и дело Бозция // В кн.: Бозций. Утешение философией и др. трактаты. М., 1990. .

⁵⁴ Бозций. Утешение философией... М., 1990. С. 188.

⁵⁵ В.В. Болотов. Цит. соч. С. 343-349.

⁵⁶ Там же. С. 347.

⁵³ Бозций. Утешение философией.. М., 1990. С. 188.

*“Господь принимает и Сам освящает
в чистоте сердца приносимые
творения наших рук, пусть даже они
несовершенны...”*

Звонковая башня. Мастерские Иконописной школы при МДА

Историю возрождения древней иконы в наши дни можно было бы начать с реставрации величайших русских святынь: Владимирской иконы Божией Матери и Троицы преподобного Андрея в 1918 году. Тогда родился подлинный интерес к традициям древнерусской иконописи. Корни его уходят в XIX в., но раскрытие от потемневшей олифы и слоев записи этих удивительных икон явилось настоящим откровением. Трудями замечательных людей, подвижников нашей Церкви, изучавших и реставрировавших иконы, собиравших все возможные сведения о древних технологиях, постепенно возобновлялась традиция того иконописания, которое мы теперь называем византийским, пришедшим на Русь вместе с ее Крещением.

Это движение сразу занимает свое место в жизни Церкви. Обоснование преимуществ древней иконы перед церковной живописью дают в своих работах такие известные богословы как о. Павел Флоренский, кн. Е.Н. Трубецкой, Л.А. Успенский. Уместно здесь вспомнить и много потрудившуюся для возрождения иконописных традиций монахиню Иулианию. В ее трудах мы находим точное определение иконы, объяснение ее благодатного происхождения.

Монахиня Иулиания (в миру Мария Николаевна Соколова) — человек, всю свою жизнь посвятивший иконе. Она начала обучаться иконописи в середине 20-х годов, во дни своей молодости, в кругу реставраторов-иконописцев, работавших с древними иконами.

После войны ее приглашают в Лавру как художника-иконописца и реставратора, и здесь она трудится много лет. В конце 50-х годов матушка Иулиания организовала при Московской Духовной Академии иконописный кружок для студентов, целью которого было просвещать, открывать глаза на икону будущим пастырям.

В 1990 г. на основе этого иконописного кружка открылась иконописная школа, которая призвана сохранять и развивать традиции иконописания в России. Сейчас в школе обучается около 80-ти человек.

Существовавший в течение 20 лет кружок оставил в наследство школе материалы, без которых невозможно было бы начать обучение. Это конспекты и методички, разработанные матушкой Иулианией, таблечки (загрунтованные кусочки картона) и пособия, выполненные ее рукой, а также работы студентов. Надо отметить, что этими методиками школа пользуется и по сей день. Но за семь лет существования школа приобрела уже свои традиции, а каждое новое поколение учащихся эти традиции пополняет.

Перед приходящими учиться ставится задача, (насколько это возможно за четыре года) освоить технику древней иконы, понять принципы ее выразительности, постараться впитать в себя как можно больше традиций, связанных с древней иконописью. Обучение основано на копировании непосредственно с подлинников — и это очень важно. Общение с живой иконой для художника, независимо от того, копи-

рует ли он ее в точности или нет — самая благодатная почва для учебы. Лавра богаче других в этом отношении. Здесь "сами стены учат". Будущий иконописец имеет возможность молиться в Троицком соборе, где большинство икон является свидетельством иконописного гения преподобного Андрея. Академия имеет Археологический кабинет; в государственном Музее, находящемся на территории Лавры, замечательное собрание древних икон, в том числе монастырских; рядом — Москва со своими богатыми экспозициями, в соседнем Переславле-Залесском — небольшой, но очень хороший музей, которому мы тоже благодарны за гостеприимство. Но несмотря на все это, возможность работать с подлинником имеется не у всех и не всегда. Поэтому разрешается работа с книгами и копиями.

В древности обучение иконному делу происходило в мастерских, непосредственно за работой. Новичок помогал в изготовлении красок, затем ему доверяли писать второстепенные детали — горки, палатки, а с приобретением навыка — одежды и лики фигур. Следуя, по возможности, этой традиции, учащиеся первого курса выполняют на отдельных таблечках фрагменты с архитектурой и горками, затем приступают к одеждам. Программа второго курса начинается с техники личного (от слова "лик" — прим. ред.) письма и заканчивается написанием иконы святого, Божией Матери или Спасителя. На третьем курсе учащийся пишет икону праздничного чина. Диплом подразумевает самую сложную задачу: большой размер, сложную композицию или образец, который сильно утрачен. Часто это бывает совместная работа студентов-выпускников, как например, иконостас для семинарского храма преподобного Иоанна Лествичника или иконостас для Хотьковского монастыря, который был выполнен в течение нескольких лет (ежегодно группа дипломников писала один ряд для иконостаса).

Распятие. Студенческая работа

За короткий срок обучения студент должен пройти сложный и, на самом деле, долгий путь освоения техники иконного мастерства.

Содержание иконы определено святыми отцами, ее художественные формы создавались людьми, приобщенными к этой духовной святоотеческой традиции. Их труд был молитвенным под-

вигом, — иначе икона не была бы такой, какой мы ее видим. Начиная с XVII века аскетические традиции в иконописании постепенно ослабевают, из иконы уходят небесные краски и линии. Они постепенно вытесняются западными живописными формами и со временем картина занимает в церкви место иконы. Духовное возрождение XIX века хоть и

Св. пророк Илия. Студенческая работа

оставило прекрасные образцы церковной живописи (Валаамские иконы, иконы Дивеевского монастыря), но все же не смогло вернуть иконописным формам прежнюю духовную силу.

Возрождение древней иконы рождает и потребность особого отношения к самому процессу писания иконы, необходимость духовной жизни для иконописца. Задача эта необыкновенно высока, люди же остаются людьми. Но и среди нынешних студентов, и среди поколения наших учителей можно видеть людей с большим трепетом и благоговением приступающих к иконе.

Еще псалмопевец сказал: что добро или что красно, но еже жити братии вкупе, и, если можно так сказать, студенческая жизнь более всего красна общением. Студенту приходится с терпением относиться к немощам своих ближних. Но постоянное тесное общение со своими сверстниками и единомышленниками дарит и много полезного. В этой уникальной обстановке закладываются духовные основы будущих мастеров-иконописцев, и именно в тиши лаврских стен, где ребята живут, молятся и работают вместе, созданы все условия для развития и возрастания их профессионального мастерства.

Господь принимает и Сам освящает в чистоте сердца приносимые творения наших рук, пусть даже они несовершенны. Нам же, чтобы не получить осуждения за свой труд, нужно правильно к нему относиться. Монахиня Иулиания писала, обращаясь к своим ученикам и к будущим поколениям: "Начинающему заниматься иконописью необходимо, прежде всего, проникнуться благоговением к этому делу и признать его святым". Рассуждая о древней иконе, мы часто говорим о традиции, преемственности. Нам тоже нужно не забывать наших наставников, и тогда Господь благословит наши труды.

Анна Зданович, преподаватель Иконописной школы

Хочется пастырей видеть героями

Интервью с поэтессой Ниной Карташевой

3 марта в гости к студентам Академии приехала поэтесса Нина Карташева. Что-то не вполне обычное и отчасти загадочное было и в облике самой гостьи, одетой в бордовое бархатное платье, и в той атмосфере доверительного общения, в которой проходила встреча. Студенты, гораздо уютнее чувствующие себя на официальных мероприятиях, поначалу даже не знали, как реагировать на такую манеру творческого общения. Но контакт был быстро установлен, и в течение более, чем двух часов, и студенты, и преподаватели с неослабным вниманием слушали стихи, которые поразили многих и заставили как бы со стороны взглянуть на себя и по-иному увидеть тот мир, в котором мы живем.

Мы все были немало удивлены тем, что поэтесса начала печататься сравнительно недавно — всего семь лет назад, когда ей было уже за тридцать. Как-то невольно в голове возник образ древне-русского Ильи Муромца, который до 33 лет лежал на печи, а потом встал и начал сражаться за свой народ и свою веру. Многим может показаться, что Нина Карташева занялась не своим делом, начав ревностно призывать народ к покаянию и обличать лицемерие, ложь и порок. Но после чтения ее стихов остается впечатление, что все это она делает, следуя не своей только воле, а как бы даже против своего желания, руководствуясь неким Высшим законом и имея при этом только одно серьезное побуждение: успеть сказать людям правду.

*Нет, я люблю не битву, а уют,
Детей, наряды, музыку, природу...*

Вот, та чисто женская натура, которая часто проявляется в ее стихах и которой она не скрывает. Но вдруг происходит внезапное преображение, и перед нами предстает уже не немощная женщина, но величественная жена, вдохновляющая и благословляющая лучших мужей Отечества на битву с врагами:

*Как испокон я встала у икон,
Сняла кольцо, чтоб ты купил оружие.*

И даже в том, что жребий поэта-пророка достался сегодня не славному мужу, а слабой женщине, можно увидеть образ ослабленной, обессиленной России, для которой единственное спасение — Божия сила, совершающаяся в немощи.

И еще хотелось бы сказать о том, что поэзия Нины Карташевой не только сильна, но и по-своему уникальна. В ней сочетается глубокое чувство слова и неповторимость образов, присущие лучшим русским поэтам, а главное, в ее стихах всегда чувствуется и проявляется духовная основа, которая не позволяет поэтическому вдохновению ниспадать до приземленности.

Парадоксально, но факт — в России, исконно православной стране, где литература корнями своими уходит в духовную почву, до сих пор не было ни одного до конца православного поэта. Конечно, многие поэты видели перед собой духовные ориентиры, некоторые даже оставили нам шедевры духовной поэзии, но надо признать, что поэта, все творчество которого было бы полностью подчинено идее устремленности к Богу, у нас нет.

Но мы не будем здесь пока что заявлять, что такой поэт у нас уже появился. Более опытный критик будет готов, наверное, поставить перед Ниной Карташевой целый ряд вопросов и даже предъявить множество претензий. Но все-таки нельзя не отметить того отрадного факта, что у нас появился поэт, который воспринимает свой поэтический дар не как абсолютную ценность, а как талант который он должен приумножить и возвернуть Богу.

Остается сказать, что творческий вечер закончился под несмолкаемый шум аплодисментов, а присутствующий в зале архимандрит Венедикт, замещающий сейчас инспектора Академии, завершил встречу на высокой патетической ноте, обратив к поэтессе слова, сказанные некогда одним юношей для выражения чувства восхищения своей возлюбленной: "Она, как небо!"

Ниже мы публикуем интервью с Ниной Карташевой и небольшую подборку ее стихов, в которых наиболее ярко проявляются духовные мотивы ее творчества.

Дмитрий Моисеев: К сожалению, наша аудитория — студенты Семиварии и Академии — не очень хорошо знакомы с современными писателями и поэтами. Поэтому не могли бы Вы сначала сказать несколько слов о себе, вкратце охарактеризовать свое жизненное кредо?

Лина Карташева: Печататься я начала очень поздно. Пишу стихи всю жизнь — с шести лет, и действительно:

Моя поэзия — судьба, а не профессия,
Моя религия — Христос, — не чуждебие,
Мое отечество — Святая Русь Державная,
Все остальное — для меня не главное.

Вот эпитафия ко всей моей жизни и творчеству. Родилась я на Северном Урале в семье моих бабушек. Одна бабушка была дворянского рода, она из Харбина вернулась в начале 30-х с первыми репатриантами, попала в заключение, а потом на поселение в Верхотурье, а другая бабушка — крестьянка, раскулаченная. Та бабушка, которая дворянка, приняла постриг в миру. А город Верхотурье — один из старейших сибирских городов. Вы, наверное, слышали — есть такой святой, Симеон Верхотурский. А я родилась как раз в день Симеона Верхотурского — 31 декабря. Но, правда, уже тогда поселка спецпереселенцев не было — его называли просто поселок лесозавода "Пролетарий", но город очень старинный, там есть Свято-Николаевский монастырь — он сейчас действующий, а тогда в нем была детская трудовая колония. Я тогда училась в музыкальной школе — это Троицкий собор был...

Д.М.: Я слышал, это самый большой собор на всю Сибирь?

Н.К.: Да, на всю Сибирь. Великая княгиня Елизавета Феодоровна приходила туда молиться.

Я уже не помню, чтобы мы бедствовали — был папа, мамочка работала. Но когда мама умерла (мне шесть лет было), я попала на попечение к бабушке — к той, которая монахиня в миру, и несмотря на советское безбожное время, я не могу сказать, чтобы меня травили. — Нет. Как-то считали, что папа у девочки женился, она сиротка, мама умерла, а бабушка — пережиток прошлого. И потому я не была ни в пионерах, ни в комсомоле — слава Богу. Но тем не менее, бабушка меня в церкви прятала, на клирос всегда ставила, чтобы меня никто не увидел, и не сказали бы, что девочка такая большая, а ходит в церковь.

Бабушка дала мне музыкальное образование и просила, чтобы я замуж не выходила. Она говорила — ты будешь петь в церкви где-нибудь, ты будешь в миру жить.

Д.М.: Она хотела, чтобы Вы впоследствии поплы по ее стопам?

Н.К.: Да, она этого хотела. Может быть, у бабушки был такой грех — она была озлоблена на Советскую власть, это не озлобление даже — обида была. Ну, естественно — потерять все, очутиться где-то... И она говорила, что мир такой жестокий и что сейчас нет таких мужчин верующих. И действительно, я вышла замуж в 18 лет за мальчика некрещеного. Он старше меня на много, из хорошей семьи. Папа у них офицер, мама — из Харбина тоже. Но он все-таки, я считаю, совершил поступок — ведь он был секретарь комсомольской организации, член партии (мой будущий муж); но потом крестился, и мы обвенчались. Бабушка его любила все-таки.

Д.М.: Простите за нескромный вопрос, у Вас сейчас фамилия мужа?

Н.К.: Да, мужа. У меня девичья фамилия Оболенская — красивая фамилия. Я хотела ее оставить в литературе, но как-то мне сказали, что это нехорошо, что нужно с открытым забралом идти.

Д.М.: Теперь вопрос к Вам как к поэссе. По общему признанию, нынешнее время — это период упадка русской культуры, образования, искусства — в целом всего. Как бы Вы в связи с этим могли охарактеризовать состояние русской поэзии? Какие проблемы и темы являются для нее определяющими?

Н.К.: Вы знаете, когда впервые была опубликована подборка моих стихотворений в журнале "Наш современник" — это был конец 80-х годов, тогда еще слово "Бог" писали с маленькой буквы. Но литература — это часть нашей культуры, а ведь вся культура вышла из культа. Это не я сказала, это сказали умные люди, мужчины — это я у о.Павла Флоренского читала. Но наш культ — он православный, правда? И культура — она блудная дочь в том смысле, что она возмечала грех. Так вот если мы теперь будем потихонечку возвращаться в лоно культа православного — так это хорошо. Меня пугает другое — сейчас стали как-то без благоговения и все упоминать Имя Божие. Я сейчас стала очень редко публиковаться. Не только потому, что меня не хотят публиковать, а потому, что я опасаюсь — что-то слишком уж все говорят о Боге. Я на Рождество очень много выступала в воскресных школах. Вы знаете, что меня пугает? — Бывшие пионервожатые, которые носили пионерские галстуки, — добросовестные, хорошие женщины, не спорю. Но теперь они вдруг так сразу перевернулись, стали верующими. Они одели платочки. И в этом есть какое-то ханжество, что-то фальшивое. Не дай Бог, если из детей сделают будущих Ракитиных. Помните, как у Достоевского? — Это же ужасно. Не дай Господи. Вера-то — вся в сердце, а дети — они так чувствительны. У меня своих деток

нет, Господь не дал — видимо, не было благословения бабушкиного, поэтому вот так случилось, но у меня очень много крестников, которых я очень люблю, и когда я прихожу с ними в храм — причащаюсь мы (особенно маленькие — до семи лет, до семи лет все дети — ангелы) — как они чувствуют благодать! И вот если этих детей, этих ангелов, вдруг заставляют читать “Отче наш” так, как прежде читали: “Бежит матрос, бежит солдат...” — это ужасно. Нам негде взять других учительниц — я понимаю. У батюшек на все времена не хватает, но, мне кажется, ведь не в количестве дело, а в качестве. Пусть лучше немножко, а эти — осолот других. Вот, мне думается так.

Мы сейчас слышим церковное пение,* мы видим на фресках ангелов поющих, они поют склоненно, смиренно, правда? А если мы возьмем итальянское искусство, то там поют диафрагмой — то есть полной грудью — и тогда уже не поклонись. Так и здесь, словом, во всем так. Нельзя гордиться. Нельзя что-то вбивать — ни народу, ни детям. Народ-то у нас хороший — вы посмотрите, ведь как в храмы-то идут!

Д.М.: Но, возвращаясь к литературе, как Вы считаете, есть ли у нас какой-то потенциал для ее возрождения именно на духовных началах?

Н.К.: Ну, я, конечно, Крушина назову. Я с ним общалась и вижу, что это человек верующий. Но многие исповедуют Бога только устами, у меня даже это есть в стихах:

Как же? Устами о Боге глаголете,
А помолиться Ему — не изволите...
Бедному, ближнему вы не поможете,
Душу за Родину вы не положите...

Вот это ужасно.

Д.М.: И в связи с этим еще один вопрос. Как Вы считаете, кого действительно можно назвать великим русским поэтом? — Я имею в виду не конкретного человека, а те качества, которыми должен обладать поэт, претендующий на роль национального гения? Поясню свою мысль. Недавно скончался поэт Иосиф Бродский. Я, может быть, ничего относительно него не имею против...

Н.К.: А я имею!... — Это человек чуждой культуры.

Д.М.: ...но все пишут: “Скончался великий русский поэт...” И все-таки, как Вы считаете, русский поэт это кто?

Н.К.: Ну, конечно, в первую очередь, я назову Пушкина. Хотя Пушкин юный и Пушкин “Бориса Годунова” — это же разные люди. Все-таки он закончил жизнь православным человеком, христианином, и в нем соблазн уже ушел. Если бы немного пожил он, правда? А Гавриил Державин? Ода “Бог” — это же Господь ему ее подал.

Д.М.: Но я имею в виду не конкретного человека, а те качества, которыми должен обладать русский поэт.

Н.К.: Конечно, православный! Конечно, прежде всего это человек, исповедующий не устами, а сердцем Бога. Я, сначала, себя укоряла, что не ушла в монашки, что бабушкино благословение нарушила, а потом подумала — ведь я же православная и в миру! Можно же оставаться такой же и в поэзии. Псалтирь это что? — Поэзия! Ведь правда? Была же преподобная Кассия, мы ее стихирю поем на Рождество. Поэтесса! — Так и здесь так же, если у нас в сердце Бог, если мы православные. А у нас все-таки в вере самое главное, я считаю, таинство и связанный с ним обряд. И я не могу теперь как-то доверять людям, которые не причащаются. Говорить сколько угодно можно. Это все равно, что рассуждать о хлебе — как он растет, из каких зернышек, а хлеб не вкушать — так мы засохнем и умрем, если у нас не будет пищи.

Д.М.: Еще один вопрос. Попытайтесь его правильно понять, потому что я, может быть, не очень правильно его сформулировал. Известно, что многие поэты сравнивали свое творчество с пророческим служением — в первую очередь Пушкин, Лермонтов. И многие склонны считать их действительно пророками, то есть не в аллегорическом, а в прямом смысле этого слова. В сознании многих национальные гении, поэты — и есть пророки, говорящие людям от лица Божия. В то же время мы знаем, что приобщение к благодати Божией вне Церкви невозможно. Как в связи с этим можно определить характер служения поэта людям?

Н.К.: Лермонтову же уже в 15 лет открылось:

Настанет год, России черный год,
Когда царя корона упадет...

А мальчик он был сложный, мальчик со страстями. Вот, кто ему это вложил? — Я не могу сказать. Вообще у него было духоведение и духовидение необыкновенное:

Выхожу один я на дорогу,
Сквозь туман кремнистый путь блестит...

А то, что, “спит земля в сияньи голубом” потом уже космонавты сказали, что он как будто поднялся туда и видел оттуда. Вообще, в творчестве есть какое-то таинство. Только я себя не считаю никакой пророчицей, ни великой... Знаете, все мои лучшие стихи написаны после причастия, а “грешные” — когда я в суету погружаюсь. У меня есть “грешные” стихи. В первой книжке я старалась их не давать, во второй как-то не удержалась, — думаю — все равно, пусть на чужих грехах учатся. Я грех не воспеваю, но где-то все-таки появляется что-то мутное. А самое чистое — после Причастия, и поэт сам не должен брать на себя ничего. Ну, какие мы пророки? — Как Господь благословит. Мы немощные сосуды, нечистые... Если Господь что-то и подает — это по нашему недостоинству. Может быть, если я что-то сказала удачно то, это по молитвам моей бабушки.

Д.М.: Но все-таки поэтический дар сродни пророческому служению?

Н.К.: Ну, конечно, сродни, потому что тайна творчества существует. Даже мне, грешной, было дано. Я двенадцатилетней девочкой написала стихи вроде бы ни о чем — я этого не пережила. Двенадцать лет прошло — они сбьлись полностью. Что это было — я не знаю. Некоторых стихов я сама не понимаю. Вот, например, говорят: Нина Карташева — это такая мужественная поэтесса, вот, она обличает кого-то... Да я не мужественная, я очень слабая женщина... Если я что-то говорю — так это от слабости. Когда больно — ведь поневоле кричишь. Так я, значит, визжу, наверно, больше всех, поэтому меня слышно...

Д.М.: Гоголь говорил о том, что истинным источником вдохновения для русского писателя должны служить Слово Божие, народное предание — в широком смысле, то есть язык, фольклор, и слово церковных пастырей. В связи с этим вопрос — в чем Вы имеете источник своего вдохновения?

Н.К.: У меня часто бывают и житийские, и творческие вопросы. Я стою за Литургией, жду, и вдруг батюшка на проповеди говорит то, о чем я бы хотела спросить, чтобы получить ответ. — Я получаю ответ. Он как бы духом только для меня и говорит. Понимаете? Вот такое бывает.

Д.М.: В этом Вы с Гоголем согласны?

Н.К.: Согласна — абсолютно согласна. Конечно. — Тем более если мы не собираемся воспевать грех. Мы часто приходим в церковь грешные, такие недостойные, но Господь как-то снисходит к нам, мы от Него получаем силу. А другие люди

* Беседа проходила в Церковно-Археологическом кабинете как раз в то время, когда за стеной, в малом актовом зале, проводилась спевка хора.

** Нина Карташева имеет здесь в виду сборники своих стихотворений “Чистый образ” (М., 1992) и “Имперские розы” (М., 1996) — прим. ред.

— они не идут в храм, и благодать им Господь не может дать, не дает, и они тогда от нас что-то тянут — в этом демонское есть что-то, страшное — я таких боюсь. И в творчестве это бывает тоже. Особенно прозаики злоупотребляют этим. У них какая-то бывает так называемая исповедальная проза, и всю эту грязь они выливают, выливают — это что-то ужасное! И в творчестве есть и Господня благодать, и магия какая-то.

Д.М.: ?

Н.К.: Да, конечно, конечно. Некоторых я не могу читать — у меня дух противится, а если буду читать — я поневоле вхожу в бесообщение. Я помню, мне очень хотелось почитать “Розу мира” Даниила Андреева. И мне говорят — Нина, это такая православная вещь, читай, читай, он хороший, он верующий... Я стала читать — у меня противится дух. Почему? — Не пойму. Батюшка потом сказал — закрыть и даже не нужно ее открывать, потому что я слабая, и поневоле вот в это бесообщение, видимо, я входила. Пусть я лучше меньше напишу — правда? Пусть я лучше вообще ничего не напишу, но бесов не надо!

Д.М.: Известно, что духовная поэзия — это не просто стихи, где говорится о Боге. Как бы Вы в связи с этим определили, что такое духовная поэзия?

Н.К.: Вот, сейчас все говорят: духовность, духовность! Вы понимаете, у православного человека, у него, по-моему, и стихи про любовь — они все равно православные, все равно там Дух Божий присутствует. Разные ситуации бывают в жизни, можно пасть, как Анна Каренина, помните? — Толстой воспекает это. А вот теперь я читаю этот роман совсем по-другому и думаю, а ведь Каренин-то хороший был! И все-таки можно же было ей устоять. Вот мои стихи — об этом, в них уже переживание православного сердца, потому что только Православие дает силы на борьбу со страстями, которые захватывают душу. Вот слушайте:

Я отвергла. Но не потому, что ты хуже.
Ты лучше. Не приходи до пределов печали.
Я отвергла не ради себя или мужа —
Крыльев нет золотых у меня за плечами.
Утешься и радуйся! Жгущее пламя угаснет,
Будет свет, что и светит, и греет, и лобит,
Будет совесть чиста, будет чувство — прекрасней,
Выше счастья Господь — и в тебе тоже будет,
Он напишет на сердце любовь и премудрость совета
Не тебя я отвергла — огонь. Ради света.

То есть, понимаете, и в миру все равно мы остаемся с Богом, а если с Богом — Бог не позволит пасть нам. А если мы падём, так Он нас поднимет.

Д.М.: Следующий вопрос вот какой: поэтический талант — это особый дар Божий человеку, но каждый поэт — это еще и член общества, сын своего народа. Как Вы относитесь к идее социального заказа поэзии? И в какой степени Валли убеждены как русского человека, как патриотки, влияют на Вашу поэзию?

Н.К.: Талант никого не может обслуживать. Если я люблю Родину, то это дано мне — понимаете? Как бабушка моя говорила: “Усадьбы сгорели, но почва осталась...” И она от комфорта приехала сюда в Россию и попала в заключение, и я, наверное, так же. Недавно я была в Петербурге, там родни у меня много. У меня так-то не осталось никого — ни папы, ни мамы, ни бабушки, а брат — намного старше, и вот уже племянники. И я гляжу на своих племянников — ничего хорошего они мне не сделали, я с ними часто ссорюсь, и вроде бы мы такие разные. Но я их люблю! Вот — это дано, так и любовь к Родине. И как можно писать по заказу? Мне наша знаменитая певица Татьяна Петрова сказала: напиши мне стихи — я буду петь. Но напиши, чтобы то-то и то-то было. Понимаете? — Я не написала — не могу. Дело в том, что я еще пишу стихи — может быть, я не настоящая поэтесса, не настоя-

щий вообще поэт — пишу стихи сразу, без черновика. Я не могу, как Пушкин, мне это не дано, я слишком маленькая и слабая. Но зато пишу — это вот как будто что-то слыше, у меня опять же об этом стихи есть:

Какой-то жаркий миг, подобный вдохновению.
Нет имени ему. Уже в небытии
Распахнут звездный мир по Божьему велению,
Желание и страх — переступить, войти.
Свет движится живой с сознанием и силой
И дисков золотых дрожит и тает звон.
Зов близится, растет, и кто-то легкокрылый
Сам подойдет ко мне и примет мой поклон.
Я подниму глаза — а он увидит: рано
Еще мой взор смущен, венцов нет на челе,
И разом я очнусь — и вдруг трава, поляна
И я иду домой по будничной земле.

То есть это один миг, его переживаешь — но это готовое стихотворение. Вот — оно получилось. А сейчас, что меня немножко пугает, — о Боге пишут все. Недавно я прочла в журнале “Держава”:

Христос по небу проходил
И всех благословил...
Христос по небу проходил
И ничего не говорил...

Простите? — И сел чай пить? Ну, можно ли так? — Это кошунство, это страшно. И у меня таких стихов-откровений мало. И они все были мне даны в страшные случаи жизни, и я даже не хочу их повторения.

Д.М.: Теперь к Вам вопрос не только как к поэтессе. Мы знаем, что Вы активный член многих патриотических движений, обществ...

Н.К.: Нет. Политика — не женского ума дело. Вот, правда — не женского ума дело, иначе бы я столько ошибок надела! Я не принадлежу ни к каким политическим объединениям. Но там, где русские люди — я всегда буду читать и выступать. Всегда! И там, где можно сказать слово за родину, за русский народ... Посмотрите — когда я росла, была Церковь гонимая, но гонителей я не так боюсь, как растлителей, то есть я не за себя боюсь, а боюсь за маленьких, за молодых, правильно? — Ведь это же страшнее! Страшнее растлители, чем гонители! Сейчас закон такой гадкий принимается “О репродуктивных правах граждан” — так завуалированно называется, он узаконивает разврат и всякую гадость! Ну, почему молчим-то мы? И женщин это не оскорбляет — молчат! “Женщины России” наоборот за него голосуют.

Некому сейчас за русский народ заступиться. Вспоминаю владыку Иоанна Петербургского. Какой он добрый был! Каждому человеку уделял время. Конечно, владыкам сейчас трудно. Но в каких-то случаях, по-моему, возвысится-то голос можно против этого разврата и растления.

Д.М.: И все-таки как Вы оцениваете состояние наших патриотических сил?

Н.К.: А без Бога не до порога — говорю я им. Тем более сплошные амбиции — они ни к чему не приведут. Бога, опять же, исповедуют не устами, а нужно ходить в церковь, причащаться.

Д.М.: То есть пока что эти движения не могут составить какую-то реальную силу?

Н.К.: У нас силы все разобщены. Столько партий, движений — каждый за себя, а объединиться не можем, а объединить нас может только Церковь, только Церковь и Православие. И только тогда уже можно говорить о монархе... Владыка Иоанн покойный говорил, что мистический круг Романовых замкнулся: Михаил — Михаил. Ипатьевский монастырь —

Ипатьевский дом. А из народа — может быть, нужно, чтобы старцы подготовили?

Д.М.: Вы считаете, что монархическая идея для России осталась в прошлом или существует как некая несбыточная мечта?

Н.К.: Нет, почему же? Ведь старцы же говорили, что будет царь самодержавный, помазанник Божий. Мы же не имеем права не верить старцам. Монархия — это же Божия власть: Царь на небе — царь на земле. А политики — ведь это же временщики все-таки, правда? Или будет наследный монарх, или кто-то на час? Ну, это все сложно опять же... Но в наше время я не вижу — не вижу, даже лидера не вижу. Людей-то много хороших, и все мы рады помогать, жизнь отдать рады, а объединительной идеи такой еще нет, и нет такого лидера...

Д.М.: Который бы имел такую благодать сплотить вокруг себя людей.

Н.К.: Именно благодать. А что еще может сплотить людей? — Коммунистическая партия?

Д.М.: К нам приезжает Геннадий Зюганов.

Н.К.: Ну, вот, хорошо, слава Богу. — А слово "коммунист" у бабушки было ругательным все-таки. И нельзя строить на песке-то, правда? А сейчас еще неоязычество появилось. Ко мне подходят тоже наши патриоты, такие чистые глаза, русские лица, и говорят: Нина! Да ты что? Какой-то Христос? — Он же еврей! Как ты можешь? — Вот так! Или я выступала в Екатеринбурге — бывшем Свердловске — и там один товарищ — именно товарищ, он тоже так чисто на меня смотрит и говорит: Я твои стихи слушаю — вроде ты девка умная, и стихи хорошие. А что ты все Бог да Бог? — Вот вам пример. Тоже хороший русский человек. Понимаете? То есть народ еще духовно слишком слаб, и поэтому сейчас священник — это герой нашего времени. Правда. Все на вас. Другого-то нет у нас ничего. — Только Церковь и священнослужители.

Мне очень много писем пишут читатели, и некоторые обижаются на священников... Архиепископ Иоанн Сан-Францисский сказал однажды, что русский народ трижды прополоскан в щелочных растворах атеизма. — Это действительно так. А вот душа-то осталась православной — как бы она ни была прополоскана, тянется человек, приходит в храм Божий. Как-то раз — я на радио выступала — мне там одна женщина говорит: да я больше никогда не пойду в ваши храмы! Потому что ваш священник прошел мимо — говорить со мной не захотел! Ему некогда было — сел в иномарку и уехал. А какой-то там адвентист с ней беседовал полтора часа. Ну, правда, батюшка, может быть, и не виноват, потому что нас много — он один. Поэтому, конечно, нужно создавать братства, сестричества — на приходах, чтобы опять-же освящать других духом Божиим.

Д.М.: И в заключение, хотя мы уже услышали в свой адрес от Вас теплые слова, не могли бы Вы что-то пожелать нашему журналу и в целом нашим студентам, нашим братьям?

Н.К.: Вы знаете, когда-то я сюда приезжала каждую неделю, когда мы с мужем были помоложе. И когда я подъезжала к Лавре — я вот как домой вернулась, как будто я где-то в отпуске была, где-то там ездила по заграницам, может быть... А вот сюда — как домой вернулась. Нужно, чтобы больше русских здесь училось. Может быть, инородцы тоже должны быть — пропорционально, но больше русских — вы наш генфонд. Ну, и, может быть, не бояться пастырю душу положить за овец своих, правда? — Потому что уж как-то очень осторожны священники, слишком осторожны. Ну, понятно — в советское время, а сейчас, мне кажется, мы живем уже на краю времен. Я не знаю, может быть, я ошибаюсь — не мне пророчествовать об этом. Но вы же видите — нивы побелели, как сказано в Евангелии, и мы видим — мир подкатывается на конец времен. И поэтому — ну, что беречь душу — не душу, а жизнь? Жизнь-то — вечная. Мы живем, чтобы вырастить душу здесь, а туда — уж какими придем — такими придем. И хочется, конечно, пастырей видеть героями.

Вдохновение

Не труд, а только наслажденье,
Любовь и нежность ко всему —
Вот что такое вдохновенье,
И все ответствует ему!

Смотри, вот желтый лист кленовый,
Как зарисованный огонь,
И запах осени садовый
Течет с него мне на ладонь.

Послушай, ветер в соснах дышит,
Коснись рукой вечерних трав —
Как будто гладкой гладью вышит
Их легкий шелковый рукав,

Все разделенно, все взаимно,
Все! Даже гнев или тоска,
Все просит плача или гимна,
Когда душа в нас высока.

Лишь середина, заурядность
Не знает в духе торжества,
Так безответна теплохладность.
Ни то, ни се. Без Божества.

Нездешний мир свой лик на миг покажет.
Сей мир во зле. И смертен от грехов.
Мы все живем, чтоб умереть однажды.
Земля — могила братская веков.
Стареют, умирают даже камни.
Бесчисленной песка наш род людской.
В забвенье все мы, как песчинки, канем,
Сама земля ждет участи такой.
Бессмысленность, бесчисленность рождений.
Зачем?! Ведь лучше грешный мир не стал,
Ведь мы не лучше прежних поколений,
Пожалуй, хуже. Век наш измелечал.
Перед бедой, перед нуждой и болью...
В чем смысл страданий? Замысел Творца?
Вопросы посыпают раны солью,
Чтоб с облегченьем ждали мы конца.
И если б не обещанная Вечность,
Где наше время числят не спеша —
Откуда б силы были ставить свечи,
Страдать, но жить, чтоб выросла душа?

Нет! Не могу отречься и предать
Вот этот мир, пусть тленный, но прекрасный,
Поверженный во зло и тем несчастный,
Но все-таки способный снова встать.
Дано любить улыбки и цветы,
Весенний гром, пречистый воздух зимний
Любовью самой чистой и взаимной!
Дано живое чувство красоты.
И если правит бал противобог —

Не здешний мир, а разум твой греховен,
И перед Богом ты за то виновен,
Что защитить прекрасное не смог.
Не удайся вне себя в себя —
Тот мир без этого тебя не примет.
Спаси его ценой добра, любя,
И освяти молитвами своими.
Не говори, что жизнь не стоит свеч,
Что человек и слаб, и обездолен.
Бесчестно красотою пренебречь
За то, что оскорбить ее позволил.

Побежденные

Чаша жизни исполнена желчью,
не медом и млеком,
И испита давно. И о чем мы рыдаем
и плачем?
Утомленные солнцем, унесенные ветром,
побежденные веком!
Слишком мало мы верим, поэтому мало
и значим.
И к кому этот вопль на краю
польхающей бездны?
Мы отвергли любовь, и Господь нас,
предавших, не знает.
Мы давно безнадежны
и столь же равно бесполезны.
Пустота в наших душах
заблудших зияет.
Не умеем любить.
Ненавидеть и то разучились.
Измельчали для подвига,
Духа дары растеряли.
Как мы смеем надеяться, злые,
на Божию милость?
Мы не Русью Святою,
мы даже Россией не стали.

Мы поминаем кроткого Царя
Под новым игом небывалым.
С Ипатьева монастыря
Ипатьевским предательским подвалом
Романовых замкнулся тайный круг,
И нет таких позорных страшных мук,
Каких бы Русь еще не испытала.
Романовых замкнулся тайный круг,
Но будет Царь по чину иерея,
Мы сомневаться права не имеем
В надежности благословивших рук.
За веру шли на смерть и в лагеря
Те, кто не принял начертанья Зверя,
Мы не имеем права на неверье —
Мы поминаем кроткого Царя.

Российской Церкви

Всеночной службой звездный хор гремел.
В одеждах снежных вся земля сияла.
В ладонях Ангел душу мне согрел,
Чтоб записать могла, чему внимала:

РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ. Знаю скорбь твою.
Не отреклась и сохранила слово —

И дверь перед тобой не затворю,
Храни венцы от помысла худого.

Не бойся ныне все сказать врагу,
К тебе придут во время искушенья.
Тебя во славу Бога сберегу —
Ты совершила подвиг искушенья.

На место, где взорвали светлый храм,
Грядет с небес Храм Нерукотворенный.
Ты столп и утвержденье веры там —
Пребудь покорной, но не покоренной.

*Я тяжело говорю и косноязычен. Господь же сказал
Моисею: Я буду при устах твоих. (Исх. 4,10)*

В столпе неопалимого огня
Стою! Но лучше все слова сожгла бы —
Зачем, Господь, Ты требуешь меня,
Слабейшую из женщин самых слабых?

Зачем Ты посылаешь в этот мир
Меня с Твоим непринятым глаголом?
Тяжел мне Твой исполненный Потир,
Внимают нынче легким и веселым.

И как войду и как я им скажу,
Когда великих самых побивали?
И как я им Тебя в сердца вложу,
Когда они других богов избрали?

Безумной назовут и осмеют,
В чужих вероучениях задавят.
Ведь суд людской, увы, не Божий суд.
В нем правды нет, в нем страсти мира правят.

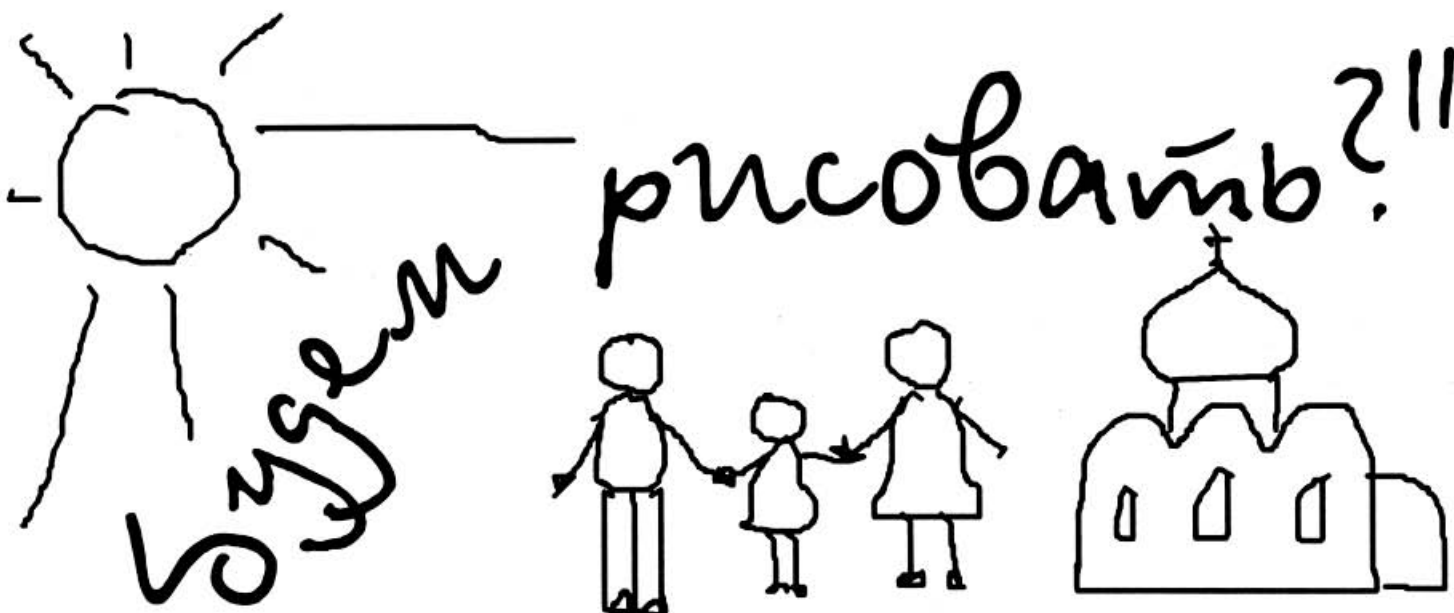
Но воля Божья — не моя на то.
Стою в столпе огня неопалимо.
У Бога не забыт из нас никто,
Любая жизнь у Господа любима.

И я, любя людей, провозвещу,
Как велено, как есть и как сумею:
Пусть вам не светит Бог, но всё же греет.
Бог есть! Убейте. Смейтесь. Я прощу.

Соборный колокол последний бой пробил!
Разоблачен народу мерзкий идол.
Святую Русь Господь так возлюбил —
И так же сатана возненавидел.

Тысячелетний стяг святых побед —
Родное небо с вещим Божьим взглядом.
Над Полем Куликовым нынче свет,
Над Полем Бородинским, Сталинградом!

Каких еще нам надобно чудес?
Каких великих мук не испытали?
Из пепла свято-русскими восстали:
Христос Воскрес! — Воистину Воскрес!

Опыт преподавания Закона Божия в начальной школе

Многим из нас придется когда-нибудь переступить порог школы для того, чтобы донести слово о Христе детям. Но нелегко войти в класс, где на тебя смотрят ребяташки, которым 6-7 лет, которые не привыкли к тому, чтобы сидеть на одном месте более пяти минут. Дети — это особый мир, где разговаривают на совершенно другом языке. В этой статье я хотел бы поделиться своим небольшим опытом, приобретенным в поисках общего языка с детьми в Лицее Искусств в городе Талдоме Московской области.

Мой знакомый, имевший опыт преподавания в одной из московских школ, советовал мне проводить уроки Закона Божия только в 6-8 классах. Это тот самый возраст, когда дети уже достаточно взрослые, чтобы с ними серьезно говорить, не подстраиваясь под детскую психологию, а, с другой стороны, они еще не настолько большие, чтобы слишком проявлять свою независимость от взрослых. Другой его совет состоял в том, чтобы ни в коем случае не делать уроки обязательными для всех: пусть Закон Божий будет факультативом, а не уроком, поставленным в сетку расписания занятий. Иначе далеко не все захотят слушать уроки о вере в Бога. И потому часть времени просто пустую будет тратиться на то, чтобы привлечь внимание скучающих и успокоить неугомонных. Более того, как я сам потом убедился, два-три человека, которые не хотят слушать, могут "завести" весь класс и тогда придется свести весь урок к непрерывной борьбе с болтовней и шумом в классе.

Но, увы, советы моего знакомого не пригодились мне. Уроки были внесены в сетку расписания занятий, а самый старший класс в Лицее пока только пятый.

Первый вопрос, который встал передо мной и встанет обязательно перед каждым преподавателем, — это вопрос о форме урока, о тех средствах, которыми можно нести слово о Боге. Каждый семинарист знает достаточно много, чтобы не бояться,

что ему нечего будет сказать детям. Даже если немного подготовиться, можно выбрать материал, доступный детям. Но как донести этот материал самым младшим классам? Как раз этого и не преподают в Семинарии, поэтому во многих вещах самому приходится быть "первооткрывателем", хотя почти каждое такое открытие является очередным изобретением велосипеда.

Первый же урок, который я провел в Лицее, показал всю мою неопытность и неподготовленность к таким занятиям. Например, я не рассчитал времени самого первого своего урока и завершил изложение материала за 15 минут до звонка. Я не знал, что делать, и с трудом довел этот урок до конца. Эту ошибку исправить было еще легко. Но тотчас выяснилось, что эта проблема — не единственная и далеко не самая главная, что есть и другие, которые решить было уже сложнее. В классе может сидеть несколько "бандитов", которые своим поведением первыми начинают сигнализировать о том, что время терпеливого внимания к словам учителя кончается и для них наступает время заняться чем-то более интересным.

Действительно, что делать, если дети уже не могут просто сидеть и слушать? Интереснее рассказывать? Но они просто устали слушать. Устроить для них разминку? Но это опасно: если ты работаешь с классом недавно и только раз в неделю, то у тебя нет сил и опыта быстро его потом успокоить. Конечно, можно пред-

"А сейчас мы

ложить вести уроки в более игровой форме, но для этого, во-первых, надо иметь преподавательский талант, который и среди профессиональных учителей большая редкость, а, во-вторых, надо иметь большой опыт общения с детьми.

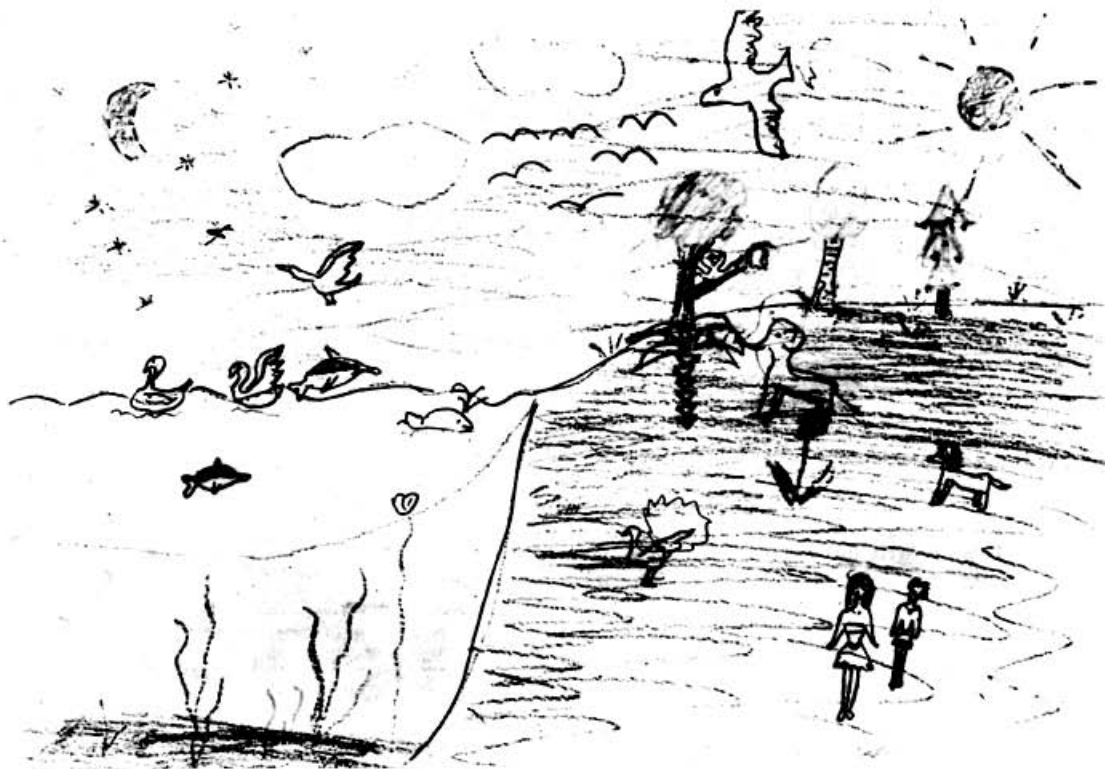
Другая сторона: ясно, что дети не могут вместить в себя большое количество информации, что нельзя постоянно вкладывать в них только знания. В первом классе необходимо рассказать детям не так уж и много. Например, один урок должен быть посвящен творению мира. Нетрудно рассказать старшеклассникам о творении, в течение всего урока касаясь разных сторон библейского повествования. Но перво-

классникам всего этого не расскажешь: они ничего не поймут, если им давать толкование Библии. Попытка восхищенно и многословно рассказывать о том, как прекрасен этот мир и насколько он мудро устроен, получится удачной далеко не у каждого. Но даже если и получится, то не будет ли слишком отвлеченной и, потому, скучной для детей? Священник, который преподавал в Лицее до меня, говорил, что ему было тяжело с детьми, потому что он не знал, о чем с ними можно и нужно говорить. "Да легче пять уроков в старших классах провести, чем один в первом", — так он рассказывал о своих опытах.

Проблема разрешилась, когда на расспросы своих друзей об их опыте преподавания я услышал рассказ об одном преподавателе Закона Божия в 1-ом классе православной гимназии города Москвы. Этот преподаватель рисовал на доске все, о чем рассказывал, а дети рисовали вместе с учителем, беря за основу его рисунок. Дети не только слышали рассказ, но сразу же и видели его на рисунке учителя и, более того, они сами пытались нарисовать, то есть по-своему пережить историю.

Таким образом, после первых неудачных уроков в Лицее я понял, что необходимо менять метод преподавания, и решил перенять у преподавателя московской гимназии этот способ обучения детей.

Вначале я решил для себя, что в 1-2 классах буду преподавать рисуя, а в 3-5 классах — просто рассказывая и записывая самое важное в тетради, как и делал священник, преподававший до меня. Старшие классы (т. е. 3-5 кл.) все еще представлялись мне более серьезными и взрослыми для того, чтобы просто рисовать с ними, как с маленькими, весь урок. Но когда я на пятом или шестом уроке попытался сделать рисунок на доске, без всякого умысла, просто для наглядности, то эффект был для меня неожиданным —

Творение мира (рисунок ученика 1 класса)

все дружно взялись за карандаши и стали рисовать. Как оказалось, действительно, абсолютно все дети любят рисовать. С тех пор, как я сделал для себя это открытие, все уроки во всех классах стали проходить с рисованием. Иначе уроки и не смогли бы проходить, ибо почти каждый из них начинался вопросом: "А сегодня мы будем рисовать?"

Вскоре я понял, что главное преимущество такого способа преподавания заключается в том, что рисунок может помочь не столько привлечь внимание ребенка к своему рассказу, сколько по-настоящему может научить его работать на уроке. Можно потратить огромное количество сил, чтобы привлечь внимание ребенка, придумывать всякие ухищрения или, наоборот, действовать наказаниями, но ребенок несмотря на все это может остаться простым, безучастным наблюдателем. Но если вы видите, что даже самый отъявленный озорник вдруг начинает с увлечением рисовать, и громко на весь класс обиженно жаловаться, что он не успевает за вами, то значит, он начал работать.

Попробую теперь кратко описать то, как я строил первые уроки в 1-м и 2-м классах.

К каждому уроку, особенно к первым, пришлось хорошо подготовиться, продумав все, что должно быть сказано или нарисовано. Я пробовал сделать для себя зарисовки на бумаге в поиске композиции рисунка, пробовал нарисовать ту или иную фигуру человека, животного или изобразить здание. Это было даже интересно, поскольку при этом, конечно, приходилось проявлять фантазию, чтобы придумать яркий запоминающийся образ или деталь, посредством которых можно было бы потом сослаться на них для того, чтобы воссоздавать в памяти ребенка всю картину. Ниже я попробую конкретнее пояснить, что имеется здесь в виду.

Урок 1-й. Творение мира.

Цель урока была одна — показать, как премудро Господь творил мир, как постепенно появляется жизнь, как Господь заранее приготавливает все необходимое для того, чтобы сотворенные животные, рыбы, птицы имели все для своего существования. Конечно, необходимо показать, что весь мир творится для того, чтобы появился человек.

Сначала дети закрыли глаза, чтобы увидеть то, каким мир был сразу после творения — безвидным и пустым. Конечно, были попытки увидеть что-то в этой пустоте, но они были вовремя пресечены. Творение света можно представить, открыв глаза, перед которыми лежит пока еще чистый лист бумаги.

Чем проще будет схема творения, тем лучше для детей. Поэтому, иллюстрируя второй день, дети просто нарисовали на белом листе появление моря и суши. Нужно было заранее продумать композицию рисунка, чтобы было место и для растений, и для животных, и для рыб, и для птиц. Я старался, чтобы мой рисунок всегда немного предварял рассказ, чтобы дети начинали рисовать, уже имея перед глазами некий образец. Детям было обидно, если они не оставили для чего-то места. И это было уже моей ошибкой.

В третий день появляются растения. Вот тут-то и открылся простор для фантазии как учителя, так и ребенка. Какие растения будут нарисованы в воде? какие на суше? — Достаточно было спросить об этом у детей и попытаться зарисовать хоть малую часть всего названного. На доске было нарисовано совсем немного: елка, береза, дуб, несколько цветков; а на своем листе каждый мог дорисовать свои любимые растения. На первом месте была, конечно же, пальма с бананами.

Эта тема дала возможность закончить рассказ о творении точно к концу урока. Стоило лишь следить за часами и

в соответствии с тем, сколько времени оставалось, либо останавливаться подробнее на каком-то этапе, либо, напротив, бегом проходить его. Рисунок всегда позволяет это делать.

Своей целью я ставил, конечно же, не просто рисовать мир в том порядке, как это описано в Библии, но прежде всего объяснять детям, для чего необходимо появление того или иного растения. Например, шишки на елке были нарисованы для того, чтобы потом их могла есть белочка и т.д.

Четвертый день — день появления Солнца, Луны и звезд. Рисование событий этого дня не заняло много времени.

Пятый день — появление пресмыкающихся, рыб и птиц. Тут опять простор для фантазии. Для детей было огромным удовольствием рисовать кита, пускающего фонтан; дельфина, выпрыгивающего из воды; крокодила, плавающего в реке; чаек, летающих над морем и т.д. Все эти рисунки мне подсказывали дети, а то, что было намечено для рисования мной, так и не пригодилось.

Шестой день — появление животных и человека. Рисую животных, я старался не забывать объяснять детям назначение животных, особенно домашних. Прежде чем рисовать человека, необходимо было остановиться на том, что весь мир был сотворен для человека, который сможет воздать хвалу Богу за творение его самого и творение всего мира, ибо ни животные, ни растения не имеют уст, чтобы воспеть Богу благодарственную песнь.

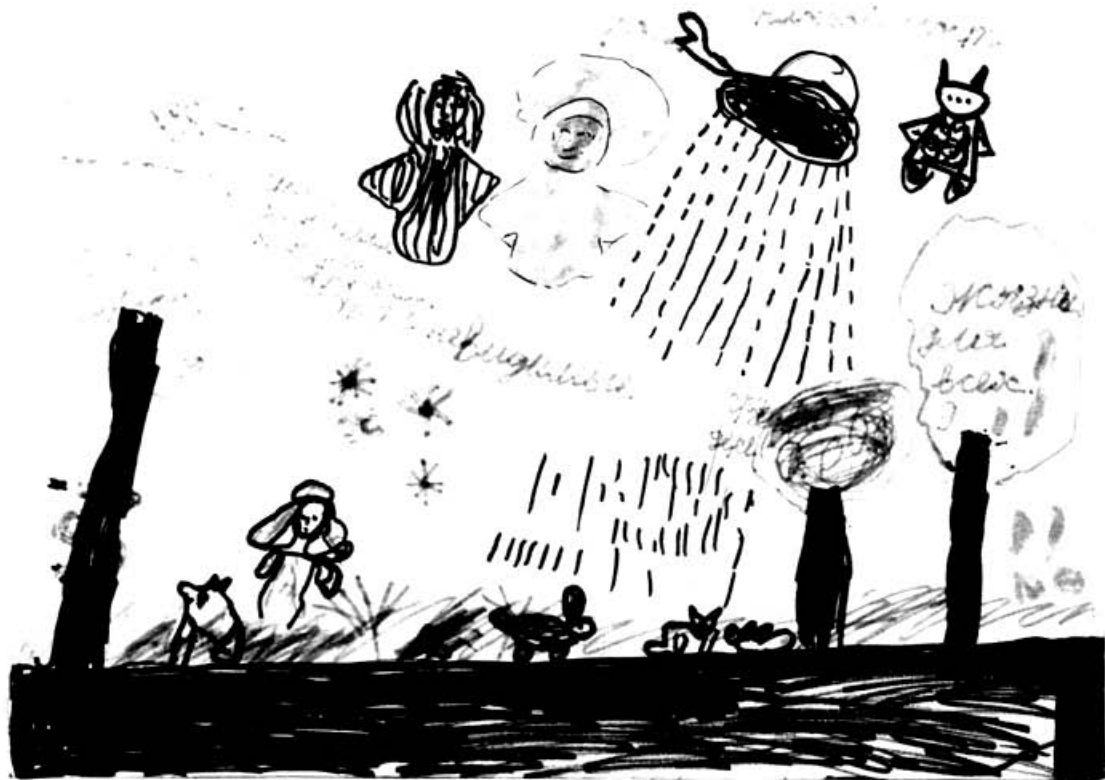
Урок 2-й. Грехопадение.

Этот урок очень важен, и потому необходимо было заранее все продумать.

Сначала мы нарисовали рай. Конечно, это был цветущий сад. Но как передать райское состояние этого сада? Как сделать, чтобы оно запомнилось? Сделать это помогли простые образы — мышка, сидящая рядом с кошкой, волк

рядом с зайцем, улыбающееся солнце и т.п. Далее я объяснял, что Бог хотел, чтобы человек был бессмертным и при этом, конечно же, добрым. Для этого Господь сотворил два чудесных дерева в раю: древо познания добра и зла, чтобы узнать, добр ли человек, и древо жизни, чтобы даровать вечную жизнь человеку. Бог дает заповедь человеку не есть плодов от древа познания, чтобы узнать будет ли человек послушен Ему. А можно ли было давать плоды от древа жизни злему человеку? По ответам на этот вопрос можно было судить о том, понятно ли было детям сказанное.

В дальнейшем повествовании о грехопадении человека следовал рассказ о падении Ден-

Грехопадение (2 класс)

ницы. На небе дети нарисовали несколько ангелов, по крайней мере, двух ангелов. Денница был среди ангелов одним из самых красивых и могущественных, он и архангел Михаил были нарисованы большими по размерам. Денница был настолько умен и силен, что вздумал сам стать на место Бога. В рассказе детям это можно уподобить тому, как если бы один из самых умных учеников в классе вышел к доске и стал говорить, что отныне он будет учителем. Падение Денницы сразу же отразилось на рисунке — он был перекрашен в черный цвет.

Теперь можно вернуться к человеку. Дьявол в виде змия нарисован на древе познания. После краткого разговора Евы со змием в руке у нее появляется надкушенное яблоко, потом это яблоко появляется и в руке Адама.

Теперь нужно показать, что произошло в раю после грехопадения. На небе появляется огромная грозовая туча, которой никогда не было раньше в раю, первые гром и молния. Вечное лето сменяется осенью, первые желтые листья падают на землю. Кошка погналась за мышью, волк — за зайцем, солнце перестало улыбаться. Далее следует разговор Бога с Адамом, в котором можно подчеркнуть вину обоих первых людей.

Самое главное — не забыть сказать: Бог возвещает человеку о том, что семя жены сотрет главу змия, что родится Спаситель, Который вернет человека в рай. К этому обещанию нужно возвращаться не один раз, вспоминая его на всех следующих уроках, касающихся Ветхого Завета, чтобы тема Спасителя мира стала лейтмотивом всех уроков по библейской истории.

Урок 3-й. Первая смерть. Всемирный потоп.

Изображать само убийство Авеля нет необходимости. Достаточно было нарисовать два жертвенника-костра, дым одного из которых шел вверх, а другого — расстилался по земле. Можно потом нарисовать первый город с крепостными стенами, за которыми теперь люди стали скрываться друг от друга, боясь нападения. Эти же стены защищали их от животных, которые перестали слушаться человека, ведь он первый перестал повиноваться Богу. Тема послушания животных и стихий людям, которые послушны Богу, может появляться при каждом удобном случае.

По методу изложения история всемирного потопа была близка к рассказу о творении мира. Здесь также было нарисовано множество животных, которых праведный Ной спасает от гибели. Конечно же, надо было подчеркнуть, что Ной предлагал всем людям спасение, но все они были настолько грешными, что даже животные оказались умнее людей и послушались Ноя. На вопрос, почему же животные послушались Ноя, дети сразу же ответили, что животные видели, что Ной послушен Богу.

Всемирный потоп (2 класс)

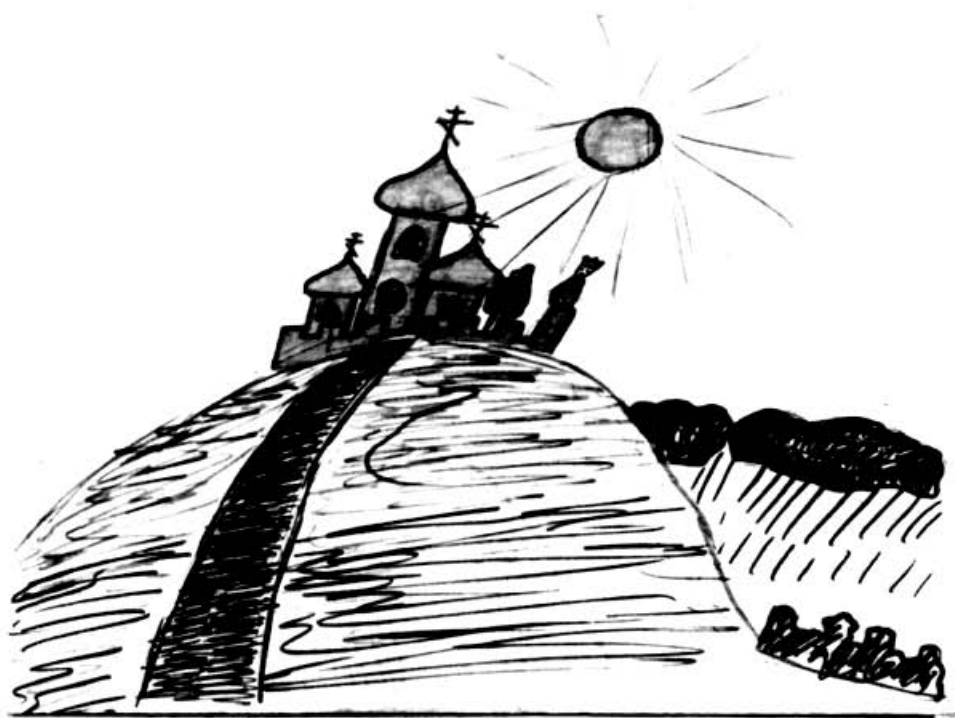
Надеюсь, что сам метод уже достаточно проиллюстрирован. И теперь я только остановлюсь на структуре всего годового курса для 1-х классов, а также на некоторых наиболее важных моментах.

Весь курс я решил построить "циклически", то есть за весь год рассказать коротко все наиболее важное о христианстве, а на следующий год повторять то же самое, но более подробно. Поэтому первая четверть была посвящена истории Ветхого Завета, вторая — истории Нового Завета, третья — молитвам и храму, четвертая — житиям святых.

В истории Ветхого Завета я старался выделить лишь основные события, постоянно указывая на ожидание людьми Спасителя. Так, говоря о потопе, можно сказать о том, что Господь для того и спас Ноя и его семью, чтобы из их потомков родился Спаситель.

Конечно, надо было рассказать о Вавилонской башне, указывая на то, как люди возгордились и задумали достичь неба. Я объяснял, что только взаимная людская злоба не дала им достроить башню, ибо, если люди были бы добры, то они и после смешения языков смогли бы общаться и понимать друг друга. Но как это изобразить на рисунке? Мы нарисовали вершину башни, разделяющуюся на отдельные башенки, каждая из которых все более отклоняется в сторону и вот-вот упадет. Так произошло, потому что каждый человек хотел, чтобы все разговаривали на его языке, и никто не хотел учить чужой язык, считая свой лучшим. Не найдя общего языка, люди стали строить каждый свою башню думая, что он и один сможет достичь неба.

Мы рисовали явление Бога Аврааму, говоря об обетовании рождения Спасителя от Авраама. Мы рисовали принесение в жертву Исаака, говоря о готовности Авраама отдать Богу своего единственного сына, от которого и должен был произойти в будущем Спаситель мира. Мы рисовали историю пророка Моисея и исхода из Египетского плена, упомянув, что Господь спас Свой народ, чтобы из него родился Спаситель.

Сказка о Великом Царе и Его Сыне (5 класс)

Более важным является для нас Новый Завет, потому ему было посвящено больше уроков. Провести первый урок по истории Нового Завета мне помогла сказка, сочиненная священномучеником Владимиром, митрополитом Киевским, и найденная мною в книге С. Успенского "Катехизис в живых рассказах" (ТСП, 1995). Это сказка о двух городах — прекрасном, стоящем на высокой горе, и жалком, ужасном городе, расположенном внизу под горой. В верхнем городе жил Великий Царь со Своим Сыном и множеством ангелов. Нижний город был полон злобой людей, люди там часто болели, голодали и жаждали. Царевич часто подолгу с печалью смотрел на этот город. Он задумал помочь людям и привести их в город Своего Отца. Отец рассказал Сыну, что Он уже не раз пытался пригласить этих людей к Себе, но они не поверили Его посланникам и некоторых из них даже убили. Царевич решил Сам спуститься к этим людям. Отец предупреждал, что это грозит Ему смертью, но не препятствовал, ибо также горячо хотел помочь людям. Итак, Сын, надев скромную одежду странника, покидает город, чтобы спуститься к людям.

Что же было дальше? — Детям, естественно, становится интересно, что же случилось с Царевичем, покинувшим Свой дворец. — И дальше рассказывается история Рождества Христова, история о том, как в убогой пещере родился Спаситель мира. Для рисунка к этой истории я взял композицию икон праздника:

в центре гора с пещерой, с одной стороны к пещере идут пастухи, а с другой волхвы, в небе сияет Вифлеемская звезда.

Сказка о Сыне Великого Царя очень полезна — в течение года можно постоянно ссылаться на нее, напоминая, что Иисус Христос — это Тот Самый Царевич, который решил прийти к людям. Например, рассказывая о чудесах Господа, я напоминал о тех бедствиях людей, видя которые и решил помочь людям Царевич. Говоря о Распятии, детям напоминалось о том предупреждении, которое давал Великий Царь Своему Сыну. Рассказ о Вознесении был рассказом о возвращении Царевича к Своему Отцу для приготовления обителей людям и т.д.

Из чудес, совершенных Спасителем, я выбирал те, которые легко изображаются: чудесное хождение Господа по водам; исцеление расслабленного, спущенного через крышу дома к ногам Господа; воскрешение Лазаря, вышедшего из пещеры обернутым пеленами; насыщение пяти тысяч человек пятью хлебами (можно изобразить апостолов, несущих на голове полные корзины

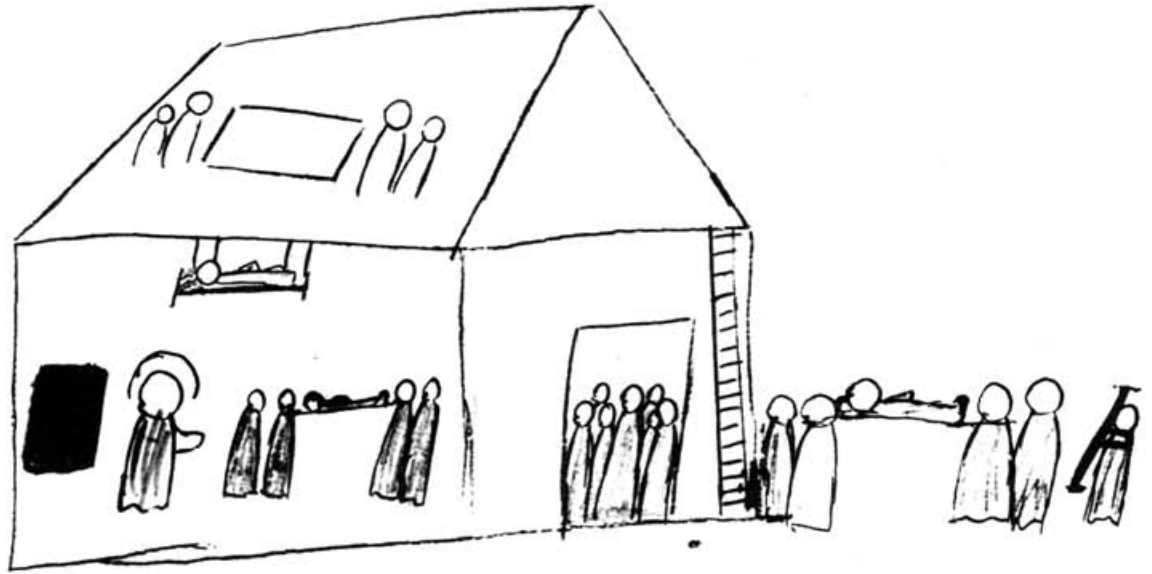
Рождество Христово (5 класс)

оставшихся кусков). Рассказывая о хождении Господа по водам, можно объяснить, что даже бездушная стихия была послушна своему Творцу.

Конечно же, надо было остановиться и на притчах, рассказанных Господом. Очень легко рисуется притча о мытаре и фарисее. Высоко поднятая голова фарисея и смиренно опущенный взгляд мытаря хорошо запомнятся детям. Притча о блудном сыне запомнится рисунком, на котором блудный сын будет пасти свиней и

есть с ними один и тот же корм. В притче о богаче и Лазаре можно показать, как изменилось положение этих людей. Богач, живущий в высоком доме, оказывается в аду, под землей, а Лазарь, который стоял внизу у входа в дом богача, теперь вознесен на небеса, на лоно Авраамово.

С третьей четверти я начал писать с первоклассниками, ибо до этого времени они просто не умели этого делать. Если до сих пор все рисунки у моих подопечных были на отдельных листах, то с этого времени они завели тетради, где записи и рисунки находились рядом друг с другом.

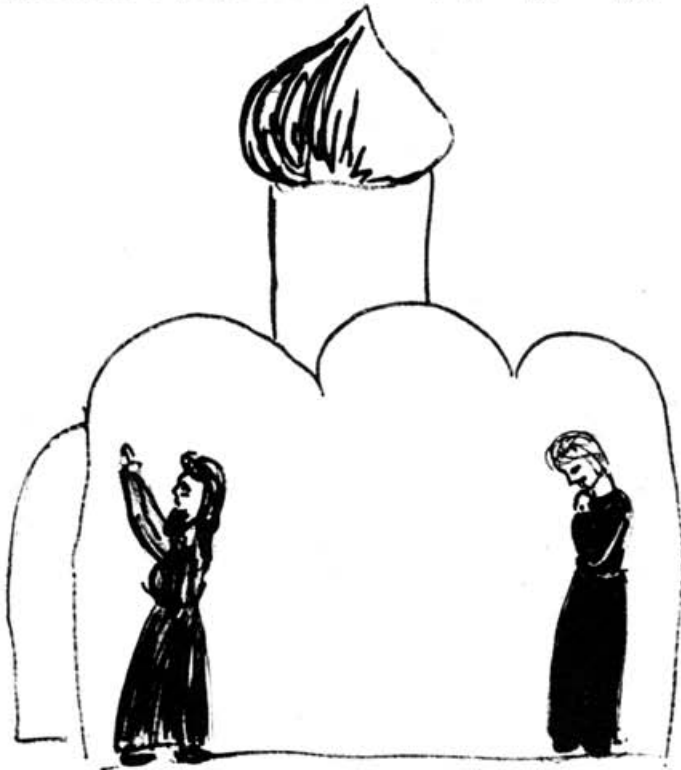

Исцеление расслабленного (1 класс)

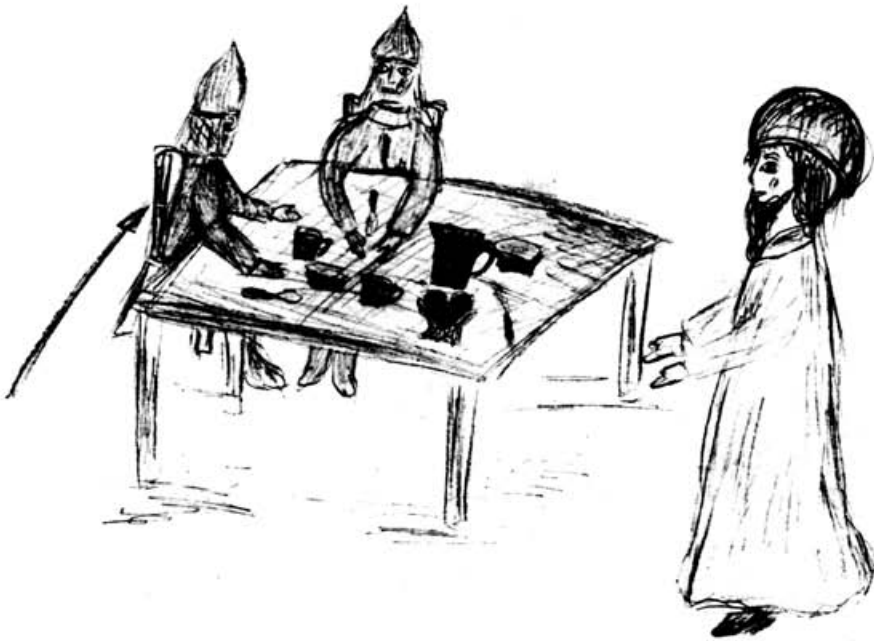
Просто записывать текст даже самых кратких молитв может быстро надоесть детям, поэтому большинство молитв надо было проиллюстрировать. В основу своего рассказа я брал книгу о. Артемия Владимирова "Молитвослов для самых маленьких" (М., 1995). К самым первым молитвам мы просто рисовали то, как нужно молиться: мальчик или девочка с приподнятой для крестного знамения рукой стоит перед иконой, перед которой горит лампада или свеча. Рядом с краткими молитвами перед сном находилось изображение кровати, висящей над ней иконой и ребенка, молящегося перед сном. Подобным образом иллюстрировались и молитвы перед едой. Текст Трисвятого был рядом с рисунком о чудесном даровании этой молитвы людям во время землетрясения в Константинополе, песнь "Богородице Дево" — с рассказом и рисунком Благовещения, а молитва Кресту — с изображением Голгофы и трех крестов на ней.

Рассказы о храме заключались в разъяснении устройства храма, основных служб и Таинств (Крещения, Причащения, Покаяния). Дети рисовали вслед за мной внутреннее устройство храма, ребенка, исповедующегося перед священником, крещение младенца в купели и т.д. Говоря о подготовке к Причастию и об исповеди мы записывали основные грехи и рисовали к ним простые картинки: сын, держащий за спиной дневник с двойкой и обманывающий маму, что не получал оценок; девочку, которая по лености не помогает маме убирать в квартире и т.д. Конечно, то, что так поступать не следует, дети уже знают, поэтому главным для себя я считал соединение этих рассказов с мыслью о том, что в этих грехах надо исповедоваться и исправляться.

Рассказы о святых также легко иллюстрируются. В первую очередь надо было рассказать о Божией Матери, завершив рассказ Ее Успением. Композиция рисунка к последнему рассказу была заимствована от икон праздника Успения. А в тетрадях мы сделали запись о том, что теперь Божия Мать вечно пребывает со Своим Сыном на Небесах и постоянно слышит все наши молитвы. Также я рассказывал о жизни апостолов, об их проповеди и их муче-

Притча о мытаре и фарисее (5 класс)

Житие священномученика Анфима (5 класс)

нической кончине, об обращении апостола Павла, об усекновении главы Иоанна Предтечи во время пира, о жизни и чудесах святителя Николая, о преподобном Герасиме Иорданском и его льве, о первомученике и архидиаконе Стефане, о священномученике Анфиме, гостеприимно принявшем воинов, пришедших схватить его, о преподобном Сергии и о святых иноках Ослябе и Пересвете (здесь я перечислил и тех святых, о которых рассказывал в старших классах).

В основу курса для 3-5 классов я решил положить Символ веры. Первые уроки я проводил без рисунков. После простого рассказа дети записывали слова Символа веры, а также пояснения к отдельным словам.

Когда я открыл для себя любовь к рисунку и у старших детей, мы уже дошли до рассказа о воплощении Сына Божия. Поэтому первые рисунки здесь были совершенно те же, что были когда-то в первых классах — сказка о двух городах и Рождество Христово. После рассказа о воплощении Сына Божия ряд уроков был посвящен земной жизни Спасителя: Нагорной проповеди, чудесам, которые Господь сотворил, и, конечно же, притчам. На каждый стих Нагорной проповеди подбирался рассказ из житий святых. Например, кто такие чистые сердцем, узревшие Бога, становилось ясным из рассказа о мученической кончине архидиакона Стефана, увидевшего отверстие небеса и Сына Божия. Рассказ о Филарете Милостивом, отдававшем самое последнее, пояснял, каким милостивым должен быть христианин. В подборе рассказов мне помогла известная книга "Училище благочестия". Чудеса и притчи в 3-5 классах мы рисовали с детьми те же, что и в самых младших.

Далее, следуя за Символом веры, я последовательно рассказывал о последних перед Распятием днях жизни Господа, о Воскресении, о Вознесении, о Сошествии Святого Духа и проповеди апостолов.

Хотелось бы высказать и несколько общих замечаний, касающихся построения занятий, которые явились уроком из неизбежных ошибок.

Чтобы рассказ запоминался, лучше всего давать на одном уроке не более двух тем с иллюстрациями к ним. Лучше попытаться подробнее остановиться на каком-то одном рисунке.

Хорошей проверкой своих успехов или неудач может послужить опрос пройденного материала. Опрос неизбежно покажет и слабые места предыдущих уроков: то, что дети не смогли вспомнить, было просто плохо разъяснено преподавателем.

Желательно сразу начать ставить оценки: либо при проверке тетрадей, либо за небольшие устные ответы. Это даст преподавателю в руки некую возможность воздействовать на детей. Зачем это нужно? Дети вскоре привыкли ко мне, и это привело к потере дисциплины. Постоянному учителю проще контролировать поведение учеников, а на уроках Закона Божия, которые

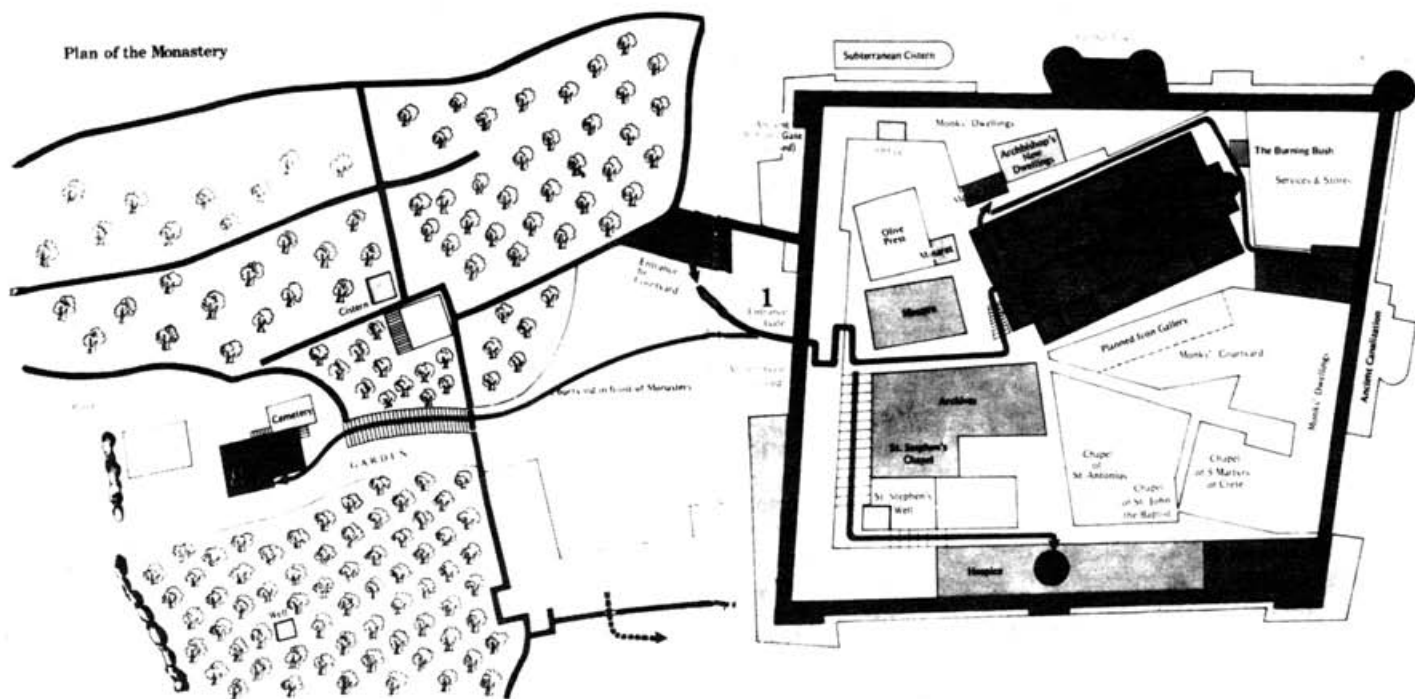
проходят лишь раз в неделю, дети начинают чувствовать свою безнаказанность. Можно только удивляться, как сразу успокаиваются дети при появлении своего классного руководителя, и как они раскрепощаются при его уходе. Оценки же помогут подстегнуть нерадивых учеников и поощрить усердных. Кроме того, лучше всего дети запоминали именно тот материал, который не только был просто спрошен на уроке, но спрошен на оценку.

Дорогу осилит идущий. Лучше один раз самому попробовать войти в класс к детям, узнать на опыте, как можно увлечь их и как можно потерять их внимание. Преподавания в начальной школе не надо бояться, поскольку с детьми можно найти общий язык. Мне удалось найти этот язык с помощью мела, рисующего на доске. Рисунок может явиться приемлемым для всех средством работы с детьми, хотя, возможно, и не единственным. Отбрасывать мысль о рисунке, оправдываясь своим неумением, не следует. Каждый взрослый рисует в несколько раз лучше ребенка в начальной школе, а если школа без особого художественного уклона, то и более старших школьников. Этот способ преподавания не потребует особого таланта от учителя, лишь бы было усердие и желание работать с детьми. Преподавать Закон Божий, на мой взгляд, надо начинать с самых первых классов. Слишком рано в детей начинается вливаться грязь. Пусть они узнают о Боге и о Церкви в самом раннем возрасте. Даже если будет трудно вначале, всякому, кто будет действительно работать над собой и детьми, Господь обязательно пошлет утешение, и вы увидите, что дети ждут ваших уроков и не отпускают вас после звонка, но особенно вы будете рады, если кого-то из своих подопечных вы когда-нибудь встретите в храме.

Синайский монастырь святой великомученицы Екатерины

(продолжение)

Современное состояние монастыря

Монастырские стены

Для защиты поселившихся вокруг Неопалимой Купины многочисленных монахов и отражения разбойничьих набегов бедуинов строители во главе с архитектором Стефаном Алоизи по воле императора Юстиниана окружили монастырь неприступными стенами, сложенными из блоков гранита, который и сейчас добывается в этих местах. Стены имеют толщину от 2 до 3 метров, высоту — от 9 до 18 метров (в зависимости от рельефа местности). В течение четырнадцати веков они лишь незначительно подновлялись, и только северная часть, которая несколько раз повреждалась, приобрела свой современный вид в 1801 г., во время египетского похода Наполеона.

Главные ворота, сохранившиеся еще с античных времен и находящиеся в западной стене, в настоящее время заложены. В соответствии с фортификационными требованиями древности, над ними был устроен желоб, по которому осажденные лили на атакующих кипящее масло. Слева от главных ворот находятся другие, меньшие, имеющие три железные двери и также сохранившиеся с древнейших времен.

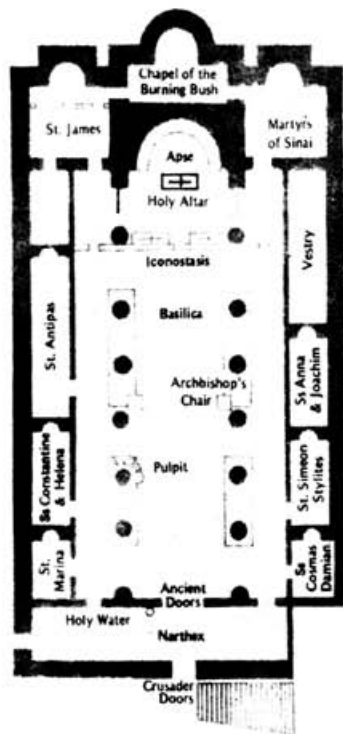
Вдоль стены внутри монастыря располагаются различные строения. На территории обители в настоящее время находится двенадцать храмов, приделов и часовен. Поскольку монастырь был построен на склоне горы, внутри стен оказалось возможным с помощью арочных конструкций устроить келлии и другие помещения, шестьдесят из

которых до сих пор сохранили свой первоначальный вид.

В 1951 г. в южной части монастыря было построено здание, в котором разместились библиотека, иконная галерея, новая братская трапезная и покои настоятеля-архиепископа. К недавним постройкам относится также монастырская гостиница в западной части монастыря.

Храм Преображения Господня

Архитектор Стефан, возведший монастырские стены, построил в северной части монастыря и храм. Строительство было начато в 542 г. и завершено девять лет спустя. Новый храм включил в себя церковь Неопалимой Купины, построенную на этом месте ранее святой Еленой.

План храма Преображения

Храм из гранита представляет собой трехнефную базилику с боковыми приделами, алтарной апсидой и притвором. Стены, колонны, крыша и некоторые иконы сохранились с эпохи императора Юстиниана. Древняя крыша была закрыта потолком в XVIII в. Пол, внутреннее убранство и иконостас храма датируются XVII—XVIII вв.

Деревянными дверям храма уже 1400 лет. Примечательна сделанная на них греческая надпись: *Вот врата Господа; праведные войдут в них* (Пс. 117, 20). Тонкой резной работы, они выполнены в византийском стиле из ливанского кедра. Двери четырехчастные, с рельефными изображениями животных, птиц, цветов и растений. Двери притвора были изготовлены крестоносцами в XI в.

Вдоль центрального нефа по обеим сторонам храма расположены двенадцать колонн в соответствии с месяцами года. Наверху каждой из них находится икона византийского письма с изображением святых, память которых совершается в этом месяце. Гранитные колонны покрыты облицовкой. Их капители, выполненные в одном и том же стиле, украшены резными изображениями крестов, виноградной лозы, агнцев и других христианских символов.

Вдоль боковых нефов расположено по три часовни.¹ По обеим сторонам

алтаря находятся два придела (слева — св. Иакова, справа — свв. мчч. Синайских), а под алтарем — придел Неопалимой Купины.

Мозаика Преображения Господня

В верхней части алтарной апсиды монастырского храма святой Екатерины находится величественная мозаика Преображения Господня. Эта одна из самых ранних и одновременно самых удивительных мозаик Восточной Церкви полностью сохранилась до наших дней. По стилю она похожа на произведения итальянской школы этого периода, особенно на мозаики церкви св. Виталия в Равенне, а также св. Софии в Константинополе.

Преображение представлено согласно описанию Евангелия от Матфея. Господь изображен в середине композиции с пророками Моисеем и Илией по обеим сторонам и тремя учениками Петром, Иоанном и Иаковом, лежащими у Его ног. В утренние часы солнечные лучи, падая на изображение Спасителя через окно в верхней части храма, словно напоминают нам, что тогда просияло лицо Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет (Мф. 17, 2).

По краю апсиды помещены мозаичные изображения двенадцати апостолов, двенадцати пророков, Лонгина, который был настоятелем монастыря во время создания мозаики, и диакона Иоанна (возможно, преподобного Иоанна Лествичника). Над апсидой можно видеть симметричные изображения пророка Моисея, принимающего скижали Закона и снимающего обувь перед Неопалимой Купиной, двух ангелов, несущих дары Агнцу, символизирующему Христа, и два изображения в виде медальонов (вероятно, Иоанна Предтечи и Пресвятой Богородицы).

Придел Неопалимой Купины

«Другая причина, по которой нам необходимо было выйти с этой стороны долины, была та, что там находилось много келий святых мужей, и на месте, где растет купина, стояла церковь... Эта купина все еще жива и пускает побеги... Как я уже

упоминала, это та самая купина, из которой в огне Господь говорил Моисею... А перед церковью разбит прекрасный сад, в котором и растет эта купина».² Эти строки написаны Этерией, паломницей из Испании, посетившей многие святые места Востока в IV в. Детали ее описания можно узнать и сегодня.

Придел Неопалимой Купины находится сейчас ниже и немного позади алтаря храма Преображения. Паломники входят в это святое место монастыря, сняв обувь, в память о повелении Божиим Моисею: *Сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая* (Исх. 3, 5). Придел освящен в честь Благовещения Пресвятой Богородицы, прообразом которого явилось видение Неопалимой Купины. Об этом напоминает икона, которую можно видеть здесь же. На ней Пресвятая Дева сидит в окружении двух пересекающихся ромбовидных фигур зеленого и красного цветов с Богомладенцем Христом на руках.

В основании престола в приделе Неопалимой Купины находятся не мощи святых мучеников, но корень самой Купины. Апсида этого небольшого придела украшена мозаикой X в. с изображениями крестов. Божественная Литургия совершается здесь каждую субботу.

Купина, теперь пышно разросшаяся, во время строительства храма была пересажена. Это единственный куст растения этого вида на всем Синайском полуострове. Все попытки пересадить хотя бы часть Неопалимой Купины на другое место остаются бесплодными.

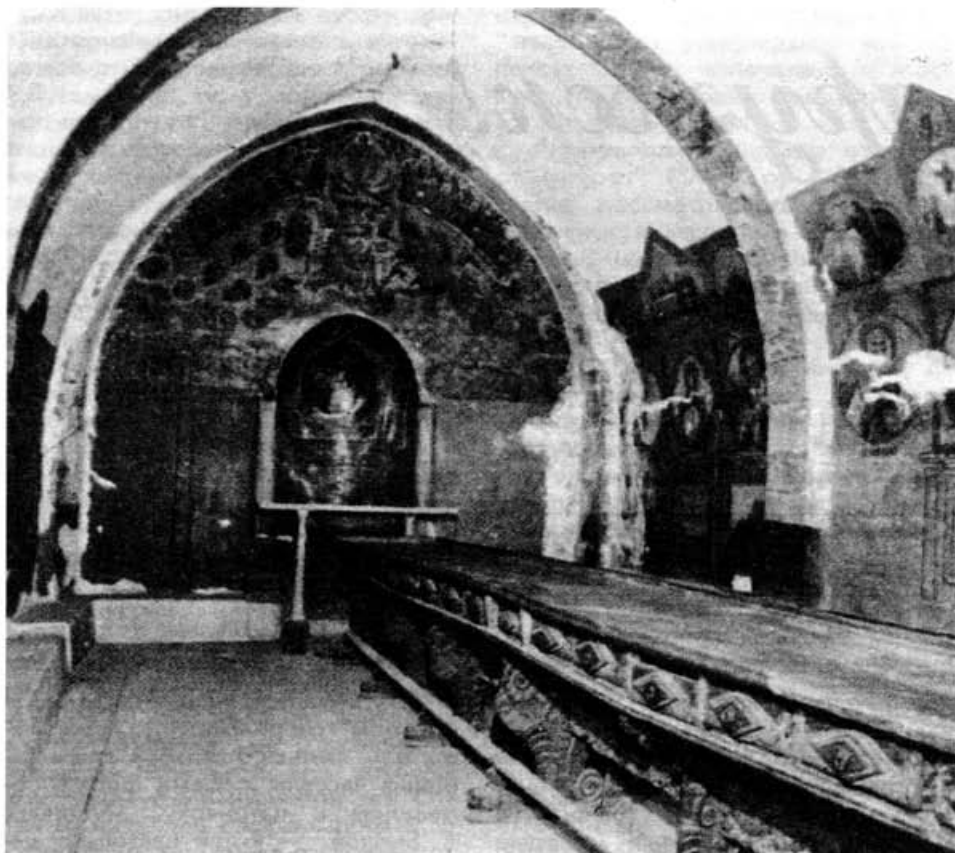
Старая трапезная

Старая трапезная — одно из наиболее интересных мест монастыря. В плане она имеет прямоугольную форму и перекрыта готическим сводом, украшенным гербами и девизами рыцарей-крестоносцев. Фреска на ее восточной стене изображает посещение Авраама Богом в виде трех ангелов (Быт. 18, 1-2), а над ней помещается изображение Второго пришествия Спасителя и Страшного Суда. Эта роспись датируется 1573 г. В центре помещения находится длинный стол, привезенный в XVIII в. с острова Корфу, с прекрасными резными изображениями ангелов и цветов в стиле

¹ Начиная от алтаря, вдоль южной стены храма (за ризницей) — свв. прав.

Иоакима и Анны, св. Симеона, свв. бесребренников Космы и Дамиана; вдоль северной — св. Антипы, св. равноап. Константина и Елены и св. Марины (перев.).

² Цит. по: К источнику воды живой. Письма паломницы IV в. М., 1994. С. 166 (перев.).

Старая трапезная

“рококо”. Здесь в прежние времена монахи собирались на трапезу. Во главе стола находилось место архиепископа.

Колокольня

Колокольня была построена монахом Георгием в 1871 г. Она имела девять колоколов различной величины, присланных в качестве даров от российских императоров. До появления металлических колоколов употреблялось деревянное било. Его звук можно услышать и в наши дни перед каждым ежедневным богослужением, тогда как колокола используются для звона в праздничные дни и перед Святой Литургией.

Иконная галерея

В Галерее находится 150 из двух тысяч уникальных икон огромной художественной и исторической ценности. Двенадцать из них датируются VI в. и написаны в технике энкаустики. Часть икон относится к ранневизантийскому периоду (VI-X вв.). Среди них есть иконы, написанные в греческом, грузинском, сирийском, коптском стилях. Большая часть икон датируется XI-XV вв. Икон западного стиля немного, в их числе — находящаяся в храме икона святой великомученицы Екатерины в готическом стиле (1387 г.).

Библиотека

Библиотека монастыря святой Екатерины является второй после Ватиканской по количеству и ценности находящихся в ней рукописей. Из трех тысяч манускриптов две трети составляют греческие; есть также арабские, сирийские, грузинские, армянские, коптские, эфиопские, славянские. Большинство рукописей — богословского характера, но есть и исторические документы, скрепленные золотыми и свинцовыми печатями патриархов, императоров, турецких султанов.

Наиболее ценная рукопись библиотеки — Codex Syriacus V в., со вторичным текстом VII-VIII вв. В прошлом здесь хранился знаменитый Синайский кодекс, до сих пор остающийся самым полным греческим списком Библии IV в. В 1865 г. он был взят учеными школы Тишендорфа по поручительству русского императора для исследования. Посланный в Санкт-Петербург, Кодекс никогда уже не был возвращен монастырю. В 1933 г. Британский Музей приобрел Синайский кодекс у Советского правительства за огромную сумму в 1 млн. фунтов стерлингов. В настоящее время в библиотеке хранится древнейшее Евангелие, датированное 317 годом, — вклад в мо-

настырь византийского императора Феодосия III.

Кроме рукописей, библиотека монастыря насчитывает около пять тысяч книг. Некоторые из них появились в первые десятилетия после изобретения книгопечатания.

Сад и кладбище монастыря

Монастырский сад, подлинный оазис среди безжизненной горной пустыни, — плод неустанных трудов многих поколений монахов, издавна носивших сюда землю и соорудивших специальные резервуары, в которые собиралась драгоценная влага столь редких на Синае дождей, а также вода, стекавшая с гор в период таяния снегов. В саду растут оливковые деревья. Здесь также выращивают прекрасные абрикосы, сливы, вишни, а также овощи.

В саду находится монастырское кладбище с прилегающей к нему костницей — хранилищем останков насельников монастыря святой Екатерины. Традиция погребения монахов сохранилась и до нынешних времен. Усопший первоначально погребается на небольшом монастырском кладбище, затем останки откапываются и складываются в костнице (при этом останки настоятелей монастыря традиционно полагаются отдельно). Этот странный, на первый взгляд, обычай сохранять останки возник и в некоторых других монастырях Востока, вероятно, из-за трудности копать могилы в каменистом грунте, а также и с духовной целью: напоминать монахам, приходившим сюда, о предстоящем каждому из живущих конце земной жизни.³

В костнице находятся и святые мощи ошельника VI в. Стефана, облаченного в монашеские одежды с белым крестом на куколе.⁴

Д-р Евангелос Папаиоанну

(свободный перевод с английского)

Окончание следует

³ Едва ли первое предположение согласуется со справедливо сделанным несколько выше замечанием, что ручной труд в сочетании с внутренним деланием всегда считался для монахов важнейшим средством к духовному преуспеянию. С практической стороны такое предположение опровергают более трех тысяч ступеней, ведущих на вершину Синая и выложенных насельниками монастыря св. Екатерины. (перев.).

⁴ О прп. Стефане см.: *Преподобный Иоанн Лествичник*. Лествица. Сергиев Посад, 1908. С. 83 (перев.).

Уймись, дружок!

К чему газетный шум?

С.Бычков специализируется на окурках «табачного дела»

*“Кажущееся добро-
душие, которое
прельщает новичков,
но прекрасно ужи-
вается с предатель-
ством, которое все
позволяет и все
оправдывает, громко
кричит, получив
оскорбление, и про-
щает его, — один
из отличительных
признаков журна-
листа”.*

Оноре де Бальзак

С течением времени Православная Церковь занимает все более видное место в жизни общества. Восстанавливаются храмы и монастыри, возрождается духовность, в Церковь вступают новые молодые члены... Отраднo наблюдать, что к Православию обращаются и политические деятели. Жизнь Церкви освещается в гражданских средствах массовой информации, сейчас появляется все больше и больше газет и журналов, которые так или иначе реагируют на церковные события.

Одним из таких печатных органов является газета “Московский комсомолец”, в которой статьи и заметки на церковную тему преимущественно подписаны именем Сергея Бычкова. Очень интересны и полезны приводимые в его публикациях фактические сведения. Например, в выпуске газеты за 15 октября 1996 г. в статье “Новые страстотерпцы” сообщается об очередном заседании Святейшего Синода, проходившем 10-11 октября, на котором рассматривалась проблема канонизации императора Николая II и его семьи, бессудно расстрелянных летом 1918 года.

В статье “Предлагаем патриарху незамедлительно явиться” (“МК” от 3.10.96) автор возмущается “кочующей общиной” православных христиан, выстроивших часовню во имя Воздвижения Креста Господня к очередной годовщине расстрела Белого дома и обратившихся к Пат-

риарху с ультимативным письмом, в котором говорилось: “... предлагаем Вам явиться 3 октября для освящения часовни”. “Сама форма обращения к патриарху, — пишет С. Бычков, — была настолько оскорбительной, что ни о каком освящении речи и быть не может... Сама процедура освящения предполагает умиротворение сердец молящихся. Пока не изжит взаимная вражда, вряд ли часовня послужит символом мира”.

В статье “Стяжи дух мирен” (“МК” от 19.02.97) рассказывается о торжественном открытии Архирейского собора РПЦ в Даниловом монастыре. Там говорится о повестке дня, приводятся некоторые цифры.

Бычков также публикует интервью, где задает интересные вопросы журналисту Евгению Комарову, который в течение пяти лет сопровождал Святейшего Патриарха Алексия II (“Кормчий церковного корабля”, “МК” от 17.01.97). Журналист публикует вопросы депутату Госдумы РФ, основателю и лидеру Всероссийского христианского союза, сыну о. Александра Меня, Михаилу Меню (“Вечные вехи. В мутном море российской политики”, “МК” от 22.01.97), приводит телефонные ответы москвичей на вопрос: “Стоит ли Русской Православной Церкви причислить последнего российского императора Николая II и его семью к лику святых?” (“Глас народа”, “МК” от 25.02.97).

Все вышеприведенные публикации и материалы отражают заинтересованное отношение автора к церковной тематике. Но о подлинном характере этого интереса говорят статьи, о которых пойдет речь ниже. В частности, они касаются пресловутой гуманитарной помощи в виде табачных изделий и спиртных напитков, средства от продажи которых ОБЦС, по мнению Бычкова, употребляет на покупку самолетов, иномарок, квартир и т.д. Смачное обсасывание этой темы (по словам Бычкова, "расследование сигаретного бизнеса ОБЦС") продолжается уже полгода и венчается довольно скандальной статьей "Табачный митрополит" ("МК" от 18.02.97). Ей предшествует ряд заметок, в которых автор выражает обеспокоенность все той же проблемой создания внутрицерковной комиссии, "которой поручено расследовать, чьи действия привели к компроматации РЦ" ("Дело — табак", "МК" от 3.10.96). Чрезвычайно интересна ссылка Бычкова на "конфиденциальные источники", из которых ему якобы стало известно, что Отдел может быть расформирован, а митрополит Кирилл — отстранен от управления им. Но здравый смысл подсказывает, что до окончания расследования вышеуказанная комиссия не могла делать никаких выводов, а тем более сообщать их "конфиденциальным источникам".

"Возьми Себе, Боже, что нам негоже" ("МК" от 11.11.96). Здесь говорится о том, что Комиссия по вопросам международной гуманитарной помощи при Правительстве РФ оказала помощь Церкви в виде вина, и задается риторический вопрос: "Стоит ли принимать такую "гуманитарную" помощь?" Причем тут же автор заявляет, что "упреки в адрес Церкви за винную коммерцию вряд ли обоснованы".

"Чертов ладан" ("МК" от 14.11.96). Все больше удивляет приверженность господина Бычкова к "конфиденциальным источникам", на которые он ссылается и здесь. Только теперь они сообщают ему, что Комиссия по гуманитарной помощи при Правительстве РФ обеспокоена публикациями в прессе по поводу помощи, выделенной РПЦ. А вполне резонно задающийся (ничего не скажешь) вопрос, кто пользуется прибылью от продажи сигарет, сопровождается сплетнями, ставшими уже обычными в описаниях Бычкова: "Ходит слух, что скоро появятся сигареты со скромным

названием "Митрополит Кирилл", и "злые языки утверждают, что на пачках будет напечатано: "Московская Патриархия предупреждает: курение — грех!"

"Митрополита Кирилла отлучили от сигарет" ("МК" от 5.01.97). В статье рассматривается предрождественское заседание Священного Синода, на котором обсуждались вопросы экономической деятельности ОБЦС и "было принято решение окончательно и бесповоротно отлучить митрополита Кирилла от гуманитарной помощи". Знаменательно, что эта статья начинается следующими словами: "Незадолго до Рождества на двухдневном заседании Священного Синода РПЦ рассматривались вопросы, поднятые "МК" 25 декабря прошлого года".

А 25.12.96 в "МК" была опубликована статья того же Сергея Сергеевича, которая вызывает неизбежный вопрос: чем же так не угодил митрополит Кирилл корреспонденту Бычкову? — "Кто же дышит в затылок Патриарху?" с продолжением на 2-й стр.: "Претендент на престол". Автор начинает опять же со слухов в печати об обращении РПЦ к Президенту Ельцину с просьбой выделить ей 650000 тонн нефти и разрешить ей беспешинный экспорт. Упомянулось, что посредником в продаже нефти должна была выступать германская компания MRH и что деньги от продажи пойдут на приобретение икон для храма Христа Спасителя. Дальше — цитата из статьи: "Обнаружилось, что глава немецкой компании — давний друг председателя ОБЦС митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла (Гундяева). Компания MRH находится едва ли не на грани банкротства. Коллекций икон за рубежом нашей Родины находится с 30-х годов великое множество. И та самая, о покупке которой ходатайствовал митрополит Кирилл, не имеет никакого отношения к храму Христа Спасителя". На заседании Правительства Черномырдин высказался за приобретение коллекции, но не выделяя нефти, а за наличный расчет. А когда встал вопрос о сумме, "произошло необъяснимое — глава ОБЦС больше ни разу не заикнулся об иконах. Коллекция так и осталась неприобретенной".

16 апреля 1997 г. при встрече митрополита Кирилла со студентами Московских Духовных школ ему был задан этот вопрос. Владыка ответил, что этот факт — чистый

вымысел и никакого обращения РПЦ к Президенту с целью получения нефти не было. А если мы перевернем 1-ю страницу "МК" от 25.12.96 и прочтем продолжение статьи, непредвзятость автора по отношению к митрополиту Кириллу (которую первый старается внушить читателям) не выдержит никакой критики.

"Митрополиту Кириллу удалось создать на канале ОРТ собственную телекомпанию... Каждую субботу митрополит Кирилл появляется перед миллионами телезрителей и рассказывает о своих успехах на церковном поприще".

У Бычкова почему-то "возникает ощущение, что митрополит Кирилл уже готов к выборам Патриарха, на которых рассчитывает победить".

"Создав мощный пресс-центр при ОБЦС, он единолично контролирует православные каналы на телевидении".

"На пути к патриаршему престолу остается только одно небольшое препятствие — Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II".

Как уже говорилось выше, плодом полугодового расследования деятельности митрополита Кирилла (а не ОБЦС, как говорит Бычков) явилась опять же скандальная (как и большинство публикаций указанного корреспондента) статья "Табачный митрополит" ("МК" от 18.02.97). Вообще стиль Бычкова отличается цинизмом и ставит под сомнение не только его церковность, но и чистоту совести человека, позволяющего себе в статьях, касающихся жизни Церкви, подобные высказывания: "Общество без Церкви — все равно, что борщ без соли"; "Воровство — один из самых распространенных грехов в церковной среде"; "в июне крыша поехала не только у Шаргунова, который так обиделся на "МК", что даже подал в суд на газету" ("Бунташный монастырь в "красном поясе", "МК" от 16.10.96), "ОРТ каждую субботу бесстыдно рекламирует митрополита Кирилла в бездарной передаче "Слово пастыря".

В пасквиле "Табачный митрополит" две комиссии по гуманитарной помощи, правительственная и церковная (при ОБЦС), прямо обвиняются в торговле гуманитарной помощью с целью получения материальной прибыли и употребления ее на свои (а не церковные) нужды. Архиепископу Клименту Калужскому и Боровскому инкриминируется мошенничество, ложь

и коррупция ("... заплатил 30 тыс. долларов — и твой груз признают гуманитарным").

Утверждение Бычкова, что принадлежность груза к гуманитарной помощи определял архиепископ Климент, не имеет под собой оснований, так как документация на груз отдавалась сразу в государственную комиссию, которая и определяла его назначение (то есть считается он гуманитарным или нет).

Далее Бычков обвиняет опять же митрополита Кирилла. Но теперь он уже настолько разошелся, что его трудно остановить. Журналист, "киллер пера", дерзает оценивать ситуацию и делать однозначные выводы, не зная, как следует, ни богословия, ни истории Церкви, не разбираясь в отношениях между Поместными Церквями и не пытаясь объективно разобраться в политической ситуации. На первый взгляд, С.Бычков кажется вполне здравомыслящим, образованным человеком. Возможно, это на самом деле так и есть. Но тогда как объяснить следующие строки, необдуманность которых очевидна?

"В 1991 году, когда на Западной Украине начались конфликты православных с греко-католиками, митрополит Кирилл не сумел умиротворить христиан".

"В 1992 году митрополит Кирилл устранился от разрешения конфликта с митрополитом Филаретом (Денисенко)".

"В 1996 году возникает раскол в Эстонии. Митрополит Кирилл вкупе с митрополитом Ювеналием берется за разрешение этого конфликта. Результат плачевный — испорчены отношения с Вселенским Патриархом. Благодаря политике митрополита Кирилла испорчены отношения и с римо-католиками. Экуменизм отброшен, и теперь митрополит Кирилл предстает перед христианами как сопредседатель ультраконсервативного Всемирного Русского Собора".

По словам Игоря Угольников, "... в средствах массовой информации можно облить грязью любого человека". Судя по всему, это и делается по отношению к митрополиту Кириллу. Читатель, не занимающий активной церковной позиции и судящий о Церкви и церковных делах лишь по газетным или журнальным публикациям, не знающий очень многого, естественно, оказывается в заблуждении, веря тем, кто любит подсматривать в замочную скважину.

21 февраля 1997 г. в конференц-зале гостиницы "Даниловская" состоялась пресс-конференция по итогам Архиерейского Собора. Некоторые из вопросов были заданы митрополиту Кириллу по поводу публикаций, порочащих его честь. Вот, что он ответил: "Нас призывают обращаться в суд в подобных случаях... Люди, возводящие хулу на верующих, делают это в собственных целях. Они не желают слушать оппонента, изучать материалы, искать правду. Спорить с ними бесполезно". А на вопрос по поводу "сигаретного дела" митрополит Кирилл решительно заявил: "Почти все, что публикуется на эту тему, является ложью, с начала и до конца. Ложью является, что митрополит Кирилл имеет отношение к Комиссии по гуманитарной помощи".

"Далее владыка Кирилл объяснил собравшимся, — пишет в статье "Пресс-конференция по итогам Архиерейского Собора Русской Православной Церкви" М. Григорьева ("Православная Москва", №8-9, март 1997), — что в Русской Церкви имеется Комиссия по гуманитарной помощи, куда православные и не только православные христиане со всего мира присылают то что может. Среди вещей, которые приходят с гуманитарной помощью, есть такие, которые Церковь не может использовать по прямому назначению. Например, сотни двигателей от холодильников, оконные рамы и блоки и, наконец, сигареты. Их можно отправить обратно дарителям. А можно согласовать вопрос с Правительством и передать сигареты в светскую торговлю, что и было сделано. Часть от вырученных денег была направлена в центральный церковный бюджет, на общецерковные нужды. "Видимо, после этой кампании нам вряд ли пришлют этот гуманитарный груз — и Бог с ним, — заявил митрополит Кирилл. — Но почему-то, — продолжил он, — критикуют притянутого к этому делу митрополита Кирилла, хотя он не имеет никакого отношения к сигаретам. Причем тут развал Советского Союза, в котором тоже митрополит Кирилл виноват? Причем развал Православия на Украине, в Эстонии? Создается впечатление, что цель этих публикаций — скомпрометировать митрополита Кирилла. По каким причинам? Я не хотел бы об этих причинах здесь говорить. Надеюсь, что время все расставит на свои места,

и мы узнаем, кто стоит за кампанией клеветы на Русскую Церковь и одного из ее смиренных служителей".

И пусть "собратья-православные", которые пишут Бычкову и недоумевают, кто дал ему право критиковать епископа, обратят внимание на слова митрополита Кирилла и на следующую статью С. Бычкова, ложь которой обличается, в свою очередь, в статье С. Быкова "Комсомольские БЕСпокойные сердца" ("Русский вестник", №8-10, 1997).

Статья "Похищение "красного епископа" вышла в "МК" от 12 марта 1997 г., спустя почти месяц после "Табачного митрополита". Но здесь уже Бычков, занимаясь своим любимым делом, поливает грязью главного редактора Издательства Московской Патриархии епископа Бронницкого Тихона. Но в этом случае ему, слава Богу, был дан отпор православной общественностью, и в частности, прихожанами храма Всех Святых на Соколе, которые находятся под духовным окормлением владыки Тихона. Теперь мы получили возможность взглянуть на домыслы Бычкова, имея информацию не только о действительном положении вещей, но и о личности самого С.С.Бычкова.

Статья начинается красочным описанием похищения епископа Тихона какими-то "иностранцами-сектантами". По словам С.Быкова, "... никакого похищения не было, просто г-ну Бычкову не дают спать лавры некоторых литераторов в описании мистических событий".

Далее я буду просто цитировать обвинения С.Бычкова и, в свою очередь, ответы на них Быкова.

Бычков: "Поддержка Зюганова и компартии прошлым летом — это также последствия пребывания епископа Тихона в лапах сектантов".

Быков: "Если при советской власти людей мазали черной краской, теперь краску сменили, но пачкают тех же людей. Владыка не был комсомольцем, он из семьи, где репрессированы дед, отец, мать, дядя. Поэтому отношение к власти было соответственным".

Бычков: "Епископ Тихон умудрился за год сломать производственный процесс, налаживавшийся десятилетиями".

Быков: "Прошлый, 1996 год, Издательство Московской Патриархии закончило с хорошими результата-

ПРАВОСЛАВИЕ В ЗАПАДНОМ КИТАЕ

Сегодня, когда вести о "реформах в Китае" стали уже привычными, когда отношения между Китаем и Россией претендуют на всестороннее развитие, духовные связи между нашими странами имеют особое значение. Состоявшийся в феврале 1997 г. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви утвердил Определение Священного Синода о Православной Церкви в КНР. Отмечая 40-летний юбилей Китайской Автономной Православной Церкви, мы предлагаем вниманию читателя материал, повествующий об истории Православия в пограничном с Россией Северо-Западном регионе Китая — Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

Церковное Предание хранит память о первом небесном покровителе Китая — святом апостоле Фоме.

Евангелие было проповедано им на северо-западе этой страны. Большинство церковных историков, писавших о Китае, признают апостола Фому основателем Китайской Церкви.

В службе святому Апостолу, помещенной в одной из богослужебных книг Малабарской Церкви, несколько раз говорится о том, что он благовествовал и в Китае.

Уже в 19 главе "Книги соборных постановлений" ("Summa sanonum sinodalium") есть свидетельства о епископских кафедрах в Китае.

Житие апостола Фомы, составленное на основе сочинений Оригена и Евсевия, также содержит сведения о проповеди Апостола в Поднебесной Империи.

Около 64 г. по Р. Х. китайский император Мен Ти отправил на Запад посольство для поисков "Светлейшего Мужа", предсказание о пришествии которого содержалось в писаниях Конфуция. Вероятно, именно от христиан император узнал об исполнении предсказания о воплощении Спасителя.

Есть свидетельства о христианской проповеди в Китае и в послеапостольское время. В хронологических таблицах арабского писателя Амру, цитируемого у Ассемана, кафедра митрополита Китайского поставлена вслед за кафедрой митрополита Индийского.

После 635 г. в Китае нашли пристанище многие несториане, спасавшиеся от преследований в Византии. Православие со временем было вытеснено несторианством. Его приняли, например, уйгуры, согды и прочие народы Западного Китая. Отношение китайских императоров к христианам не всегда было благосклонным: их, бывало, изгоняли из страны. Археологи, однако, и по сей день находят немало христианских памятников, относящихся к эпохе до принятия ислама народами Средней Азии и уйгурами.

Путь от Пеклтай. Весь путь от Пекина до Урумчи — почти 3 тыс. км — занимает около 4 часов. Поезд же преодолевает бескрайние просторы Китая в направлении с Востока на Запад за три с половиной дня.

Столица Синьцзяна Урумчи — двухмиллионный город, который, как и весь Китай, строится сегодня с невероятной быстротой. Огромные здания офисов компаний и гостиницы, современные многоярусные шоссе с удобными развязками — все это не напоминает о прежнем Синьцзяне, каким его можно было видеть еще лет пять назад. Тогда здесь почти не было машин и современных дорог, не было и высотных зданий.

За годы реформ в Китае весь Синьцзян был застроен мечетями. С минаретов Урумчи по пять раз в день муэдзины прославляют Аллаха. Построены или восстановлены буддийские монастыри. Здесь сказывается относительная близость Тибета: граница с ним проходит на юге Синьцзяна. Но вот на одной из улочек Урумчи, в уйгурском квартале, почти в центре, мы неожиданно замечаем православный крест на куполе храма. Сейчас лишь этот храм зримо свидетельствует об истории Православия в Синьцзяне.

Она совпадает с историей русской Синьцзянской колонии. Возникла она после Кульджинского договора 1851 г. между Россией и Китаем, установившего постоянные деловые связи России и Синьцзяна. В Кульдже и Чугучаке были созданы русские консульства, представительства русских фирм.

Историю пребывания русских в Синьцзяне можно разделить на четыре этапа: 1) 1851 — 1920 гг.; 2) 1920 г. (время прихода в Синьцзян вытесненных с территории России

белогвардейских войск) — 1932 г.; 3) 1931 г. (время переселения недовольных коллективизацией в СССР) — 1954 г.; 4) 1954 г. (время выезда русских из Синьцзяна в Австралию и в Россию) — 1997 г.

Православие пришло сюда вместе с возникновением русской колонии. Есть основания предполагать, что жившие в конце прошлого века в Кульдже китайцы-католики также вели свое происхождение от русских (албазинских казаков, плененных в 1685 г. войсками императора и увезенных в Пекин. Их пребывание в Пекине и положило начало истории Российской Духовной Миссии в Китае). В 1850 г. в Томске русский купец Порфирий Глебович Уфимцев сообщил настоятелю Гуслицкого монастыря Московской епархии игумену Парфению о том, что во время многократных торговых поездок в Кульджу познакомился там с китайскими христианами, сообщившими о том, что они по происхождению — русские, по вере — православные. Они утверждали, что являются потомками пленников из Албазина. По их словам, за дерзость по отношению к императорскому правительству 50 русских семей были сосланы из Пекина в отдаленную Кульджу. Сблизившись с единственными христианами в Кульдже — католиками — потомки албазинцев стали ходить в католический храм, переняли и латинские обряды, но сохранили память о вере отцов.

Игумен Парфений эти сведения изложил в письме к митрополиту Московскому Филарету. Последний, наведя справки об игумене Парфении, переслал его письмо обер-прокурору Синода графу Протасову. Обер-прокурор доложил о письме императору Николаю I, а Государь передал письмо в Государственный совет, где было решено присоединить к России Семиреченскую область — прилегающую к Китаю степь, а в Кульдже и Чугучаке — открыть русские консульства и храмы при них. В 1871 г. Россия присоединила к своей территории значительную часть Западного Туркестана.

Политические и военные обстоятельства Туркестанского края побуждали Русское правительство к занятию Кульджинского ханства. Оно, однако, не было присоединено к России окончательно, но перешло вскоре под покровительство Китая. В то время русское население Кульджи насчитывало 2000 человек. Русские и составляли приход единственного в Кульдже православного храма. Первая церковь была временной. Она размещалась в одном из китайских зданий. В январе 1872 г. она была освящена во имя святого пророка Илии. В церковно-административном отношении храм в то время входил в состав Томской епархии. Томский Преосвященный владыка Платон прислал в Кульджу иеромонаха, тогда и началось постоянное богослужение.

С увеличением числа русских в Кульдже старый храм стал слишком тесен, поэтому было решено возвести новый каменный храм. Он был заложен летом 1875 г. и освящен 17 марта 1877 г. по благословению Туркестанского архиепископа, в ведение которого отошел этот приход. Храм был освящен местным протоиереем М. Путинцевым во имя святого пророка Илии.

В кульджинском храме были собраны списки многих чтимых русских икон, так как по просьбе настоятеля многие архиереи, наместники монастырей и настоятели соборов прислали в Кульджу иконы, освященные у святых мощей угодников Божиих или чудотворных икон как благословение новому храму. Пожертвования сделали Александр-Невская, Троице-Сергиева и Почаевская Лавры, Валаамский и Соловецкий монастыри, Курская Коренная обитель, Нилова пустынь, Новгородский Софийский собор,

Пафнутьево-Боровский монастырь, Иосифо-Волоцкий, Макарьевский, Спасо-Бородинский и другие монастыри. Всего было пожертвовано около 45 икон.

Кроме Кульджи и Чугучака, русские также появились и в Урумчи, где было открыто даже консульство. Из метрических книг Урумчинской церкви видно, что в 1905 г. там служил о. Николай, назначенный, вероятно, из Пекина. Прослужил он неполный 1905 год. В Чугучак для совершения богослужений и треб приезжали священники из русских селений, расположенных близ границы. К 1915 г. относится назначение в Кульджу иеромонаха Серафима. Также была устроена церковь и при консульстве в Урумчи, но постоянного священника туда не назначали. Богослужение совершал иеромонах Серафим, приезжавший из Кульджи.

Русская диаспора в Синьцзяне была немногочисленна до 1920 г. когда на его территорию вступили белогвардейские части атаманов Анненкова и Дутова. В их составе были и священнослужители: архимандрит Иона (Покровский), занимавший должность старшего священника дутовских частей, и служившие при отдельных частях священники Феодосий Солошенко и Григорий Штокалко.

Первоначально эти части сохраняли свою военную организацию, и священники находились при них. Архимандрит Иона и о. Григорий Штокалко служили в Суйдуне, где расположился атаман Дутов со своим штабом, о. Феодосий Солошенко состоял при своей части.

После смерти атамана Дутова в феврале 1921 г. военная организация белых частей быстро распалась. Архимандрит Иона с другими старшими чинами армии выехал в Пекин, где поступил на службу в Русскую Духовную Миссию. В 1922 г. он был рукоположен в сан епископа и в должности викария архиепископа Пекинского назначен в г. Маньчжуню, где скончался в 1925 г., оставив по себе память как о ревностном пастыре, большом благотворителе и крупном общественном деятеле.

О. Григорий Штокалко остался служить в Суйдуне, о. Феодосий Солошенко выехал в Чугучак, где был построен православный храм. Игумен Серафим в 1921 г. переехал на службу в Урумчи, в Кульдже остался служить приехавший из России о. Василий Федюшин. Все церкви в Синьцзяне стали приходскими. В Суйдуне осталась принесенная дутовцами, Табынская икона Божией Матери, чтимая в Оренбуржье.

В 1925 г. о. Василий Федюшин уехал в СССР, его место занял о. Григорий Штокалко, в Суйдуне стал служить о. Феодосий Солошенко, в Чугучаке в это время или несколько позже начал служить священник Акимов. В 1930 г. туда приехал о. Е. Тимаков.

Примерно к 1925 г. определилась картина русского расселения в Синьцзяне, остававшаяся неизменной до второй половины 50-х гг. Первой по численности русского населения стала Кульджа, затем шел Чугучак с прилегающими районами и Урумчи. В то время Пекинскую и Китайскую епархию возглавлял архиепископ Иннокентий (Фигуровский). Его трудами церковная жизнь Синьцзяна, как и всего Китая, во второй половине 20-х годов начала устраиваться. Приходы Синьцзяна были объединены в благочиния, благочинным был назначен иеромонах Серафим, возведенный в сан игумена. Он в то же время нес послушание настоятеля Урумчинского прихода. Им был предпринят объезд благочиния, посланы доклады в Пекин. Деятельность о. Серафима продолжалась до 1931 г., когда он выехал в Палестину, поступив в Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме. Новый благочинный назначен не был, церковного цен-

тра, объединяющего Синьцзян, не стало. К этому времени численность русских в этом районе стала уменьшаться.

В 1931 г. начался новый приток русского населения в Синьцзян, он увеличился в 1932-33 гг. Это были недовольные коллективизацией, начавшейся в Туркестане и Казахстане. Начался третий период пребывания русских в Синьцзяне. В числе прибывших были и священнослужители: прот. Павел Кочуновский, прот. Михаил Маляровский, священник Иоанн Филонский, священник Дмитрий Любов, священник Кудрявцев. Кульджа, Чугучак и Урумчи по-прежнему оставались церковными центрами, однако новые приходы стали появляться и в других местах. Они открывались и закрывались, главным образом, в связи с приездом или отъездом тех или иных священников. В одних местах строились молитвенные дома, в других служба шла во временных помещениях.

Во время дунганского восстания священники служили при созданных тогда в Синьцзяне русских военных частях.

К этому времени относится и начало разделения Кульджинского прихода, продолжавшееся много лет. Между о. Григорием Штокалко и о. Павлом Кочуновским, также поселившимся в Кульдже, начались трения. Причины их установить сейчас трудно. В 1933 г. о. Григорий Штокалко умер, его сменил приехавший из Урумчи о. Феодосий Солошенко. Разделение прихода завершилось. Протоиерей Павел Кочуновский устроил небольшую церковь, вокруг него объединилось некоторое число прихожан.

В остальных местах Синьцзяна церковная жизнь шла своим чередом. В Урумчи служил о. Д. Любов, позднее его сменил о. И. Филонский, а о. Д. Любов служил по разным местам. Прот. М. Маляровский служил в Суйдуне, позднее обосновался в Лоуцоугоу. В Чугучаке и его районах служили священники Акимов и Тимаков.

В 1934 г. архиепископ Пекинский и Китайский Виктор решил провести мероприятия по приведению в порядок церковной жизни Синьцзяна. По его предложению Архиерейский Собор в Сремских Карловцах в том же году решил создать в Синьцзяне викариатство с пребыванием епископа в Урумчи. На эту кафедру предполагалось возвести настоятеля Казанско-Богородицкого монастыря в Харбине архимандрита Ювеналия (Килина). 7 февраля 1935 г. было совершено наречение его во епископы. 10 февраля того же года в кафедральном соборе Харбина архиепископ Мелетий в сослужении архиепископа Нестора, епископа Димитрия и епископа Иоанна рукоположил архимандрита Ювеналия в сан епископа Синьцзянского, второго викария Пекинской епархии.

Обстановка, вскоре осложнившаяся вследствие японско-китайского вооруженного конфликта, не дала возможности епископу Ювеналию проехать в Синьцзян. В 1936 г. он выехал в Пекин, где временно заменял начальника Русской Миссии, находившегося в Белграде. В 1937-38 гг. епископ Ювеналий заменял на кафедре в Шанхае епископа Иоанна (Максимовича), принимавшего участие в работе Архиерейского Собора в Сремских Карловцах. После его возвращения епископ Ювеналий был определен настоятелем Никольского Храма-Памятника в Шанхае, а затем по ходатайству начальника Миссии и по решению Зарубежного Синода вновь назначен настоятелем Казанско-Богородицкой обители с подчинением ему монастыря в Трехречье и вторым викарием Харбинской епархии с титулом Цицикарского. В этом качестве Владыка прослужил до 1947 г. В этом году он выехал в СССР, где возглавлял Челябинскую, а затем — Иркутскую, Омскую и Ижевскую епархии.

События этих десятилетий нарушали и без того непрочную связь Синьцзяна с Пекином, чему способствовало и отсутствие объединяющего центра в самом Синьцзяне. Церковная жизнь там шла самотеком.

Крупным событием этого периода является постройка постоянного храма в Кульдже (в 1925 г. церковь находилась в помещении при консульстве, а потом была перенесена в наемное помещение). Храм был построен примерно в 1937-38 годах на пожертвования православного населения и существовал до 60-х годов. В это же время (конец 30-х годов) из Суйдуна в Кульджу была перенесена Табынская икона Божией Матери. Этот город окончательно становится церковным центром Синьцзяна.

Военные события 1944-45 гг. в Синьцзяне не внесли изменений в церковную жизнь. В 1946 г. скончался настоятель Кульджинского прихода священник Феодосий Солошенко. Прихожане ходатайствовали перед Московской Патриархией о назначении нового священника. Временно для служения был приглашен проживавший в одном из поселков свящ. Д.Любов. Осенью прибыл назначенный на должность благочинного православных церквей Синьцзяна и настоятеля храма свт. Николая в Кульдже прот. Д.Млодзяновский. Из-за отсутствия в это время связи с Пекином он находился в непосредственном ведении Московской Патриархии. Восстановленное Синьцзянское благочиние состояло из следующих приходов: в Кульдже, помимо большого храма, был малый, возглавляемый прот. П.Кочуновским, в Чугучаке служили священники Акимов и Е.Тимаков, в Урумчи — священник И.Филонский, в Лоуцоугоу — протоиерей М.Малаяровский.

Православное население составило около 10 тысяч человек в целом по Синьцзяну.

Протоиерей Д.Млодзяновский произвел большой ремонт и перестройку кульджинской церкви и церковного дома, также им была выстроена колокольня.

В 1948-49 годах скончались настоятель храма в Лоуцоугоу прот. М.Малаяровский и настоятель храма в Урумчи священник И.Филонский. Заместителей им не нашлось, приход в Лоуцоугоу был приписан к Кульдже, а место в Урумчи осталось вакантным. Освобождение Синьцзяна частями Народной Освободительной Армии Китая и присоединение его к КНР способствовало новым попыткам Пекина устроить церковную жизнь этого района. В Пекине тогда не знали о назначении из Москвы прот. Д.Млодзяновского, и епископ Виктор назначил на должность настоятеля прихода в Урумчи протоиерея Геннадия Карасова, служившего в Пекине. Ему было поручено изучить положение православных приходов в Синьцзяне. Прибыв в Урумчи весной 1950 г., он летом совершил поездку в Кульджу и Чугучак. Несогласованность в действиях церковных властей Пекина и Москвы привела к некоторым недоразумениям: Урумчи стал подчиняться Пекину. Служение прот. Карасова продолжалось недолго: в ночь с 9 на 10 января 1951 г. он погиб, задохнувшись дымом во время пожара своей квартиры. Приход в Урумчи снова остался без священника.

В 1952 г. протоиерей Д.Млодзяновский был отозван в СССР и его место занял протоиерей П.Кочуновский. Период с 1952 по 1954 гг. был тяжелым в жизни кульджинского прихода. Старые распри возобновились, часть прихожан составила оппозицию протоиерею П.Кочуновскому. Обе стороны постоянно жаловались в Пекин, стали писать и в Московскую Патриархию.

Мирополит Крутицкий Николай (Ярушевич) направил письмо Экзарху Восточной Азии архиепископу Пекинскому и Китайскому Виктору с просьбой наметить кандидата для

служения в Синьцзяне. В Пекине подходящих кандидатур не было, а попытки Экзарха связаться с духовенством, находящимся в Харбине, первоначально успеха не имели: переписка владыки Виктора с харбинским духовенством шла 2 года, но никто не соглашался ехать в Синьцзян.

В 1954 г. архиепископ Виктор обратился к епископу Харбинскому Никандру с просьбой прислать ему нужного для Синьцзяна священнослужителя. Епископ Никандр предложил поехать туда иеромонаху Софронью (Иогелю), служившему в Казанско-Богородицком монастыре. По получении его согласия архиепископ Виктор назначил его настоятелем Кульджинского прихода, а затем и благочинным Синьцзяна. 6 июня 1954 г. о. Софроний был возведен в сан игумена, а 9 июня выехал из Харбина к месту своего служения. 29 июня он прибыл в Урумчи, где провел 5 дней, совершая богослужения, отправляя требы, знакомясь с церковной жизнью. 8 июля он прибыл в Кульджу. Приезд о. Софрония совпал с началом четвертого периода пребывания русских в Синьцзяне — периода массовой эмиграции в Австралию, Канаду и репатриации в СССР.

В июле 1954 г. начался выезд русских на целину, затронувший пока только Илийский округ. Увеличился и отъезд по визам. В следующем, а также в 1956 г. выезд на целину охватил уже весь Синьцзян, приходы в Урумчи и Чугучаке совсем обезлюдели. Священник Д.Любов, служивший зимой 1954-55 гг. в Урумчи, вернулся в Кульджу, где жил на положении заштатного священника. Настоятель Чугучакской церкви свящ. Е. Тимаков выехал на целину. В Синьцзяне служил только игумен Софроний.

С дарованием автономии Китайской Православной Церкви Синьцзянское благочиние формально подчинилось Пекинской епархии, которую возглавлял епископ Василий (Шуан). Однако удаленность от Пекина и многолетнее подчинение непосредственно Москве ставили благочиние в сложное положение. Кроме того, епископ Василий сам испытывал определенные сложности в управлении вверенной ему епархией. Даже известие о его хиротонии было получено в Синьцзяне не из Пекина, а из Москвы, из очередного номера журнала Московской Патриархии.

В 1956 г. состояние церковной жизни Синьцзяна можно было назвать критическим. Тяжелое финансовое положение приходов, прошения игумена Софрония отправить его в Россию по состоянию здоровья и его предполагаемый отъезд осложнили православную жизнь в Синьцзяне.

Игумен Софроний написал рапорт в Пекин с просьбой прислать в Синьцзян священника-китайца. Ответ гласил, что ни средств, ни кандидатуры священника для замены о. Софрония в Пекине нет. Архимандрит Василий, будущий епископ Пекинский, рекомендовал о. Софронью самостоятельно вести переговоры с местными отделениями по делам культов и с Московской Патриархией по всем вопросам церковной жизни Синьцзяна. Позднее он не отвечал на письма о. Софрония. Вероятно, в Пекине мало были знакомы с церковной ситуацией Синьцзяна и считали, что о. Софроний и сам управится с возникающими проблемами.

В результате переговоров о. Софрония с государственными чиновниками Синьцзяна правительство согласилось оказать материальную помощь, однако вопрос о назначении нового священника-китайца рассматривало как внутрицерковный и средств на его приезд не обещало, таким образом, вопрос о преемнике о. Софрония отпал. Правительство Синьцзяна все же говорило о возможном закрытии православных храмов как о нежелательном событии. В дни проведения этих переговоров, состоявшихся в Урумчи,

о. Софроний служил в Свято-Духовском храме Урумчи, располагавшемся в бывшем магазине.

В конце осени 1957 г. состояние здоровья о. Софрония ухудшилось, в рапорте на имя митрополита Крутицкого Николая он просил освободить его от служения в Синьцзяне и позволить выехать в СССР. В ответ ему говорилось, что Московская Патриархия готова принять его, если епископ Василий (Шуан) освободит его от занимаемой должности благочинного Синьцзяна. В ответ на телеграмму о. Софрония владыка Василий отвечал, что вмешиваться в дела Синьцзяна не может, но против отъезда о. Софрония возражений не имеет. Этот ответ и стал основанием для получения о. Софронием в консульстве в Кульдже разрешения на выезд в СССР.

23 декабря 1957 г. в возрасте 81 года в Кульдже скончался протоиерей Д. Любов. 27 декабря состоялось его погребение.

За два года — с августа 1958 г. по август 1960 г. — о. Софроний был госпитализирован 9 раз. Отъезд в СССР он откладывал только лишь по причине того, что еще не все православные покинули Синьцзян.

В Чугучаке верующие продолжали собираться на молитву, петь часы. Храм поддерживался в хорошем состоянии.

В Урумчи церковная жизнь была менее активной: народ редко собирался в храм без священника. В конце концов, церковное имущество урумчинского прихода было отвезено на правительственный склад.

Самая чтимая святыня — чудотворный образ Табынской Божией Матери — сохранялся у левого клироса Кульджинского храма. Икона высотой почти с метр была одета в позолоченную серебряную ризу.

Половина из оставшихся русских проживала в Кульдже, а остальные расселились небольшими группами по разным районам Синьцзяна.

1 сентября 1960 г. игумен Софроний выехал в СССР, и в качестве служащего священника пребывал сначала в Троице-Сергиевой Лавре, а позднее — в Успенском Псково-Печерском монастыре.

Многие русские пострадали во времена "культурной революции", когда, помимо прочего, преследовался любой вид религиозной деятельности. Но причина этого заключалась не столько в религиозных убеждениях, сколько в том, что русское меньшинство считалось "фактором политической ненадежности".

По этим причинам многие хотели уехать, и власти без особых препятствий разрешали выезд значительному числу русских, отправлявшихся в основном в СССР, Австралию и Канаду. С течением времени оставшееся русское население смешалось с китайским и уйгурским, однако во многом сохранило Православие. Сохранились до сего дня и каина до главного города Синьцзян-уйгурского автономного района КНР Урумчи представляет собой начало знаменитого Великого шелкового пути, соединявшего в давние времена Китай и страны Центральной Азии. Он и был путем распространения христианства среди народов, населявших Западный Китай. Синьцзян (в переводе на русск. "новая граница") — один из самых многонациональных районов КНР.

Официальная статистика КНР сообщает, что среди 13 миллионов жителей Синьцзяна 30% составляет уйгурское население. На севере — в пределах Китайского Алтая — живут алтайские народы; на востоке, на границе с Монголи-

ей, — монголы; на западе — казахи, киргизы, таджики, узбеки.

Часа через два полета из Пекина над Северным Китаем и Южной Монголией самолет вновь пересекает воздушную границу КНР уже в пределах Синьцзяна. Из окна видна огромная песчаная пустыня. Зимой ее пески часто перемешаны со снегом. В январе нередки 30-градусные морозы с ветрами. Летом стоит 40-градусная жара. Всегда сухо. Через три часа полета с самолета виден Китайские Казачьи станции в пределах Китайского Алтая. По статистическим данным, этническое русское население Синьцзяна насчитывает до 2000 человек. Потомки русских — уже китайские граждане, но сохранившие также традиционный русский быт и уклад жизни.

После смягчения политического климата в Китае, начиная с 1977 г. отношение государства к русскому национальному меньшинству изменилось. Пресса с похвалой отзывалась о нем, о его заслугах перед Китаем. Православное христианство в рамках свободы вероисповеданий вновь находится под охраной Конституции страны. 25 апреля 1984 г. центральная ежедневная газета КНР "Жэньминь жибао" сообщила о том, что Государственная Комиссия по делам национальностей устроила официальный пасхальный прием для 600 русских в г. Урумчи, а правительство Синьцзяна еще в 1983 г. официально признало за русскими право праздновать Рождество и Пасху. В эти дни им разрешено было не выходить на работу.

Центр церковной жизни переместился в Урумчи. В 1991 г. по ходатайству православного населения Урумчи правительство Синьцзяна построило взамен разрушенного храма новый, названный Никольским. На нем установлена табличка с надписью по-уйгурски, по-китайски и по-русски: "Урумчинская православная церковь". Храм этот не был освящен: православные священники не появлялись в Синьцзяне почти 40 лет. Народ, однако, сохранил веру до сего дня: люди собираются по воскресеньям и праздникам для совместной молитвы. Выехавшие из Синьцзяна также хранят память о своей второй родине: в алтаре Урумчинского храма на Горнем месте и сегодня можно видеть запрестольный Крест, переданный одним верующим из Сан-Франциско. Кто-то из России также передал в этот храм несколько бумажных икон, сделанных из настенных церковных календарей.

В Кульдже каменный храм также был разрушен в годы "культурной революции". Тогда же пропала и Табынская икона Божией Матери. Оставшиеся в Кульдже православные собираются в комнату, где хранятся старые нехитрые иконы и кое-какие богослужебные книги. Многие верующие за неимением молитвословов от руки тщательно переписывают молитвы, передают их друг другу и бережно сохраняют.

Иногда в Никольский храм в Урумчи заходят русские, сейчас все чаще приезжающие в Синьцзян по торговым делам из Новосибирска, Барнаула и Москвы. Речь идет даже о строительстве новой Урумчинской церкви. Как знать, может, это послужит началом нового периода в истории Православия в Синьцзяне?..

*Священник Дионисий Поздняев,
II курс МДА*